#12 (52), 2019 część 8
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.
Częstotliwość: 12 wydań rocznie.
Format - A4, kolorowy druk
Wszystkie artykuły są recenzowane
Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.
Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#12 (52), 2019 part 8
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland.
The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Each author receives one free printed copy of the journal
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood(University College London)

Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood(University College London)

Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

http://eesa-journal.com/

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

http://eesa-journal.com/

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Nika O. M.
RANKING OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS IN UKRAINE....4

Покрова С. В.
ДОСВІД ЗАСТОСУВАННЯ ФОРМУВАЛЬНОГО ОЦІНЮВАННЯ НАВЧАЛЬНИХ ДОСЯГНЕНЬ МОЛОДШИХ ШКОЛЯРІВ....6

Смагина Т. В., Пшикина С.Ю., Грачева С. С., Учасов Д. С.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ МДК. 01.01 МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗООГИГИЕНИЧЕСКИХ, ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ И ВЕТЕРИНАРНО-САНИТАРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ....10

Рукавицына С. Л., Рукавицын Д. Б.
ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОШИБКИ ИСПОЛНЕНИЯ В УПРАЖНЕНИЯХ С ГИМНАСТИЧЕСКОЙ ЛЕНТОЙ ...13

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антонова Л.Г.
ТРЕБОВАНИЯ К ПЕРЕДАЧЕ ИНФОРМАЦИИ В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ....17

Quziboyeva R.
METHODICAL RESOURCES IN TEACHING THE GENDER CATEGORY OF NOUNS TO FOREIGN STUDENTS....20

Ametova U.
THE COLOR ANALYSIS IN KUBRAVIA....21

Копаница Л. Н.
КОЛЛЕКТИВНОЕ МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОЛЬКЛОРА В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОМИНАНТАХ....23

Міхно Н.А.
ПРИСЛІВ'Я ТА ПРИКАЗКИ З КВАНТАТИВНИМ КОМПОНЕНТОМ....31

Раджапова Н. Б.
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИНАЛЬНЫХ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ, УЗБЕКСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ....36

Baigalsaikhan Sanjaa, Tumurbaatar Maidarjav
NEW OPPORTUNITIES FOR THE THREE NEIGHBOR COUNTRIES IN THEIR CULTURAL AFFAIRS....41

Кулумбетова А. Е.
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В СИСТЕМЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И.А. БУНИНА "СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ"....48

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Kulyk O.
THE IMPACT OF HEINRICH RICKERT'S IDEAS ABOUT CHAOS ON *RUDOLF CARNAP*....53

Набатов С. М.
АКСІОЛОГІЧНИЙ ПІДХІД У ПРОФЕСІЙНІЙ ПІДГОТОВЦІ МАЙБУТНІХ ФАХІВЦІВ ТЕАТРАЛЬНОГО МИСТЕЦТВА У США: СУТНІСТЬ ТА ДОЦІЛЬНІСТЬ ЗАСТОСУВАННЯ....55

Мальцев О.В.
КЛЮЧОВИЙ НАВИК ЕПОХИ: ІСТОРИКО-ПСИХОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ....58

Маньковська О. Ю.
ХОРЕОГРАФІЧНІ ТЕХНІКИ ЯК ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ СЦЕНІЧНОЇ МАЙСТЕРНОСТІ МАЙБУТНІХ АКТОРІВ У ПРОЦЕСІ ФАХОВОЇ ПІДГОТОВКИ....66

Полякова О.О.
АРХЕОАСТРОНОМИЯ, КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО ПОЗНАНИЯ....69

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Nika O. M.
Higher State Educational Establishment of Ukraine
"Bukovinian State medical University",
Chernivtsi, Ukraine

RANKING OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS IN UKRAINE

Abstarct. The article determines the main criteria and indicators considered in compiling University ratings. The most authoritative world (Webometrics ranking, Shanghai ranking, Academic ranking, Times University ranking) and Ukrainian ("Compass", "Top-200 Ukraine", "Ukrainian University Ranking" (The Ministry of Education and Science of Ukraine), SciVerse Scopus, by the version of the journal «Correspondent») university rankings are characterized.

Key words: ranking, university ranking, academic ranking, Webometrics ranking.

Problem statement. Nowadays rankings have become very popular. The customers are interested in them, and irrespective of the attitude of certain universities or other organizations to them they are impossible to be avoided. The Institute of Higher Education Strategy and UNESKO European Center in the sphere of higher education organized several important international forums. In 2004 the Forum held in Washington established the International Expert Group to determine university ranking – International Ranking Experts Group (IREG). IREG activity includes a careful examination of ranking assessment in university work, elaboration of procedures and approaches to evaluation of ranking systems available, making international comparative analysis etc.

Transparency of higher education today is a society challenge, reputation and necessity. A step to solve the issues concerning improvement of the quality of higher education is introduction of external and internal monitoring of higher education quality and presentation of the results of monitoring in the frame of ranking of higher educational institutions [3, p. 271–272].

A characteristic feature of higher education at the present stage is introduction of ranking of higher educational institutions (HEI). Today there are approximately ten HEI rankings in the world. Traditionally American and English universities are on top of rankings [2, p. 48].

The use of higher educational institutions rating/ranking is necessary for applicants in order to choose a higher educational institution, for the higher educational institution authority – to manage effectively, for employers – to select high quality working resources, for the governments and politicians – to form a stable standard-legal base and provide an adequate market of educational services and labour market. Therefore, ranking system should satisfy all the customers of educational services and organizers of higher education.

The ranking pattern of higher education system is a certain reflection of a real state in which it is functioning at a certain moment. On the basis of analysis of functional branches in the university activity ten summarizing topical directions are determined in the ranking pattern: presentation of achievements on the international level; presentation of achievements on the national level; access, organization structure and management; scientific-pedagogical potential; training of scientific and scientific-pedagogical staff; integration of higher education and science; effectiveness of training specialists; financial resources; information resources; educational and social infrastructure [3, p. 272–273].

At the present stage rankings are considered as a rather objective integral quality index in HEI activity. They enable to form an impartial image about the system of higher education; promote a healthy competition between universities, promote increase of the quality in their work, and considerably satisfy the needs of the labour market, applicants and their parents. Therefore, improvement of the ranking methods has actually become a world tendency, and the main studies are conducted in order to create the most real, objective, accurate and effective reflection of the higher education quality.

The most authoritative world rankings are Academic Ranking of World Universities (ARWU), Times ranking, ranking of the journal U.S. News & World Report and Webometrics rankings [4, p. 8–9].

The first university ranking in the world was the one compiled in June 2003 by the Institute of Higher Education of Shanghai University (China) – «Ranking of World Class Universities», or Shanghai ranking [1, p. 313]. The primary purpose of ranking was to assess lagging level of Chinese universities from those of the world leading universities. After this ranking was reported it got a number of positive opinions, and nowadays it is considered one of the most authoritative and relative world HEI rankings [6, p. 103].

ARWU ranking is based on the following criteria and indicators:

- quality of education (total load 10 %), determined by the number of graduates who has become the Nobel Prize winners, awarded with medals in certain fields of knowledge (for example, medals of the International Mathematical Union, etc.);
- level of teachers (total load 40 %) considered by the two constituents: a) the number of teachers who are the Nobel Prize winners, and those awarded with special awards in certain fields of knowledge (20 %);

б) citation index in scientific publications in 21 subject category of ISI Highly Cited version (20 %);

- results of scientific researches (40 %), determined by the amount of scientific articles published in prestigious academic scientific journals of the world («Nature», «Science», etc.) in recent 5 years, the number of articles with high citation index in natural and social sciences;
- so-called «academic density» of the university (10 %), determined by the ratio of the total score on the above indices to the number of academic staff of full-time job.

Unfortunately, none of the Ukrainian universities is found among 500 best universities of Shanghai ranking, or 200 best universities of Times ranking [1, p. 314–315]. According to *QS World University Rankings 2014/15*, HEI of Ukraine were distributed by the following positions in the ranking: Taras Shevchenko National University of Kyiv (421–430), V. N. Karazin Kharkiv National University (481–490), National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute" (551–600), Sumy State University (651–700), Donetsk National University (701+), National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute" (701+) [7]. Webometrics ranking of world's universities has been used actively as well. It is one of the rankings according to which the university activity is analyzed in the Internet. Webometrics is a branch of informatics within the frame of which quantitative aspects of constructing and application of information resources, structures and technologies concerning World Wide Web are examined. The term was introduced by Thomas Almind and Peter Ingwersen in 1997. The ranking has been compiled since 2004 and published twice a year (June-July and January). It is compiled by the «Cybermetrics Lab» of the «Spanish National Research Council» (CSIC), acting at the Ministry of Science and Innovations of Spain. The process of compiling Webometrics ranking differs considerably from Shanghai ranking and QS-THES ranking. By means of this ranking, HEIs are compared by the degree of filling of their official Internet-sites. Publication of ranking is an additional motivation to publish more scientific works in the Internet, which makes it available for scientific community irrespective of its territorial location [2, p. 48–49].

Webometrics ranking is calculated according to the following indicators:

- the amount of printed Internet-pages – 25 %;
- the number of files in pdf, ps, doc and pps format – 12,5 %;
- the number of articles entered in the Academic data base (Google Scholar Database) – 12,5 %;
- the total amount of external references – 5 % [1, p. 315].

The suggested criteria and principles of Webometrics ranking should stimulate the motivation of both HEI and its separate staff members to continuous, systematic and available presence in the Internet. The authors of the ranking system believe it reflects their activity and achievements completely [6, p. 109].

In the world and European educational space ranking systems have become widely used and applied in different spheres of economic, social, political activities. Ranking assessment of the higher educational institutions activity of all the forms of property in Ukraine is an integral constituent of the national monitoring of higher education. In Ukraine a considerable work has been conducted considering development and improvement of different methods in HEI ranking. Every ranking system assumes certain purposes and possesses appropriate target groups of users [2, p. 49–50].

The largest ranking systems in Ukraine are the following:

Ukrainian HEI ranking *«Compass»*;

Ukrainian Universities ranking *«Top-200 Ukraine»*;

«Ukrainian Universities ranking» (the Ministry of Education and Science of Ukraine);

Ukrainian HEI ranking according to the scientometric data base SciVerse Scopus;

Ukrainian best HEI ranking by the version of the journal «Correspondent».

It should be noted that situation in the world of international rankings of leading universities is changing. In 2011 Multi-Dimensional Global University Ranking was established, made to the order of the European Commission. In recent times, the European ranking of the world universities U-Multirank is being elaborated. Soon it will be tested in a pilot mode. It was preceded by the elaboration of HEI classification system U-map, which enables to compare really commensurable universities [6, p. 112–113]. Though, the fact remains that these ranking systems have become influential factors in the formation of the global educational system [1, p. 315].

Conclusions. Having analyzed the term «ranking» and determined the main criteria and indicators considered in the compiling university ranking systems, the most authoritative world and Ukrainian university rankings are characterized. The analysis is indicative of the fact that introduction of the world university rankings in the system of providing quality of higher education promotes improvement and implementation of substantial changes concerning criteria and indicators of the Ukrainian university rankings. It is obvious that the experience of application of the indicators and criteria of the world university rankings is essential for improvement, specification, accurate definition and modification of approaches, methodology, criteria and indices while compiling Ukrainian university rankings. It is this peculiarity that can become an important factor enabling Ukrainian universities to enter the first hundreds of the leading world universities in the nearest future.

References

1. Kurbatov S. Universytetsjki rejtynghy jak indykator stanu osvity / S. Kurbatov // Filosofija osvity. – 2008. – № 1–2(7). – S. 309–317.

2. Lunjachek V. E. Osnovy pedaghoghiky vyshhoji shkoly : navch. posib. / V. E. Lunjachek. – Kh. : KhNU imeni V. N. Karazina, 2014. – 252 s.

Pavlova O. Ju. Kuljturna integhracija vitchyznjanykh zakladiv vyshhoji osvity do Jevropejsjkogho osvitnjogho seredovyshha / O. Ju. Pavlova, T. F. Meljnychuk, T. M. Mysjura. – K. : KIM, 2012. – 298 s.

4. Podoljanchuk S. Naukova skladova u svitovykh rejtynghakh universytetiv / S. Podoljanchuk // Vyshha shkola. – 2012. – № 5. – S. 7–19.

5. Prykhodjko V. V. Strateghija reformy nacionaljnoji vyshhoji shkoly : monoghrafija / V. V. Prykhodjko. – Dnipropetrovsjk : Zhurfond, 2014. – 460 s.

6. Tatarinov I. Je. Svitova praktyka formuvannja rejtynghiv universytetiv: vyznachennja najbiljsh ob'jektyvnykh kryterijiv ta indykatoriv ocinjuvannja / I. Je. Tatarinov, O. V. Gherasymov // Ukrajinsjkyj socium. – 2013. – № 1 (44). – S. 100–116.

7. QS World University Rankings® 2014/15 [Elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu: http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university

8. Zaghirnjak M. V. Ranzhuvannja u vyshhij osviti – nacionaljnyj dosvid ta perspektyvy rozvytku [Elektronnyi resurs] / M. V. Zaghirnjak, S. A. Serghijenko. – Rezhym dostupu: http://ees.kdu.edu.ua/wp-content/uploads/2013/04/83.pdf

Pokrova S.V.
Senior Lecturer of the Department of Primary Education of the Public Institution «Zaporizhzhya Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education» of Zaporizhzhya Regional Council

THE EXPERIENCE OF APPLICATION OF THE FORMATIVE ASSESSMENT OF YOUNGER PUPILS'EDUCATIONAL ACHIEVEMENTS

Покрова Світлана Василівна
старший викладач кафедри початкової освіти Комунальний заклад «Запорізький обласний інститут післядипломної педагогічної освіти» Запорізької обласної ради

ДОСВІД ЗАСТОСУВАННЯ ФОРМУВАЛЬНОГО ОЦІНЮВАННЯ НАВЧАЛЬНИХ ДОСЯГНЕНЬ МОЛОДШИХ ШКОЛЯРІВ

Анотація. У статті досліджено українські та зарубіжні педагогічні джерела, присвячені проблемі впровадження формувального оцінювання навчальних досягнень молодших школярів у систему освіти. Автором проаналізовано погляди учених на сутнісні характеристики цього виду оцінювання. Розкрито сучасні методичні підходи до оцінювання навчальних досягнень учнів на різних етапах навчання. Визначено потребу вдосконалення й подальшого введення технологій формувального оцінювання в освітній процес Нової української школи. Окреслено проблему формування оцінювальної компетентності педагога як складової частини його професійної майстерності.

Abstract. The article explores Ukrainian and foreign pedagogical sources, devoted to the problem of introduction of formative assessment of educational achievements of younger pupils in the educational system. The author analyzes the views of scientists on the essential characteristics of this type of assessment. Modern methodological approaches to the evaluation of pupils' educational achievements at different stages of learning have been revealed. The need to improve and further introduce the technologies of formative assessment in the educational process of the New Ukrainian School has been determined. The problem of forming the teacher's evaluative competence as an integral part of his professional skill is outlined.

Ключові слова: навчальні досягнення молодших школярів, технології оцінювання, формувальне оцінювання, оцінювальна компетентність.

Keywords: educational achievements of junior pupils, assessment technologies, formative assessment, assessment competence.

Постановка проблеми: Наше сьогодення – час глобальних змін у способі життя, спілкуванні, мисленні, сприйнятті майбутнього. Для адаптації та успішності в суспільстві нам неодмінно потрібні позитивні зміни в навчанні і, як наслідок, переосмислення системи оцінювання освітнього процесу та пошуку відповідних до нових педагогічних трансформацій технологій оцінювання учнівських компетентностей в цілому і в початковій освіті зокрема.

Зазначимо, що основним принципом педагогічної діяльності є сприяння розвитку учнів. Навчання й розвиток дитини постійно знаходяться у процесі змін. Для досягнення навчальної

самостійності, ініціативності та відповідальності молодшого школяра особливе значення має контрольно-оцінювальна діяльність, а саме: вміння самостійно контролювати та оцінювати свою діяльність та діяльність своїх однокласників, встановлювати та усувати причини труднощів, що виникають у навчанні. Ці вміння можливо сформувати, систематично використовуючи в щоденній практиці інноваційні форми оцінювання, а саме оцінювання для навчання.

Аналіз наукових підходів до процесу оцінювання навчальних досягнень учнів в країнах ЄС вказує на зміни в теорії і практиці цієї галузі педагогіки, а саме визнання важливості формувальної (formative) функції, яка в науково-педагогічній літературі трактується як формувальне оцінювання [3, с. 108]. Після офіційного затвердження та початку впровадження в освітній процес української школи нових Державного стандарту й типових освітніх програм для початкової освіти передбачена інакша система оцінювання навчальних досягнень молодших школярів, побудована на новій філософії сутності цього процесу.

Аналіз останніх досліджень і публікацій засвідчує посилену увагу до досліджуваної проблеми як зарубіжних, так і українських науковців і методистів, а особливо – вчителів-практиків. Щоб спрямувати українську школу на високий рівень якості освіти, важливо знати, аналізувати й синтезувати середовище освітніх змін у різних країнах, що сприяє прогнозуванню не лише перспективних напрямів розвитку означеної галузі, а й ефективних механізмів вирішення її проблем. Про психологічні та методичні основи застосування формувального оцінювання читаємо у працях зарубіжних дослідників: B. Bell та B. Cowie, P. Black, T. Kellaghan й V. Greaney, M. Lovatt, P. Perrenoud, A. Smith, D. Wiliam, D. Wise та ін. До проблем оцінювання у структурі процесів різних напрямків у шкільній освіті зарубіжних країн звертаються і українські та російські дослідники, як-то: О. Денічєва, Г. Єгоров, І. Іванюк, Н. Лавриченко, О. Локшина, Б. Мельниченко, А. Сбруєва. Проблему оцінювання результатів навчання молодших школярів на принципах компетентнісного підходу розглядають І. Зимня, М. Пінська, О. Пометун, О. Савченко, С. Шишов та ін.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми: Здійснений нами аналіз низки наукових досліджень свідчить про те, що у педагогічних науках сьогодні масово вивчається проблема оцінювання навчальних досягнень учнів початкової школи, проте існує складність, пов'язана з тим, що в українській традиційній освітній системі обмежені дидактично обґрунтовані засоби і методи реалізації формувального оцінювання. Особливого значення ця проблема набула в умовах реформування освіти, що викликано необхідністю створення сучасних діагностично-контролюючих засобів оцінювання та впровадження єдиних принципів і критеріїв оцінювання навчальних досягнень учнів з метою визначення якості освіти в країнах європейського співтовариства.

Метою роботи є аналіз педагогічних ідей та досвіду провідних українських та зарубіжних вчених щодо питання формувального оцінювання навчальних досягнень учнів початкової школи, розгляд окремого аспекту різновекторних процесів шкільної освіти – інновацій, що відбуваються в оцінюванні навчальних досягнень молодших школярів.

Викладення основного матеріалу: Основний принцип педагогічних дій – сприяти розвитку учнів. Навчання і розвиток дитини знаходяться в постійному процесі змін. Для досягнення навчальної самостійності, ініціативності та відповідальності молодшого школяра особливе значення має контрольно-оцінювальна самостійність дитини, тобто вміння самостійно контролювати й оцінювати власну діяльність та діяльність своїх однокласників, встановлювати та усувати причини труднощів, що виникають при навчанні. Ці вміння можливо сформулювати , систематично використовуючи в повсякденній практиці формувальне оцінювання. Формувальне оцінювання дає чітку, об'єктивну та репрезентативну картину вмінь дітей та їх прогресу. Це оцінювання відбувається постійно й систематично та відображає реальний досвід навчання, який документується за допомогою спостережень за навчальним поступом молодшого школяра, опису конкретних ситуацій, зразків робіт, портфоліо тощо, забезпечує зворотний зв'язок між педагогом та школярами. Формувальне оцінювання є значущим, бо дитина має сама навчитися ставити перед собою навчальну задачу, знайти способи її вирішення і оцінити власні дії й досягнення.

Тож у контексті дослідження розглядаємо формувальне оцінювання як судження про рівень навчальних досягнень школярів. Об'єктом оцінювання у сучасній початковій школі є учнівські досягнення, які виявляються у предметних компетентностях, що визначені програмою з кожного предмета.

На наш погляд, ключову сутність формувального оцінювання розкриває формулювання P. Perrenoud, в якому зазначено, що це будь-яке оцінювання, яке допомагає учневі навчатися та розвиватися [10, с. 50], тобто воно передбачає активну діяльність учасників освітнього процесу, наявність зворотного зв'язку їх взаємодії та створення можливостей для усунення недоліків і формування індивідуальних освітніх цілей.

Спільним у дослідженнях є розуміння того, що використання формувального оцінювання дає змогу вчителю визначати потреби учнів, забезпечити зв'язок оцінки з індивідуальним навчальним поступом учня, приростом його освітніх результатів. З іншого боку, застосування формувального оцінювання дає можливість

школярам визначити яких результатів навчання слід досягнути; встановити, на якому етапі досягнення своїх цілей вони знаходяться, оцінити точність виконаних дій та операцій, скоригувати напрацьоване.

Особливу увагу привертають результати досліджень українських науковців О. Локшиної та О. Матвієнко, де знаходимо важливі висновки про модифікацію європейської системи оцінювання [2; 4]. Під формувальним розуміють інтерактивне оцінювання прогресу учнів у освітньому процесі. У вітчизняній педагогічній діяльності цей термін паралельно вживається з іншими визначеннями: «формативне оцінювання», «розвивальне», «аналітичне» тощо, що потребує термінологічної узгодженості. Словник проекту ЄС називає цей вид оцінювання «формативною оцінкою» – видом оцінки, що застосовується під час виконання програми з метою, насамперед, надання інформації, яка, у свою чергу, сприятиме її (програми) поліпшенню [6]. В. Ребкало та Ю. Полянський перекладають «formative evaluation» як формувальне оцінювання, що відбувається під час виконання програми і включає аналіз ступеня, до якого програма виконується, та умови, які сприяють її успішному виконанню [5, с. 52].

Вищевикладені точки зору розглядаємо не як протилежні, а як такі, що взаємодоповнюють одна одну. Метою формувального оцінювання є забезпечення зворотного зв'язку та допомога педагогам і безпосереднім виконавцям програми (учням) у питаннях, пов’язаних з її удосконаленням [5, с. 54; 8, с. 5]. Саме оцінювання процесу допомагає учителю визначити, які зміни необхідно внести до структури, стратегії з метою удосконалення виконання дії [8, с. 8].

Підсилення розвивальної функції оцінювання в європейській освітній методиці пов’язано з думкою щодо залучення школяра до процесу оцінювання – на відміну від застарілого підходу, коли останнє розглядалось як дія, що виконується однією людиною – вчителем (суб’єктом), у сучасних умовах перевага починає надаватись двосторонньому процесу, який передбачає активну взаємодію вчителя та учня. Результати дослідження британських учених засвідчили, що школи, які активно застосовували формувальне оцінювання, змогли підвищити навчальні досягнення учнів на відсоток, який у контексті міжнародних порівняльних досліджень вивів би їх на один рівень з такою країною-лідером, як Фінляндія [7, с. 2].

Ще одним позитивом формувального оцінювання вважається аспект справедливості, який трактується у контексті освіти як урахування не лише навчальних результатів учнів, а й ступеня зусиль, що докладені ними для отримання цих результатів: освітні заклади з високим відсотком так званих «неблагополучних» школярів, до яких відносять представників проблемних соціальних груп, в умовах активізації використання формувального оцінювання значно підвищують загальний показник рівня успішності учнів та якості роботи школи [9, с. 23]

До переваг розвивального оцінювання європейці також відносять формування в учнів уміння вчитися, розвитку якого, зокрема, сприяють такі характеристики як залучення учнів до процесу навчання, сприяння усвідомленню його важливості для подальшого життя; формування в них умінь самооцінювання та взаємооцінювання [9, с. 143].

Формувальне оцінювання широко застосовується і в шкільній освіті Франції. Пояснюючи цю тенденцію, французькі науковці Georges Noizet та Jean-Paul Caverni наголошують на багатьох його позитивних якостях. По-перше, формувальне оцінювання інтегроване в освітній процес, що забезпечує покращення якості останнього. Крім того, його ключова роль – допомога дитині в навчанні – пов’язана з такими основними завданнями, як: сприяти впевненості учня у власних силах, надавати орієнтири, корисну інформацію на певних етапах навчання, сигналізувати про складнощі, забезпечувати діалог «учитель – учень», формувати стратегію успішного навчання [9, с. 143]. Все це в комплексі зміщує процес відстеження навчальних досягнень на індивідуальний рівень, змінюючи роль школяра з об’єкта навчання на активного реципієнта.

Згадана європейська позиція щодо процесу та умов оцінки компетентностей в закладах освіти різного типу поступово укорінюється в українській системі освіти. У практиці традиційної системи навчання української школи оцінювання процесу пізнання пов’язано з суперечностями, оскільки вимагає дотримання певної рівноваги. Так, в оцінюванні навчальних досягнень молодших школярів слід враховувати баланс традиційних та альтернативних форм оцінювання; баланс групового та індивідуального оцінювання; відповідність форм перевірки змісту уроків; необхідність ознайомлення та обговорення критеріїв оцінювання з учнями.

В умовах перетворення змісту початкової освіти в Україні у площину компетентностей посилюється роль його результативного компонента, що визначає пошук чітких оцінних технологій, які б дали можливість вимірювати рівень набуття учнями початкової школи предметних і ключових компетентностей. Сучасна педагогічна теорія і практика збагачується новими оцінними технологіями (портфоліо учнівських досягнень, інструменти самооцінювання і взаємооцінювання , свідоцтво досягнень тощо), призначеними зробити учня активним учасником освітнього процесу, мотивуючи до самонавчання і саморозвитку. У контексті нашого дослідження проблема формування і розвитку оцінювальної компетентності, причому не тільки педагога, а й школярів як учасників освітнього процесу, має велике значення, тому що наявність і подальше вдосконалення здатності людини формулювати коректні висновки, оцінні судження про певний об’єкт, явище, процес, спираючись на чітко

визначені критерії оцінки, є обов'язковою умовою не тільки особистісного розвитку. Учені пропонують низку запитань, які можуть слугувати орієнтирами для конструювання моделі формувального оцінювання в кожному конкретному класі:

- хто оцінює? Необхідно розуміти, що досягнення учня оцінює не лише вчитель, а й учень має оцінювати власні досягнення;
- як оцінювати? Оцінювання проводиться на основі розроблених та затверджених критеріїв, з якими вчитель знайомить школярів на початку навчання;
- що оцінювати? Вміння презентувати набуті знання, спосіб виконання завдань, результати та спосіб їх досягнення, рівень опанування учнями компетентностей тощо;
- мета оцінювання – діагностувати складнощі; мотивувати, підтримувати успіхи у досягненні навчальних цілей;
- коли оцінювати? Перед початком та в процесі навчання [9,с. 144].

У ході вивчення основної місії оцінювання К. Ушинський та Г. Костюк наголошують, що воно має не тільки кваліфікувати виконану роботу школяра, а й сприяти усвідомленню ним досягнень і недоліків, формувати почуття відповідальності за виконане завдання, породжувати бажання вчитися краще. Тому оцінка для учня повинна бути конкретною, об`єктивною, справедливою, чіткою і зрозумілою, пробуджувати в ньому бажання рухатися вперед [1, с. 459].

У випадку, коли учні та вчитель однаково розуміють цілі та очікувані результати навчання, процес навчання стає більш ефективним, що доведено педагогічним досвідом. Готовність учителя початкової школи до інноваційної діяльності в процесі оцінювання є важливою умовою формування оцінювальної компетентності як складової частини його професійної майстерності. Активізація педагогів та їх озброєння сучасними технологіями оцінювання – шлях до особистісного зростання, удосконалення освітнього процесу з метою подальшого розвитку особистості учнів. Здатність учителя початкових класів підвищувати власну професійну майстерність передбачає відмову від стереотипів, стійких шаблонів в оцінюванні навчальних досягнень учнів та пошук нових форм і методів оцінювання.

На нашу думку, застосування технологій формувального оцінювання вчителями початкової школи в освітньому процесі може стати рушійним фактором розвитку здатності самостійно оцінювати свою діяльність, формування особистісного усвідомлення учнями змісту та результатів навчання, підвищення їх освітньої активності та відповідальності за результати освітньої взаємодії. Педагог за умови їх застосування також отримує значні переваги у порівнянні з традиційним оцінюванням результатів, зокрема: постійний зворотній зв'язок зі школярами, можливість допомагати їм у навчанні та коригувати освітній процес, здатність сприяти саморегуляції особистості учня тощо.

Висновки: Таким чином, формувальне оцінювання, яке позиціонується у зарубіжжі як оцінювання для покращення процесу викладання навчального матеріалу вчителем й пізнання учнем світу, набуває дедалі більшої ваги. Воно є значущим через сприяння в розвитку особистості учня, що досягається за рахунок: забезпечення ефективного зворотного зв'язку з учнем, його активної участі в процесі навчання, постійного корегування освітнього процесу, мотивування учня, усвідомлення ним відповідальності за власне навчання. На сучасному етапі використання технологій формувального оцінювання є одним із ключових критеріїв якісної освіти. А, отже, оцінювальну діяльність педагога Нової української школи розглядаємо як послідовність цілеспрямованих дій, що розділені на ряд поступових і взаємопов'язаних етапів: знання нормативних документів і базових понять; орієнтація на основні дидактико-методичні вимоги щодо ефективності контрольно-оцінювальної діяльності; розуміння сутності формувального оцінювання, здатність до використання різних підходів щодо оцінювання навчальних досягнень; готовність до постійного саморозвитку в процесі професійної діяльності, зокрема в оцінювальній діяльності. Стає очевидним той факт, що педагог на сучасному етапі розвитку освіти має бути готовим до інноваційних змін у процесі навчання та впроваджувати у шкільну практику нові моделі, методи та форми оцінювання, сприяти реалізації нового змісту навчання, уміти оцінювати навчальні досягнення учнів на основі врахування їх індивідуальних можливостей та навчальних потреб, використовувати сучасні підходи до оцінювання, проявляти творчість у виборі методів навчання та створювати умови для повноцінного розвитку особистості.

Список літератури:

1. Костюк Г. С. Навчально-виховний процесс і психічний розвиток особистості / Г. С. Костюк ; за ред. Л. М. Проколієнко ; упор. В. В. Андрієвська, Г.О. Балл, О. Т. Губко та ін. – К. : Рад. шк., 1989. – 608 с.

2. Локшина О. Зміст шкільної освіти в країнах Європейського Союзу: теорія і практика(друга половина XX – початок XXI ст.): моногр. / О.І.Локшина. – К.:Богданова А.М., 2009. - 404с.

3. Локшина О. Інновації в оцінюванні навчальних досягнень учнів у шкільній освіті країн Європейського Союзу / Олена Локшина // Порівняльно- педагогічні студії. − 2009. − № 2. −С. 107−114.

4. Матвієнко О. Стратегії розвитку середньої освіти в країнах Європейського Союзу :моногр./ О.В. Матвієнко. -К.: Ленвіт, 2005.-381 с.

5. Оцінювання державної політики і програм : конспект лекцій до навч. дисципліни : уклад. : В. А. Ребкало, Ю. Д. Полянський. К. : Вид-во НАДУ, 2005. - 72 с.

6. Тлумачний словник термінів, пов'язаних із моніторингом та оцінкою ефективності [Електронний ресурс] / Проект ЄС "Підтримка у виконанні Угоди про партнерство та співробітництво (УПС)". - 2008. - Режим доступу : www.pca.kiev.ua

7. Black P. Inside the Black Box: Raising Standards through Classroom Assessment / Paul Black, Dylan Wiliam // Phi Delta Kappan. – 1998. – Vol. 80, No. 2 (October). – P. 1–12.

8. Glossary of Planning, Monitoring & Evaluation Terms. Programme Manager's Planning Monitoring & Evaluation Toolkit. UNFPA. - March 2004.

9. OECD-Centre for Educational Research and Innovation. Formative Assessment. Improving Learning in Secondary Classrooms. – Paris : OECD Publishing, 2005. – 279 p.

10. Perrenoud P. Pour un approche pragmatique de l'evaluation formative /Philippe Perrenoud // Mesure et evaluation en education. – 1991. – Vol. 13. – No. 4.P. 49–81.

Smagina T. V.
candidate of biology,
Oryol state University named after I. S. Turgenev
Pshikina S. Yu.
teacher of biology and geography, Oryol
Gracheva S.S.
Teacher,
Multidisciplinary College
Oryol state agrarian University named after N. V. Parakhin
Uchasov D. S.
doctor of biological Sciences, Professor,
Oryol state University named after I. S. Turgenev

MODERN APPROACHES TO TEACHING THE DISCIPLINE MDK. 01.01 METHODS OF CONDUCTING HYGIENIC, PREVENTIVE AND VETERINARY AND SANITARY MEASURES

Смагина Т. В.
кандидат биологических наук,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
Пшикина С.Ю.
учитель биологии и географии, Орел
Грачева С. С.
преподаватель,
Многопрофильный колледж
Орловского государственного аграрного университета имени Н.В. Парахина
Учасов Д. С.
доктор биологических наук, профессор,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ МДК. 01.01 МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗООГИГИЕНИЧЕСКИХ, ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ И ВЕТЕРИНАРНО-САНИТАРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Abstract. the problems of modern education are Considered. The necessity of using active teaching methods is substantiated. The influence of effective teaching methods on the process of training specialists in College is studied. The results of research on improving student performance are presented. The ways of activation of cognitive activity of students are offered.

Аннотация. Рассмотрены проблемы современного образования. Обоснована необходимость использования активных методов обучения. Изучено влияние эффективных методов обучения на процесс подготовки специалистов в колледже. Приведены результаты исследований по повышению успеваемости студентов. Предложены способы активизации познавательной активности студентов.

Keywords: education, active teaching methods, pre-feeding methods, veterinary medicine, improving academic performance.

Ключевые слова: образование, активные методы обучения, методика преподавания, ветеринария, повышение успеваемости.

Образование в развитии современного общества является главнейшей сферой его развития, где заняты миллионы учащихся, студентов, учителей и преподавателей. От его успешного развития зависит, каким путем будет развиваться современная цивилизация. В последние годы в России стремительно изменяется отношение ко всем видам образования, так как оно является ведущим фактором экономического и социального развития, где особое внимание уделяется развивающейся личности [6].

Нынешнюю систему образования невозможно представить без использования современных технологий. Перспективной, постоянно развивающейся технологией является мультимедиа, объединяющая в себе множество информационно — коммуникационных средств для работы с информацией.

Применение современных подходов к преподаванию является одним из самых успешных путей развития профессиональной подготовки будущих специалистов. Необходимость повышения качества преподавания специальных дисциплин не вызывает сомнений. Применение активных методов обучения при преподавании специальных дисциплин стимулирует познавательную активность студентов и, соответственно, формирует важные практические навыки исследования ситуаций, разрешения задач, совершенствует способности аргументации и четкого изложения мыслей обучающихся. В целом, сегодня назрела потребность в нестандартно мыслящих личностях. Также быстро повышается потребность в развитом мышлении специалистов, в умении оценивать, конструировать и рационализировать знания и умения. Решение данных задач во многом зависит от технологии и содержания обучения.

Новый тип развития общества, его готовность к встрече с цифровой экономической отношений человека и общества это уже наступивший сегодняшний день. Массовая роботизация на производствах, в общественной жизни, в системе обучения и готовность все это принять как должное вот основная задача современной системы образования и воспитания. Социальная значимость такого образования велика, так как мы уже имеем дело с несколькими поколениями, которые выросли и воспитаны на других отношениях, традициях современного общества[5].

Актуальность исследования заключается в решении задач в системе образования и изменении подходов, методик в подготовке специалистов, а также использования новых разнообразных моделей обучения. Наиболее популярны из них сегодня подходы, связанные с развитием критического мышления и творческих способностей обучающихся при которых используются «инновационные» модели обучения. Именно они построены на основе концепции развивающего обучения и опираются на активную познавательную позицию обучаемого.

Целью нашей работы являлось найти и разработать новые современные подходы и методики к преподаванию дисциплины МДК. 01.01 Методики проведения зоогигиенических, профилактических и ветеринарно-санитарных мероприятий. Изучить влияние эффективных методов обучения на процесс подготовки специалистов в колледже.

В Многопрофильном колледже успешно реализуются программы подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ) по восьми специальностям очной и четырем - заочной форм обучения. Одной из форм интегрированной подготовки специалистов СПО, безусловно, является практическая направленность обучения. В соответствии с образовательными программами всех специальностей в колледже организованы учебные и производственные (по профилю специальности, преддипломная) практики.

Основной целью профессионального образования в настоящее время является подготовка высококвалифицированных специалистов, адаптированных к условиям конкретной производственной среды, способных к эффективной профессиональной работе по специальности и успешной конкуренции на рынке труда. Для этого при изучении дисциплины в Многопрофильном колледже главный акцент делается на активные методы обучения.

Использование Интернет технологий и дистанционного обучения открывает новые возможности для повышения квалификации, непрерывного обучения специалистов и делает обучение более доступным.

В настоящее время для более глубокого изучения материала и обобщения полученных знаний мы стали использовать систему тестирования. На занятиях мы используем видеосистему с проектором, объемные 3D модели, различные макеты животноводческих помещений и кормов. Для каждого практического занятия разработаны методические пособия для самостоятельной работы студентов на занятиях, а также для подготовки к сдаче экзамена.

В ходе работы над проектом было проведено тестирование двух подгрупп студентов 2 курса специальности 38.02.01 Ветеринария, изучающих дисциплину МДК. 01.01 Методики проведения зоогигиенических, профилактических и ветеринарно-санитарных мероприятий. Все студенты изучали дисциплину по классической системе, которая включала в себя традиционную подачу материала преподавателем (чтение лекций, проведение лабораторно-практических занятий). Оценку имеющихся знаний первого итогового модуля проводили методом тестирования и оценки результатов теста в процентах с выставлением оценки, соответствующей порогу набранных процентов (до 50% – неудовлетворительно, 51-65% – удовлетворительно, 66-80% – хорошо, 81% и более – отлично).

Из результатов первичного тестирования первого итогового модуля, студенты всех группы в среднем справлялись с освоением дисциплины не на высоком уровне. Средний бал успеваемости в группах был равен 3 (43,8%).

После проведенного тестирования в связи с возникшими проблемами у студентов в освоении дисциплины, нами был предложен комплекс мероприятий, который позволил бы повысить успеваемость и активизировать познавательную деятельность у студентов. Нами были разработаны методические пособия для самостоятельной работы, введены видео-уроки, методики кооперативного обучения (учебного сотрудничества).

Для эксперимента изучали успеваемость 2 групп студентов 2 курса специальности 36.02.01 Ветеринария, изучающих дисциплину МДК. 01.01 Методики проведения зоогигиенических, профилактических и ветеринарно-санитарных мероприятий. Первая группа студенты, обучение которых осуществляли по классической системе 2 группа - по инновационной системе. Общее количество студентов в группах составило по 10 человек в каждой, посещаемость составила 100%. Для проверки гипотезы студентам было выдано задание. Задание они должны были выполнить в подгруппах за 4 часа лабораторно-практических занятий.

В дальнейшем, после изучения второго модуля с учетом введенных методических подходов и внедрения разработанных учебных пособий, студентам было предложено пройти итоговое тестирование по второму модулю. Результаты тестирования студентов, изучающих дисциплину по разным системам, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты тестирования (оценка; процент), M±SE

Группа	Кол-во протестированных, чел.	оценки результатов теста в %
1 Группа	10	3,9/45,2
2 Группа	10	4,5/78,0

Как видно из результатов тестирования, студенты первой группы в среднем справлялись с освоением дисциплины на достаточном низком уровне. При оценке знаний нами было установлено, что студенты, работающие в группах, быстрее справились с поставленной задачей, их работа была более результативной. У студентов с использованием материалов учебно-методического пособия показатель успеваемости достигал более высоких значений и составил 78,0%. Отмечался высокий прирост успеваемости по результатам тестирования у студентов, обучающихся с введением материалов методического пособия. Их успеваемость превышала таковую у студентов, обучающихся по классической системе на 32,8%.

Средний балл в малых группах, которые работали с пособием, составил 4,5. У студентов, которые работали индивидуально, средний бал был 3,9. На выполнение задания они потратили больше времени.

Таким образом, для того чтобы сделать самостоятельную работу более результативной необходим точный и грамотный подход к постановке задач, умение правильно выбирать методы выполнения поставленных заданий, правильно мотивировать учебный процесс, точно отражать формы отчётности, объём работ, сроки ее выполнения, формы и виды контроля.

Использование новых современных подходов и современных моделей активации познавательной деятельности при изучении дисциплины МДК.01.01 Методики проведения зоогигиенических, профилактических и ветеринарно-санитарных мероприятий повысило эффективность обучения. Введение в практику активных и интерактивных методов обучения повысило интерес обучающихся, их мотивацию, а, следовательно, и результат по освоению дисциплины.

Современные подходы к обучению открывают перед студентами большое количество новых возможностей, тем самым, информационно-технические средства осуществления обучения являются важной составной частью образовательной деятельности.

Список литературы:

1. Багрецов Д. Н., Багрецов Н. Д. Механизм формирования корпоративной культуры в условиях новой экономики: интегрально-компетентностный подход/ Д. Н. Багрецов, Н. Д. Багрецов // Аграрный вестник Урала. - 2013. - № 2 (108). - С. 46–49.

2. Борисова Н. Н., Ливакова Е. Ю. Интерактивные формы и методы обучения: учебное пособие/ Н. Н. Борисова, Е. Ю. Ливакова/ Н. Новгород. - 2011. -65 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья, четвертая (по состоянию на 01. 11. 2014) - М.: Проспект, КноРус, 2014. - 608 с.

4. Згурян М. А., Каушан К. С. Внедрение и анализ современных образовательных информационных и интерактивных технологий в преподавании экономических дисциплин // Право и бизнес: конвергенция частного публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников ежегодной международной научно-практической конференции. – Москва. - 2015. - С. 831-839.

Rukavitsyna S.L
Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor in Biomechanics
Belarusian State University of Physical Culture
Rukavitsyn D.B
Candidate of Sciences in Pedagogy, Professor of physical education
International University «MITSO»

GENERAL LAWS AND EXECUTION ERRORS OF RHYTHMIC GYMNASTICS EXERCIZES WITH RIBBON

Рукавицына Светлана Леонидовна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры биомеханики,
Рукавицын Денис Борисович
кандидат педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания,
Международного университета «МИТСО»

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОШИБКИ ИСПОЛНЕНИЯ В УПРАЖНЕНИЯХ С ГИМНАСТИЧЕСКОЙ ЛЕНТОЙ

Summary. The article gives the idea of the ribbon movement in the basic elements of rhythmic gymnastics from the point of biomechanics. The general laws of wave motion mechanics are used. The patterns of errors underlying the movement of the gymnastic ribbon are determined. The causal dependence of the pattern ribbon movement on the control joint motion is studied. The causes of errors in the execution of the wave-like movements of the gymnastic ribbon are defined.

Аннотация. В работе сделана попытка рассмотреть перемещение ленты в базовых элементах художественной гимнастики с позиции биомеханики. Используются общие закономерности механики перемещения волны. Выделяются управляющие суставные движения, составляющие основу техники выполнения змейки. Прослеживается причинно-следственная зависимость рисунка гимнастической ленты от управляющих суставных движений. Устанавливаются причины возникновения ошибок в исполнении волнообразных движений гимнастической ленты.

Key words: rhythmic gymnastics, biomechanics, control motion, ribbon, execution errors

Ключевые слова: художественная гимнастика, биомеханика, управляющие движения, лента, ошибки исполнения.

Характерной чертой современной художественной гимнастики является неуклонно нарастающая техническая сложность ее упражнений. Увеличивается число трюков, усложняются способы задания и ловли бросков предметов, которые все чаще выполняются различными частями тела.

Анализ литературных источников показал, что систематически усложняются как элементы тела, так и работы с предметами. Наблюдается увеличение количества вращений, происходит слияние изолированных элементов в соединения повышенной технической сложности [1,6].

Систематически меняющиеся правила соревнований поощряют техническую трудность и в тоже время повышают требования к качеству выполнения, как упражнения в целом, так и отдельных его элементов. Эта наблюдаемая тенденция требует постоянного совершенствования технической подготовки художественных гимнасток, в частности, одной из ее основных составляющих – предметной подготовки [2]. В тоже время, как отмечает ряд авторов, требования предъявляемые к работе с предметами, нередко не выполняются даже гимнастками, выступающими по программе мастеров спорта. Так, например, проведенные Г.А. Пшеничниковой и А.Д. Селезневой исследования качества выполнения упражнений с лентой у гимнасток старших разрядов показали, что уровень пространственной точности движения, обеспечивающий угол вылета во время бросков ленты, ниже среднего. При этом показатели левой руки оказались значительно хуже правой. Различный уровень подготовки в работе правой и левой рук наблюдался и при оценке качества выполнения гимнастками рисунков лентами в специальных тестах. Результаты проведенного тестирования говорят о недостаточном уровне базовой предметной подготовки квалифицированных спортсменок. Основы техники владения предметами необходимо закладывать еще на начальном этапе технической подготовки гимнасток, так как в дальнейшем именно они будут являться важнейшим условием необходимым для роста результатов в их многолетней соревновательной практике [3,4].

Проблема заключается в том, что вопросы базовой предметной подготовки в художественной гимнастике разработаны недостаточно и требуют более глубокого изучения.

В частности, техника выполнения змейки изучена частично, носит описательный характер и нуждается в системном подходе, который позволит не только понять структуру этого базового

элемента с лентой, но и установить причины возникновения ошибок при его исполнении.

С позиций двигательных действий, упражнения в художественной гимнастике представляют собой непрерывную манипуляцию предметами различной формы, фактуры и массы, которая производится различными звеньями в момент выполнения сложных элементов тела. Основной задачей в работе с любым предметом является его постоянное перемещение. Удержание предметов в положении равновесия более четырех секунд расценивается как ошибка исполнения. Перемещение предмета может выполняться в пространстве, по телу и его частям, по полу, в различных плоскостях и направлениях. Перемещение гимнастических предметов составляет важную часть двигательной деятельности художественных гимнасток.

Являясь физическими телами, гимнастические предметы подчиняются общим законам механики. Но так как они сильно отличаются друг от друга своими характеристиками и параметрами, то каждый из них имеет свои специфические возможности перемещения. В научно-методической литературе многие авторы отмечают, что есть только две формы движения предметов, вращательная и переместительная. Но в движении гимнастических предметов часто обе эти формы совмещаются, например, обруч летит вращаясь, мяч катится вращаясь и т.д. Поэтому, на наш взгляд, лучше говорить о простой форме движения предметов (поступательной или вращательной), либо о сложной поступательно-вращательной форме движения. Такое представление является более полным и охватывает все возможные перемещения гимнастических предметов.

Одним из пяти основных предметов современной художественной гимнастики является лента. Она, также как и скакалка, относятся к «мягким» предметам и имеет распределенную массу. Особенности ее конструкции позволяют воспроизводить в пространстве различные движения, которые визуально воспринимаются как рисунок лентой. Достаточная длина, определенное крепление к гимнастической палочке и маленький вес, позволяют не только выполнять лентой круги, спирали, змейки и проч., но и поддерживать ее постоянное нахождение в воздушном пространстве, обеспечивая переход от одного рисунка к другому. Лента, по праву, считается наиболее зрелищным предметом в художественной гимнастике. В тоже время она является и довольно трудным предметом, так как требует постоянной активной работы и повышенной точности в выполнении движений.

Цель данной работы заключается в установлении общих закономерностей волнообразных движений гимнастической ленты и причин возникновения ошибок в их исполнении.

Для достижения этой цели использовались общие закономерности механики перемещения волны, а также учитывались те требования и ограничения, которые накладывают правила соревнований по художественной гимнастике на выполнение волнообразных движений лентой. Такими важными требованиями являются полетность предмета и четкий визуальный рисунок ее перемещения в пространстве. Первое требование предполагает непрерывное движение ленты. Четкий рисунок определяется развернутостью ленты, равномерностью, чистотой и плоскостной точностью ее расположения [9].

Волнообразные движения лентой, змейки, относятся к числу типичных и наиболее распространенных элементов в упражнениях с лентой. Они выполняются в различных плоскостях и направлениях, по полу и по воздуху. В зависимости от расположения зубцов относительно пола различают горизонтальные и вертикальные змейки. Они исполняются с большой частотой, приводя в движение всю ленту. При этом зубцы змейки должны не только располагаться близко друг к другу, но и быть ровными и одинаковыми по высоте. Техника выполнения этого элемента основывается на последовательной передаче количества движения от начала до конца ленты.

Волнообразное перемещение ленты осуществляется, либо за счет сгибания-разгибания, либо за счет отведения-приведения в лучезапястном суставе. Выполнение змейки начинается, как правило, со сгибания кисти. При этом конец палочки опускается вниз, что позволяет увеличить путь ее разгона, от которого зависит начальный импульс движения ленты. Вынужденные колебания конца гимнастической палочки вызывают волнообразное перемещение ленты. Простое гармоническое движение формирует гармоническую поперечную волну с определенной длиной (λ). Причиной появления волны являются силы упругости. Они возникают в результате деформации частиц ленты. Эта деформация вызывается источником возмущения, т.е. кистью, перемещающейся вверх-вниз. Вертикальное колебание частиц ленты приводит к их сдвигу, в результате возникают силы упругости. Приложенные со стороны соседних участков ленты, спереди и сзади эти силы не вполне параллельны. Если их результирующая направлена вниз, участок ленты замедляет своё движение, если вверх - вызывает его активное движение. Образуется упругая поперечная волна [7].

Распространение волны по всей ленте связано с тем, что возмущенный исходным импульсом участок ленты вызывает в свою очередь возмущение соседнего с ним участка и приводит его в движение. Волна продвигается вперед, поскольку каждый участок ленты движется. Уравнение плоской бегущей волны хорошо известно и имеет вид

$$S(x,t) = A\,\mathrm{Cos}\,(\omega t - kx),$$

где A – амплитуда колебаний, k- волновое число.

Эта зависимость позволяет описать, как меняется смещение волны во времени и пространстве. Наглядной характеристикой волны является ее длина (λ). За длину волны обычно принимают расстояние, через которое конфигурация волны повторяется, например, от впадины до впадины или от зубца до зубца. При выполнении змейки в основной стойке, обычно наблюдается до пяти зубцов, высотой 50-60 см. Длина всего рисунка ленты составляет примерно 120-130 см. В случае, если выполнение змейки сочетается с такими активными элементами как прыжки, вращение и прочее, длина волны может несколько увеличиться, количество возмущений снизится до трех или четырех.

Можно сказать, что рисунок змейки является наглядным представлением колебательного движения кисти гимнастки. Как известно, лучезапястный сустав позволяет выполнять сгибание-разгибание, отведение-приведение, а также сложное по кинематике вращение – циркумдукцию. Сгибание-разгибание кисти в лучезапястном суставе задают рисунок вертикальной змейки; отведение-приведение чаще используется для получения горизонтального рисунка. Циркумдукция в этом суставе формирует рисунок еще одного базового элемента упражнений с лентой – спирали.

Однако, для выполнения змейки, гимнастка должна не только задать колебания, но и создать условия необходимые для их развертывания в пространстве. Это может быть осуществлено несколькими способами. За счет передвижения самой гимнастки, удерживающей гимнастическую палочку на определенной высоте. За счет суставных движений рабочей руки в плечевом суставе, если гимнастка выполняет змейку в основной стойке. И, наконец, совместив оба рассмотренных варианта, то есть за счет активного движения в плечевом суставе в момент передвижения по площадке. Помимо отмеченных суставных движений, важную корректирующую функцию выполняет локтевой сустав. Он допускает сгибание и ротацию рабочей руки, и тем самым корректирует и облегчает выполнение кистью главного управляющего движения. Таким образом, техника выполнения змейки представляет собой довольно сложную картину взаимодействия между собой нескольких суставов выполняющих свои функции.

Качество техники работы с лентой регламентируются правилами соревнований. Одним из важных требований является ее бесшумное движение. Однако, при резких отмахах, связанных с переводом ленты в другую плоскость, может возникнуть характерный захлестывающий звук. Такое «щелканье» лентой является ошибкой и наказывается правилами соревнований. Появление хлопка указывает на то, что конец ленты движется в этом случае быстрее скорости звука.

Как известно, основным свойством бегущей волны является перенос количества движения и энергии. При ее распространении происходит постоянный переход потенциальной энергии ($Wп. = mgh$) в кинетическую энергию ($Wкин. = \frac{mv2}{2}$) и обратно. Исходя из закона сохранения энергии видно, что скорость распространения волны зависит от массы [7].

Масса гимнастической ленты не однородна. Обычно ее уплотняют двойным слоем в месте соединения с палочкой. Длина уплотнения составляет около одного метра, что соответствует приблизительно длине волны при выполнении змейки. Увеличение массы в начале ленты приводит к тому, что по мере перехода волны на более тонкую часть ленты, скорость ее распространения возрастает, волна продвигается вперед. При этом, по мере ее продвижения происходит перераспределения масс ее колеблющихся объемов[5].

Согласно закону сохранения энергии, в движущемся отрезке ленты, длина которого (а, следовательно, и масса) существенно уменьшается, скорость его значительно возрастает. В итоге кинетическая энергия концентрируется на конечном отрезке ленты, в результате, он может приобрести такую скорость, что становится неуправляемым. Это подтверждают видеонаблюдения за движением ленты. В некоторых упражнениях конец ленты фиксируется в виде размытого изображения, что свидетельствует о большой скорости его движения при проведении съемки.

Такая ситуация может возникнуть при выполнении отмахов, в случае, если гимнастка резким движением палочки заставляет часть прикрепленной к ней ленты двигаться в противоположную сторону. Это приводит к тому, что активно движущейся конец ленты приобретает скорость превышающую скорость звука. Рассекая воздух, он вызывает возмущение в воздушной среде. В результате возникает небольшая ударная волна. Фронт ее перемещается в воздухе и воспринимается как характерный хлопок. Аналогичная ситуация наблюдается при щелканье кнутом [8].

К числу возможных грубых ошибок в работе лентой следует отнести также ее запутывание, завязывание узлов в процессе движения. Эта ошибка может произойти как у новичков, так и у квалифицированных гимнасток. Проследить причины ее возникновения в каждом конкретном случае крайне сложно. Риск запутывания ленты может быть связан с целым рядом различных факторов: с резким изменением плоскости расположения ленты, ее отклонением от плоскости заданной первоначально; с инерционными свойствами масс участков ленты; с неуправляемым концом и другими факторами, неблагоприятное сочетание которых может привести к завязыванию узлов при работе с лентой.

Характерным для ленты является то, что ошибки исполнения отчетливо отражаются в ее рисунке. Визуально воспринимаемый рисунок

ленты проявляет погрешности в суставном движении.

К ошибкам при выполнении змейки относится искажение формы зубцов волны. Эта ошибка наблюдается даже у квалифицированных гимнасток при выполнении змейки левой рукой, которая не является ведущей. Причина возникновения этих искажений кроется в недостаточной дифференцировке суставного движения и отражается на рисунке ленты в виде небольших изломов и подергиваний. Появление их связано с тем, что в процессе выполнения суставного движения возникают непроизвольные сопутствующие мышечные сокращения, которые и вызывают заметные погрешности формы зубцов волны. Поскольку период колебания кисти соответствуют периоду колебания волны ленты, на основе видеопросмотра рисунка ленты, можно достаточно точно установить, в какой фазе колебательного движения кисти допущена ошибка.

Искажение рисунка ленты может быть связано и с излишним мышечным напряжением, чрезмерным закреплением кисти, что особенно характерно для начинающих гимнасток. Это значительно затрудняет выполнение основного суставного движения, приводит к быстрой утомляемости и даже не возможности дальнейшего выполнения элемента.

Типичными ошибками начинающих спортсменов являются вялый рисунок ленты с большими и широкими зубцами, либо такое выполнение элемента, когда цуг волн не распространяется по всей ленте и конец ее слабо вовлекается в движение. Из механики известно, что скорость распространения волны зависит от частоты колебаний и длины волны ($V=f\lambda$). Под частотой колебаний (f) понимают количество полных колебаний в секунду. Таким образом, что бы добиться успешного выполнения элементов надо совершать колебательные суставные движения кистью с полной амплитудой и высокой скоростью.

К значительным ошибкам в работе ленты следует отнести также искажение плоскости расположение ее рисунка. Нарушение плоскости не только само наказывается правилами соревнований, но и в определенных случаях может привести к запутыванию ленты. Причина возникновения этой ошибки связана с недостаточной пространственной точностью в расположении кисти. При этом даже при небольшом ее повороте, порядка десяти градусов, происходит заметное изменение плоскости полета ленты.

Таким образом, фиксируя ошибки в рисунке ленты, и опираясь на общие закономерности ее движения, можно достаточно точно установить двигательные ошибки, вызывающие эти нарушения.

Выводы. В результате проведенного биомеханического анализа базового элемента с лентой, (змейки) удалось:

понять общие закономерности, лежащие в основе волнового движения ленты;

получить более полное представление о структуре изучаемого базового элемента упражнения;

определить управляющие суставные движения и их функцию;

проследить причинно–следственную зависимость рисунка ленты от управляющего суставного движения;

установить причины, вызывающие ошибки в исполнении волнообразных упражнений с лентой.

Список литературы:

1.Пшеничникова Г.Н., Средства совершенствования упражнений с лентой в художественной гимнастике у спортсменок высших разрядов/ Г.Н.Пшеничникова, А.Д.Селезнева// Международные спортивные игры «Дети Азии»- фактор продвижения идей Олимпизма и подготовки спортивного резерва: материалы Международной науч.конф., 7-8 июля 2016 года – Якутск. – 2016. – С. 461-463.

2. Карпенко Л.А. Ключевые аспекты успешной учебно-тренировочной работы по художественной гимнастике/Л.А.Карпенко //Учёные записки ун.-та им. П.Ф.Лесгафта. – 2007. – N2(24). – С. 22-26.

3.Николаева Е.С., Методика подготовки юных спортсменок в художественной гимнастике и выполнение упражнений с предметами/ Е.С.Николаева//Состояние и перспективы развития физкультурного образование на современном этапе: материалы Междунар.науч.-практ.конф.,Белград, 2007 г. – С.319-321.

4.Андреева Н.О. Значение отдельных компонентов предметной подготовки гимнасток по данным анкетирования тренеров различной квалификации/ Н.О.Андреева // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2014. – №9 – С. 3-10.

5.Говердовский Ю.К. Обучение спортивным упражнениям. Биомеханика. Методология. Дидактика. – М.: Физкультура и спорт., 2007 – 912с.

6.Цепелевич И.В. Влияние степени развития физических способностей на исполнительское мастерство гимнасток на этапе углублённой в художественной гимнастике / И.В.Цепелевич /Учёные записки ун.-та им. П.Ф.Лезгофта – 2007.N2(24) – С99-101.

7.Роджерс Э. Колебания и волны / Э. Роджерс // Физика для любознательных. –М., 1972. – Т.1. – С.408-410.

8.Миледин Г. Сверхзвук на кончике бича. Квант.-1999.-№4.-С.34-35

9. Рукавицына С.Л. Закономерности движения гимнастической ленты / С.Л. Рукавицына// Ценности, традиции, инновации современного спорта: материалы междунар. науч. конгр. Минск, 18-20 апр. 2018г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры; редкол.: С.Б. Репкин (гл. ред.), Т. А. Морозевич-Шилюк (гл.ред.) [и др.]. – Минск: БГУФК, 2018. – Ч.1. – С. 197-198.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антонова Л.Г.
доктор педагогических наук, профессор
кафедры теории и практики коммуникации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ТРЕБОВАНИЯ К ПЕРЕДАЧЕ ИНФОРМАЦИИ В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Antonova L.G.
doctor of educational sciences, professor
department of communication theory and practice
Yaroslavl State University. P.g. Demidova

REQUIREMENTS FOR THE TRANSMISSION OF INFORMATION IN MEDIA TEXTS

Аннотация. Предлагается наблюдение за использованием специфических для медийных текстов жанроопределяющих приемов оформления информации, с использованием различных коммуникативных средств, относящихся как к вербальным, так и невербальным инструментам взаимодействия. Особое внимание уделено вопросам организации коммуникативных отношений автора и адресата в контексте медийного высказывания.

Abstract. It is proposed to observe the use ofgenre-defining methods of information design, using various communication tools related to both verbal and non-verbal interaction tools. Particular attention is paid to the organization of communication relations between the author and the recipient in the context of the media statement.

Ключевые слова: медийный текст; дискурс массовой коммуникации; коммуникативные отношения «автор», «адресат»; коммуникативная лексика, стратегии и тактики медийного диалога.

Key words: media text; the discourse of mass communication; communicative relations of "author", "addressee"; the communicative language of the strategy and tactics of the media dialogue.

В современной массовой коммуникации медиатексты по праву занимают лидирующую позицию. Медиакоммуникация относится к числу информационных систем, которые не только активно претендуют на лидерство в передаче информации, но диктуют особые правила в передаче информации в медийном пространстве и способах ее оформления.

Медиакоммуникация отличается и функционально- прагматическими особенностями, и формами и функциями текстуальных знаков в новом медийном пространстве. При этом, продукт такой коммуникативной практики – медиатекст - рассматривается как своеобразное и феноменальное явление: в режиме медиажанра он становится активной формой передачи информации по каналам массмедиа, обусловленной объемом и характером ее содержания; при создании особых условий передачи и восприятия информации (канал распространения, особенности инструментария, учет потребительских информационных предпочтений массовой аудитории) часто рассматривается как дискурсивное явление в диалоге со зрителями и читателями; в режиме медиаобразования выступает как компонент формирования медиакультуры.

Как доказывают опыты анализа большого массива текстов, можно говорить о сложившихся жанрообразующих (общих для текстов массовой коммуникации) и специфических (для медийных текстов) – жанроопределяющих характерных признаках**.**

Прежде всего следует обратить внимание на контекстные (средовые) признаки, обусловленные медийным «пространством»: особенностями формата издания, полиграфического исполнения (верстки, дизайна и цветового решения).

Следует обратить внимание на способы презентации информации в рамках медийного пространства, обусловленные характером отражения действительности: вербальный или визуальный канал; аудиоканал или аудиовизуальный канал; бумажная или электронная версия); способы презентации, обусловленные характером представления информации в соответствии с имиджевыми особенностями канала или издания и, наконец, способы презентации информации, обусловленные характером рецептивных факторов или атрибутики массмедиа**.**

За каждым из них, как доказывают опыты анализа большого массива текстов, стоят конкретные коммуникативные приемы, многие из которых приобретают в жанровой практике определенный (а часто – стандартизированный) вариант оформления - маркирования.

Прежде всего, обращает на себя внимание полифункциональность рамочной композиции медийного жанра**:** текст так макетируется, что определенные приемы жанрово-композиционного оформления становятся очевидными. Многие из них бывают поддержаны на уровне пространственного кодирования: текст может быть предложен в графической рамке, его границы могут быть маркированы индексами раздела или рубрики, цветовая «подложка» на которой располагается материал, как фон, обеспечивает актуализацию представленной в тексте информации; текст разбит

на сегменты, колонки, микромодули. Подобные презентативные маркеры позволяют дифференцировать информацию и создают удобство для чтения: обеспечивают порционность подачи информации, поддерживают избирательность читательского восприятия, помогают быстро вернуться к ранее прочитанному.

Контекстные признаки медийного жанра могут быть дополнены жанрообразующими признаками медийного текста, которые формируют представление о специфике передачи информации в новом, медийном режиме.

К их числу следует прежде всего отнести признаки, отражающие особенности структурной организации медиатекста: особенности расположения материала на странице, нетрадиционная, часто «порционная», «дробная» подача информации с использованием абзацного членения, графического выделения микротекстовых структур.

Традиционные отношения в «жанровой анкете» (Шмелева Т.В.): диктум-адресат, автор-адресат, прошлое-будущее в информационном континууме – в тексте медийного источника получают свою маркированность. Остановимся на этом более подробно.

Так, можно говорить, что наметились тенденции в оформлении «авторства» в медийном тексте. К числу сложившихся традиционных приемов можно отнести: представление опосредованных знаков авторской принадлежности: указание на логотип организации, лицом которой является автор; оформление его авторского”права” на публикацию с указанием на историю получения доступа к представленной информации, включение дополнительных сведений о биографии автора или организации, фотопортрет автора, или фотосессия, дающая представление о контексте событий в авторской интерпретации, что приветствуется сегодняшними законами позиционирования социальных (и медийных, в том числе) субъектов; указание на приобщенность к эталонным контекстам и достоверным редакционным материалам, вплоть до признания авторства через представление подлинной авторской подписи под событийными материалами. Все эти приемы, безусловно, усиливают субъективную позицию автора и дают читателю указание на достоверность, фактологичность информационного пространства, демонстрируют «ответственность автора» в медийном пространстве «автор» - «адресат-читатель». Именно эти приемы, повторяясь, формируют представление о жанроопределяющих признаках медийного текста.

Например, в ходе анализа знаков авторской принадлежности в статьях, опубликованных в современных медиаизданиях (в известных читательской аудитории журналах «Компания», «Секретарь», «Дело», «Карьера» и некоторых других) нами отмечена принятая этими медиаизданиями традиция дискурсивного руководства читательским восприятием: максимальное внимание при макетировании и представлении материала на журнальной полосе уделяется визуальным и графическим «знакам предварительного оповещения»*:* каждой статье на странице предшествует на фирменной «подложке» рубрикация (указание на жанр публикации: «Прогнозы недели» «Хроника событий»; «Авторитетное мнение»), дается опосредованная характеристика предлагаемого материала с использованием концептуального цитирования или экспертного заключения, которое может стать презентацией «чужого мнения», хотя редакция и соглашается, что такая позиция может вступать в противоречие с коммуникативным и жизненным опытом читателя. Нам кажется, эта тенденция не может быть оценена однозначно: положительной оценки заслуживает медийный диалог в направлении облегчения восприятия и удобства чтения (максимальная читабельность текста, не затрудняющая основную мотивацию читателя), а провокационные «установки», с указанием на сильную позицию эксперта или редакционное мнение, требуют от читателя определенной медиаобразованности, которая позволит ему защитить себя от консьюмеризма и ложного «принятия всего на веру» при восприятии прочитанного.

А вот жанроопределяющие приемы фактологической “врезки” – представление на странице дополнительной информации (справки, факт-листа) по принципу не линейной, а гипертекстовой информации - можно только приветствовать, поскольку это знаки доверия адресату, уважение его права на дополнительные источники информации и реализация принципов медийного многоканального информационного диалога.

Активно функционируют в медийных жанрах и традиционные жанроопределяющие приемы выражения авторского отношения, формирующие «ожидание» адресата: обращение к приемам концептуального озаглавливания; смысловая «игра» с заголовками на основе визуальных кодов (подчеркивание, графическое выделение, цветовое маркирование).

Следует обратить внимание, что в современном массмедийном пространстве заголовки часто сопровождаются обязательными презентативными визуальными знаками: специально оформленными материалами фотосессии; сюжетными смысловыми рисунками, метафорическими фотоколлажами.

Приемы интимизации диалоговых отношений в рамках публичного высказывания мы тоже можем с полным правом отнести к наметившимся в настоящее время жанроопределяющим тенденциям в массмедийном дискурсе. Это, как правило, проявляется в особой устно - разговорной тональности «собеседования» в рамках интервью или при использовании приемов «рассказывания» в имиджевой статье.

Автор активно пользуется *приемами устного диалога*, перенося в письменный текст атрибуты живой беседы, с советами и рекомендациями.

Такие «диалоговые пассажи» в рамках письменного медийного текста призваны создавать общую доверительность и исповедальную тональность в рамках современного пространства масс-медиа.

Все рассмотренные жанроопределяющие приемы маркирования информации в медийном контексте призваны направлять внимание читателя как активного (медиаобразованного) потребителя информации; они создают необходимую систему *навигационных линий,* обеспечивающих успешное и продуктивное продвижение в пространстве медийной информации [1,с.156 -157].

Для грамотного сопровождения читательского восприятия можно использовать определенный алгоритм поэтапного «погружения» в пространство медиатекста: постепенное считывание, декодирование и качественное осмысление текстовой информации, с которым должен быть ознакомлен компетентный пользователь текстов массовой информации.

На первом этапе следует более подробно оценить контекстные признаки медиатекста:

- обратить внимание на медиапаспорт издания, в котором опубликован материал (ангажированность; фактор коллективного адресанта и адресата; сегментирование читательской аудитории; социокультурный статус аудитории; сложившиеся традиции газетно-журнального PR-дискурса)
- оценить графические знаки идентификации материала на газетной или журнальной полосе, в соответствии с требованиями медийного дискурса и индивидуального стиля издания.

На следующем этапе внимание медиаграмотного читателя должно быть направлено на анализ структурно-композиционных особенностей материала:

- форма подачи материала и особенности макета на полосе; оценка «юзабилити»(качественный показатель информации при разработке медиамакета, который принято связывать с параметрами «используемость»,«доходчивость»,«понятность»): структурно–композиционная адекватность; наличие рубрикации; соотнесенность вербальных и визуальных компонентов; общий объем текста; шрифтовое и цветовое варьирование;
- формальные признаки жанровой рамки («узнаваемость» и «воспроизводимость») и навигационные знаки, «привлекающие» и «организующие» внимание адресата.

На следующем этапе чрезвычайно важно рассмотреть непосредственно жанровое своеобразие текстового материала и оценить жанрообразующие и жанроопределяющие признаки**:**

- диктум (содержание) и составляющие (топы) содержательного плана и концепция (авторская идея);
- способы ее предъявления на разных уровнях текста: временной континуум (знаки прошлого, настоящего и будущего в тексте), отношения автор-адресат (авторские знаки и знаки адресата в тексте);
- непосредственный медиаинструментарий, обеспечивающий и репрезентирующий жанроопределяющие элементы: представляющие номинативной план высказывания *(*фотография; фото и номинативные вербальные знаки; номинативные знаки заголовка; шрифтовые выделения; анонсирование); репрезентирующие оценку и селекцию предложенных концептов в информационном поле медиатекста (символические видео и фотообразы; символические графические знаки; индексальные знаки навигации; выноски; прецеденты и интертексты); и, конечно, стилистические и языковые особенности вербального ряда и актуальные авторские языковые средства, претендующие на языковую игру.

Мы считаем, что столь тщательный компонентный анализ необходим читателю, если он поставлен перед необходимостью осуществить рецензирующее заключение на основе медиатекста или провести экспертный анализ представленной информации из современных медиаресурсов. Но, нам кажется, следует признать и общую ценность предложенной системы «считывания» знаков медиаинформации, что позволит предупредить ошибочный опыт неадекватного и поверхностного восприятия информации в режиме медиакоммуникации. И если в настоящее время медиакоммуникация заявляет о своей приоритетности и в познавательной, и в просветительской функции информирования современной языковой личности, то мы должны предложить этой личности приемы эффективного восприятия и понимания информации в режиме медиакоммуникации.

Список литературы:

1. Антонова Л.Г. Отношения «автор» - «адресат» в современном медиапространстве // Понимание в коммуникации: сб. статей: в 2-х т.т. / Сост.: и автор предисл. Е.Г. Борисова. – Т.2. – М.: МПГУ,2009.

Quziboyeva R.
Sh- lecturer at Journalism and Mass Communications University of Uzbekistan

METHODICAL RESOURCES IN TEACHING THE GENDER CATEGORY OF NOUNS TO FOREIGN STUDENTS

Annotation. The most significant attribute expressing the category of the gender in Russian language is a communication agreement. But when learning Russian language to non-Russian students such kind of information is clearly not enough. It confirms the actuality of the article topic. In the teaching of Russian as a foreign language, exercises are important in the technique of teaching process.

Key words. The gender category, musculine, feminine, neuter, gender characteristics, exercises, speech exercises, nouns, collacation, aspects, educational and methodical literature, technique of teaching.

The gender category in Russian language is not only of nouns divided into three grammatical classes of gender : musculine, feminine and neuter, but also appears as a means of grammatical dependence on phrases and sentences. In the teaching of Russian as a foreign language the gender category is more difficult. Because there is no gender category in Uzbek language.

Students whose mother tongue is Uzbek, at the beginning of their acquaintance with the expression of the category of gender in the Russian language should be given the idea that gender characteristics are manifested not only in their original form - in the nominative case: they are inherent in the whole paradigm of the word as a whole.

In the teaching of Russian as a foreign language, exercises are important in the technique of teaching process. N.I. Ges argues that it is impossible to define a single system of exercises when learning a language. Different approaches are used to classify exercises, which include language and speech exercises, instructional and creative, analytical and synthetic, preparation and speech exercises, communicative and so on.

V.V.Davidova and Elkonina emphasize four aspects for shaping students' learning:

- input into the situation of studying the material
- exercises related to training (sparring, cognitive, explorative)
- exercises for developing control and self-control;
- writing sentences and short texts on an antonymic basis, for example: *сестра и брат не были похожи друг на друга: она низкая, он высокий* (sister and brother were not alike: she was short, he was tall)

It is necessary to clearly distinguish groups of nouns in forming exercises:

- nouns of male gender with ending -a, -я *(отважный мужчина* - brave man, *любимый дедушка* -lovely granddad, *сильный юноша*-strong adolescent, *маленький Женя*-little Jenya*);*
- male nouns denoting a person by profession or public employment when they refer to females (*профессор пришла*-professor came, директор приказала-director commended);
- nouns of neutral gender with ending -a, -я, if they relate to males or females (*он умница*-he is smarty, *дорогой коллега*-dear colleague*; она умница*-she is smarty, *дорогая коллега*- dear colleague*)*;
- Expressive nouns with suffixes *-ишк(а), -ищ(е), ин(а)* (маленький сынишка, огромный мужичище);
- Undeclinable nouns, as well as borrowed surnames and names (незнакомая мис, дорогая Сулико, милая Шагинян, бедная Шевченко, прекрасная Виардо, известный Вано Мурадели)

Formal agreement by gender is not for the Russian language universal pattern,

and therefore in the teaching of Russian of language in a non-Russian audience it is very important to differentiate first of all two ways of manifestation of the generic category: morphological-syntactic and semantic. For students in whose mother tongue there is no gender category expression linguistic means, in particular for uzbek students it is important rely on the semantic basis of the delimitation of words: *он мой брат - она моя* сестра (he is my brother – she is my sister)

Uzbek students are particularly difficult to learn nouns with ending the letter *"-ь"* and their correct use. In the educational and methodical literature for non-Russian students nouns on *"-ь"* are given indicating their gender characteristics, lists given words on *"-ь"* are usually incomplete, indications for differentiation masculine and feminine nouns do not cover the entire category words: signs by which it would be possible to determine the generic belonging of these words are not generalized.

Since to distinguish between tribal affiliation the nouns on *"-ь",* in some cases their relevance to class of animate and inanimate nouns, they considered together and taken into account in the analyzed material signs of both animate and inanimate nouns. In determining the gender of nouns on *"-ь"*, it is desirable to take into following signatures:

- categorical nouns animation / inanimation;
- word-formative feature having a clear expression in modern Russian language;
- semantic characteristic of groups of words on *"-ь";*
- belonging of a word to a certain layer of vocabulary, in particular borrowing, terminological subgroups of words;
- the external sign of the word on *"-ь"*.

For some word-formative signs, we can clearly identify groups of words to determine gender nouns:

a) all nouns with the suffix *"-тель"* are masculine kind, including animate and inanimate*:* *водитель*-driver, *растворитель*-solvent, *отбеливатель*-whitener

b) all nouns with the suffix *"-арь"* are masculine, including animate and inanimate*: лекарь*-medico, *словарь*-dictionary.

c) all nouns with the suffix *"-ость/-есть"* are feminine gender: *радость-gladness, тяжесть*-heaviness.

Nouns with formally unexpressed generic signs should be given to students for memorization as in the form of typical phrases, and in the form of lists of words.

When studying the gender of nouns, it is necessary to use words whose gender recognition is difficult for students: уголь (м.)- coal, ночь(ж.) - night, карамель (ж.)-caramel, вермишель (ж.)-vermicelli, тюль (м.)-tulle, фильм (м.)-film, педаль (ж.)-pedal, помидор (м.)-tomato, туфля (ж.)-shoe, морковь (ж.)-carrot.

It is advisable to bring an explanatory dictionary to the lesson and show how to the dictionary can specify the gender of nouns.

Special lessons are reserved for observation of the gender endings, in particular for exercises in writing unstressed endings of nouns of the middle gender (дерево-tree, болото-swamp, колено-knee, веко-eyelid, сердце-heart, платье-dress и др.).

It is necessary to pay attention to the collocation of the noun and adjective: топкое болото, глубокое озеро, голубое блюдо и т.п. It should be emphasized the role of *"-ь"* after sibilant letters - a soft sign in these words performs a grammatical function: shows that the noun feminine, such as печь-oven, дочь-dauhgter.

The lesson can be organized as a game: who is faster and more correct fill in the table, allocating nouns by gender. When considering the gender of nouns, attention is paid to speech, general educational skills: definitions of the lexical meaning of words, working with a dictionary, combining nouns with other words.

In the work on the generic characteristics of nouns, in addition to language analysis and determination of the gender of nouns in its course, M.R. Lvov recommends the following exercises (oral and written):

a) the formation of pairs of masculine and feminine nouns by type хозяин -хозяйка, ткач - ткачиха, француз-француженка. During the realization process, there may be cases when pairs do not work out: шофер, космонавт;

b) forming collacation such as "noun +adjective " when studying the topic inclination of adjectives in different case forms;

c) formation of dictionaries with the distribution of nouns by gender, by generic characteristics;

- formation of sentences and short texts on the antonym basis, for example: *сестра и брат не были похожи друг на друга: она низкая, он высокий* (sister and brother were not alike: she was short, he was tall);

d) research task: to prove what kind of names nouns: степь, Ваня, скотина, мышь, боль, Казань, пингвин, сирота;

e) research task: to retrace for what parts of speech the category of the gender is characteristic and how it is expressed in them. What parts of speech can be changed by gender? How?

On the example of the gender of nouns the concept is formed linguistic (lexico - grammatical) category, since the gender attribute has place in all significant parts of speech, except for the adverb. The learning of the gender category plays an important role in teaching foreign students. When learning this topic the usage of the above exercises in the classroom will give good results.

References:

1. Gez N.I. The system of exercises and the sequence of development of speech skills // ИЯШ. - 1969.
2. Kapitanova T.I. Modern methods of teaching the Russian language of foreigners: Textbook: T.I. Kapitanova, A.N. Shukin - M.: Prosvesheniye, 1988.
3. Lukin M.F. Morphology of the modern Russian language: Textbook, - - M.: Prosvesheniye, 1973.
4. Lutsenko N.A. On the gender of nouns with the initial gender component// РЯШ. - 1995.
5. Lvov M.R. Methods of teaching the Russian language in elementary school: Textbook for students higher pedagogic educational institutions / M.R. Lvov, V.G. Goretskiy, O.V. Sosnovskaya, - M.: Academy, 2004.
6. Maksimova V.I. About one type of nouns of a general gender// РЯШ. - 1971.
7. Medvedeva A.Y. To the study of the gender of nouns // РЯШ. - 1981.

Ametova U.
an independent researcher at Uzbekistan National University, Uzbekistan

THE COLOR ANALYSIS IN KUBRAVIA

Abstract. This article discusses about the color interpretation in Kubravia. The issues of color was not only vital for kubravia tarikat, but in all teachings, for tasavvufs. It is also mentioned that color is a focus in all religions and beliefs.

Keywords: Kubravia, color, Najmiddin Kubro, symbol, spirit, tasavvuf, tarikat, the source of light.

The beauty and elegance of the world is, of course, in color. In this sense, one cannot be astonished at the art of Allah's handwriting. The human emotions and the spirit of the world are closely linked with the colors of the material world. There is no doubt that his desire is directly related to his mental state. For this reason, color is a focus of all religions and beliefs. In particular, the diversity of the world plays an important role in Islam. Scientist Anri Korben said in his color studies that Iran is linked to Islamic construction. According to Korben,

white is the main phenomenon for Iranians. They say white buildings are better than others. In Iran, mosques are usually decorated with white. The white mosaic of the great mosques, in general, is the color of the white person's heart, which, without a doubt, embodies the idea of divinity, grandeur and purity. This view of the white color also supports our view of the Qur'an. Verses 106-107 of "Oli Imran" surah said that the faces of the righteous would be white on the Day of Judgment1. As we know, white is mentioned in the Qur'an as a symbol of faith and truth.

Colors have different interpretations in the books of tafsir, because colors also represent a broader meaning in Islam. Color represents the main force other than light, the manifestation of Allah. This brings to mind a true Muslim who recites "An-Nur" surah: "Allah exists in the heavens and the earth2".

Tasavvuf theorists also paid close attention to color. Because color helps to understand the complex symbols of tasavvuf. Sufis were able to see the spiritual power of the colors. The follower status was presented in the color language. White or black shows the last level of the follower. We can explain this by wearing white shrouds to the deceased during the funeral. The famous physicist Newton also refers to white as the main color. The originality of colors is the source of light. The light emitted by it is invisible because it is white, but the light, that is, when it is touched by the object, is broken, and the colors (remember the rainbow) are the source of light on the surface3.

The source of light in tasavvuf is Allah. When the light of Allah shines on the heart, the color of the stage is the same as the spirit.

In the fifteenth century in Herat, Hussein Voiz Koshifi said in his work "Futuvvatnomai Sultaniy" that the color of the poor and the earrings on the head of the poor also indicate a certain meaning. In his opinion, white is a symbol of purity: "If they ask what white color is, reply to them that white is the color of the day, and that the heart is pure, and their breasts are pure. If you are asked what white color refers to, say: milk color. Because milk is the food of babies and their upbringing depends on it. He who is clothed in a white kulou must be as pure as milk, and as a child, with all lusts4.

In Sufis, white is one of the main colors and represents the purity of the follower. In Kubravia, the follower's step to the teaching is given in white.

Different colors of the follower (solik) cases can be found in all forms of tasavvuf. However, for the first time since the Kubravia way of teaching, it has been systematically described and interpreted as a unique moment of spiritual development. The gradual transfer of the spirit from one color to another indicates its perfection. Sheikh Najmuddin Kubro said: "If you fall before the end of an infinite space, vast expanse, clear air above it, and finally some green, purple, yellow, and blue colors, then you know that you will reach this color. In fact, colors are the colors of the cases5".

Sheikh Najmuddin Kubro explained in his book "Favoyikh ul-jamol" the color of the follower's spiritual status and showed the stages of his journey to Allah.

It emphasized seven different colors when determining the follower's healthy, perfect beliefs: white, yellow, green, blue, red, and black. The diversity of colors represents the continuation of the subconscious.

Kubro outlined for the first time his mental state of being a murid. The peculiarity of the teaching is the fact that the religious practices and the careful study of the subtleties are the same. It is said that the journey of the follower to Allah begins with the darkness, and then gradually it comes to light. In the process, he sees beauty and clarity. In addition, the change of mood is interpreted in many different colors.

In tasavvuf, love, that is, intense love for Allah is expressed in yellow. In the work of Najmiddin Kubro, yellow is shown as a symbol of weakness. "He has no power to look at the weak" ... The weak are in this place, the strong is Allah. A lover is trying to reach the beauty of Allah. In a figurative sense, love can be like a star that is weak, and a lover. Accordingly, Najmiddin Kubro also expressed his love for yellow.

Nevertheless, in all followers, love is not the same color. Najmiddin Baghdadi, one of Najmiddin Kubra's students, felt love with red. One time, in the chamber of heaven, the singer recites the following poem:

Hush boftaand dar azal jomai ishq,
Gar yak hatti sabz dar kanirash budi.

Meaning: In the beginning there were sewed love well-dressed, if could there a green border. Then Majdiddin clutches his beard, cries out and applies the following verse:

Gar yak hatti surh dar kanorash budi

Meaning: I wish it had a red border. Then he thrust his hand into his throat like a sword and recites the following rubai:

Ul bakhri mukhitga kirmak istar ko'nglim,
Yo cho'ksamu, yo injuga to'lsa qo'ynim.
Etsaydim ado ishing hatarli garchi,
Ishq rangiga evrilsa yuzim yo bo'ynim6.

Najmuddin Kubro represented the delightful knowledge that comes with redness and discovery, the spiritual and inner experience, the state of resisting the desires and desires of the soul, the power. Power is the success of the planet as a result of his struggle with the devil and his soul.

Kubravia scientist Sulaiman Gukbulut in the monograph "Najmiddin Kubro" deliberately said about the meaning of color. Najmiddin Kubro pointed out that the main point of the purple symbol is the ammora, while the purple is the symbol of the life of the nobility, that is, the power: for it is a symbol of the coming out

1 Ал-Қуръон Ал- Карим. ¬– Т.: Фан. 2002. – Б.158.
2 http// www/ gavsulazam. De/ turk/ tasavvuf/ hu. htm
3 Г. С. Ландсберг. Оптика. – Тошкент. Ўқитувчи.1981. – Б.10-11
4 Ҳусайн Воиз кошифий. Футувватномаи султоний ёхуд жавонмардлик тариқати. – Тошкент. Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти. 1994. – Б. 44
5 Шайх Нажмиддин Кубро. Тасаввуфий ҳаёт. – Тошкент. Мовароуннаҳр. 2004. –Б. 114
6 Э. Очилов. Муборак сарчашмалар. – Тошкент. Ўқитувчи. 1997. –Б. 74-75

and expectation of the body from the dark ravine. The fact that the plant is green indicates that it is alive. According to the Sheikh, green is the color of the morning[7]".

In the Kubravia, the green is a symbolic of the life of the heart, its vibrancy, and as Kubro classifies voluntary death, one of them shows the blue-green death. Green death is about killing the world-related dreams by wearing patched clothing from cheap fabric pieces. Hussein Voiz Kashifi also stated in the "Futuvvatnomai Sultoniy" that the green cross is worn by the noble and always alive people.

We can see the purified state of the soul in blue in "Favoyikh ul-jamol". Blue was the color of the sky, the color of the skirts worn by the slimmer and the perfect man to wear. Sheikh Kubro considered black as a sign of admiration, symbolizing the spirit's drowning[8].

As the sheikh gives the zikr's life with colors, it shows green as the color that remains in the end. Black represents the color that remains the end of tasavvuf life.

Najmiddin Kubro, as a scholar of the spirit, skillfully described and interpreted the subtle latent boundaries of the human being in the sensory phase in the book "Favoyikh ul-jamol", "Risola fil halva", "Min-ojis solikin and meroj ul tolibin".

The issue of color is not only a kubravia, but also an important issue for tasavvufs in all ways. It is also important in defining the methods of teaching and in understanding the follower addresses. The study of colors leads to a more accurate and deep analysis of Sufi poetry. Even in today's advanced material world, tasavvuf is a bit closer to life, and it helps to cultivate a love for the spiritual life.

REFERENCES:

1. Ал-Қуръон Ал- Карим. ¬– Т.: Фан. 2002. – Б.158.

2. Шайх Нажмиддин Кубро. Тасаввуфий ҳаёт. – Тошкент. Мовароуннаҳр. 2004. –Б. 114

3. С.Гукбулут. Нажмиддин Кубро. Хаёти, асарлари, карашлари. Инсан йайинлари. Истанбул, 2010, Б.274.

4. Г. С. Ландсберг. Оптика. – Тошкент. Ўқитувчи.1981. –Б.10-11

5. Ҳусайн Воиз кошифий. Футувватномаи султоний ёхуд жавонмардлик тариқати. – Тошкент. Абдулла

6. Э. Очилов. Муборак сарчашмалар. – Тошкент. Ўқитувчи. 1997. –Б. 74-75

7. Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти. 1994. – Б. 44

8. http// www/ gavsulazam. De/ turk/ tasavvuf/ hu. htm.

Копаница Любовь Николаевна
доктор филологических наук, профессор кафедры фольклористики,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

КОЛЛЕКТИВНОЕ МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОЛЬКЛОРА В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОМИНАНТАХ

Kopanytsa L. N.
Doctor of Philology, Professor,
Kyiv National Taras Shevchenko University

COLLECTIVE MENTAL SPACE OF FOLKLORE IN CONCEPTUAL DOMINANTS

Аннотация. В статье на материале украинской устной лирики и актуальных тенденций когнитивной гуманитаристики определен набор базовых концептов и закономерности их сочетаемости в народной песне, освещаются перспективные линии изучения концептуального пространства песенного дискурса в аспекте его коммуникативной стратегии, исследования диалектики и эволюции поэтического мышления а также аргументация необходимости этнокультурных, социальных, этнопсихологических и эстетических измерений фольклорного текста, прежде всего, для выразительности онтологического и аксиологического статуса этого фольклорного феномена в общенациональном культурном пространстве.

Summary. The article, based on the material of Ukrainian oral lyrics and the current trends of cognitive humanities, defines a set of basic concepts and patterns of their compatibility in folk songs, highlights promising lines of studying the conceptual space of song discourse in terms of its communicative strategy, the study of the dialectics and evolution of poetic thinking, as well as the argumentation of the need for ethnocultural, social, ethnopsychological and aesthetic dimensions of the folklore text, primarily for expressiveness the ontological and axiological status of this folklore phenomenon in the national cultural space.

Ключевые слова: коллективное ментальное пространство, концепт, лирическая песня, жанровая парадигма, поэтическое мышление.

Key words: collective mental space, concept, lyric song, genre paradigm, poetic thinking.

Постановка проблемы. Едва ли не самым интересным направлением гуманитарных наук является изучение характерных особенностей той или иной культуры или субкультуры, то есть,

7 С.Гукбулут. Нажмиддин Кубро. Хаёти, асарлари, карашлари. Инсан йайинлари. Истанбул, 2010, 274-бет.

8 Шайх Нажмиддин Кубро. Тасаввуфий ҳаёт. – Тошкент. Мовароуннаҳр. 2004. –Б. 128

детерминирование «модальной индивидуальности» этноса. Но несомненно: человечество на протяжении веков, пристально изучая национальные характеры, всегда охвачено было влечением к стереотипам, универсальным концептам, значимым для национальной культуры и объединяющим нацию. Сложные динамические процессы культурной идентификации и самоидентификации, отождествления и самоотождествления, о которых говорили М. Хайдеггер и Г.-Г. Гадамер, были убедительно аргументированы В. Изером, автором фундаментальной теории «имплицитного читателя», как стратегия кросскультурного анализа текста. Он считает, что «в процессе чтения существуют два уровня: чужое «я» и реальное «я», которые никогда не отделяются друг от друга. Каждый текст, который мы читаем, определяет различные границы нашей индивидуальности, так что действительное измерение (реальное «я») приобретать различные формы в соответствии с темой того или иного текста. И это будет возникать обязательно, если только взаимосвязь между чужой темой и действительным опытом является открывающим возможность понять еще не опознанный мир» [10, с. 365].

Постановка задачи. Поэтому, когда мы говорим о культурной идентификации, об «этнических» или «национальных» образах в фольклоре, надо помнить, что это скорее функциональная, чем родовая категория, и не один из «этнических стереотипов» не имеет отношения к этническим проблемам, как и любое «присвоение инакости», установление сходства между собой и другими не вызывает ассимиляцию тождественного и другого. Нас в данном случае больше интересует, во-первых, какие именно черты и комплексы универсальных культурных концептов определяет и ценит народная традиция, а второе – каковы логика и механизмы выстраивания модели «семантической структуры» культурных концептов с позиции прагматики. Ведь сила концепта, в отличие от слова, в том, что концепт всегда можно выразить иначе: ему присуща имманентная плюральность. Круг этих вопросов, во-первых, поможет обнаружить не формальные правила, которых носитель традиции придерживается в своей повседневности или что он на самом деле считает правилами. А во-вторых, выявить само существование в культуре универсальных смыслов и показать, как они образуются и приняты коллективом, моделируя обыденное, реальную жизнь носителя традиции в фантазии и воображении, в ассоциациях и аналогиях, сопоставляя опыт «других» с собой, со своим «я», обеспечивая, в конце концов, динамичность и витальность культуры.

И здесь вряд ли необходимо лишний раз доказывать, что фольклор прежде всего средство традиционной коммуникации между людьми. Поэтому изначальным тезисом для наших концепций коллективного и индивидуального «я» в традиционной культуре было: «не произвольные произведения воображения, вроде фантазий или желаний, которые появляются и исчезают, а реализованные ответы, благодаря которым человеческое бытие постоянно понимает себя» [6, с. 105], то есть – реакция представителей культуры и носителей традиции, оказавшихся в той или иной ситуации, и различные пути решения задач (психологических, эмоциональных), которые, вероятно, и являются концептуальным индикатором национальных и стереотипных моделей поведения. И второй тезис наших наблюдений: если учесть, что текстов, свободных от влияния культуры, не существует, то можно предположить, что те тексты, которые хранятся традицией, тем самым утверждают их особое значение для носителей этой традиции, для психики индивидуумов.

И действительно, разделяя мнение американского фольклориста А.Дандеса [9, с. 103], можем даже утверждать: если бы конкретный, национальный фольклор не имел бы универсальные, какие-то общие культурные формы, он прекратил бы свое существование. Таким образом, идею открытости фольклорной коммуникации дополняет, во-первых, идея динамичности фольклорного процесса: опыт прошлых поколений живет в новой культуре и становится функциональной частью человеческого сообщества, развивая у ее носителей интуитивное ощущение устной культуры. А во-вторых, идея креативности: воспроизводясь по внутренним законам мифологии, «небиологическая память коллектива» (Ю. Лотман) – коллективное ментальное пространство фольклора – в живом трансформированном виде актуализируется в новом художественном мышлении.

Изложение основного материала. Все эти принципы устной словесности приобретают особое значение в процессе интерпретации одного из наиболее устойчивых и популярных жанров устно-поэтического творчества – бытовой песни. Конечно, говорить о песнях, этом уникальном художественном феномене народного творчества, сложно. Прежде всего это предполагает, во-первых, что сам жанр подразумевает не чтение, а исполнение. Устная передача в этом случае рассматривается как достаточно небезупречный способ, результатом которого фольклорное произведение изменяет, а то и постепенно искажает транслируемый текст. Но можно сделать выводы из концепции автора гипотезы линвистичного бытия Б. Гаспарова [7], что у каждого автора-исполнителя есть «презумпция текстуальности», или иначе: любому воспроизведению текста предшествует представление о нем в целом, возможно, в форме неупорядоченных компонентов – исполнитель ни под каким видом не хранит в памяти весь текст.

Во-вторых, любые фиксации фольклорного текста (независимо от степени их точности) не могут быть полностью равнозначными первоисточнику, а именно этот первоисточник является лишь одной из манифестаций фольклорной традиции. Итак, песенный текст не сохраняется в памяти исполнителя в заучиваемом виде. Условно можно выделить два основных этапа

воспроизведения в памяти устного текста. Первый – исполнитель вспоминает слова, не задумываясь ни об их семантике, ни о семантике текста, когда память работает с набором ядерных слов. Второй – певец вспоминает слова, ориентируясь на общую семантику текста, то есть – «предписание традиции», и тогда имеют силу формулы, клише и другие элементы устного поэтического текста [3].

Память традиционной лирической песни ярко предстает в концептуальных доминантах, реально представленные в текстах устойчивыми мотивами, аллюзиями, универсальными константами, образами как «сгусток культуры в сознании человека» (Ю. Степанов). Последнее подразумевает специфику создания и бытования народной песни, выраженную в ее ориентировании не столько на создание новой информации, сколько на ее сохранение, воспроизведение общего фольклорного кода и его трансляцию, интерпретацию в новых вариантах, что, собственно, и пополняет постоянно ее информативное поле, и определяет феномен традиции в этом фольклорном жанре. Однако, когда мы говорим о когнитивной и психологической роли памяти в фольклорном процессе, то надо признать, что этот вопрос нельзя ограничить только проблемой устного бытования народно-поэтического творчества, его формульностью или смысловой упорядоченностью материала в произведении. Речь идет о таком поэтическом мышлении в образах, переведенных на уровень мифологического языка и управляемых ритуалом как определенной знаковой системой, которое в принципе управляет функционированием народной культуры. Имеется в виду отбор, уточнение и дальнейшее переосмысление минимальных элементов, которые обеспечивают функционирование своеобразного «словаря» традиции в качестве основного вида социальной памяти человечества. И самое главное – мы говорим о передаче человеческого опыта в его экзистенциальном измерении.

Конечно, мифологическая или ритуальная семантика сюжетов, мотивов или образов фольклорных произведений не осознается создателями устной культуры, равносильно как и большинство значений фольклорной фантазии родом из сферы бессознательного. То есть выбор формулы-знака в том или ином песенном тексте или может указывать ту или иную ситуацию, или выбор определенного знака приводит в определенной степени неизбежному подбору последовательности других знаков, подчеркивая не столько логические, сколько психологические критерии выбора мотива, символа, образа. Если, скажем, в эпическом сюжете происходит непрерывное чередование мотивов-ситуаций, мотивов-эпизодов и мотивов-диалогов, а мотив выступает повествовательным элементом, то в бытовой лирической песне мы можем говорить о мотиве, который служит средством самовыражения лирического героя и его идентификации путем отождествления, «сживания» с культурным текстом-образцом в процессе каждого нового исполнения любого песенного произведения. По всему видно, что, например, в песне о любви мотив как фактор повествовательный отступает назад, уступая место более универсальным по своему содержанию образам, встреча с которыми всегда вызывает у исполнителя-слушателя сильные эмоции (в том числе эстетические), которые способны установить прежде всего «внутреннюю гармонию», по Сартру, экзистенциально проектируя человека, хотя эти значения, коды, символы и т. д. несколько потеряли свой первоначальный смысл и упоминаются уже в совершенно других ситуациях. В их число входят также зачины, концовки, заговоры, рифмованные формулы, которые выполняют не только функцию организации песенного текста, но и коммуникативно-прагматическую. Иными словами, сюжетная картина, которая дает представление о событиях, поступках и отношениях героев лирической песни, хотя немаловажна и значима в произведении, но не она главная и не она определяет весь его художественный смысл. Народная песня использует общекультурные концепты, единицы формульного характера, конкретные мотивы, образы-символы и трансформирует их в зависимости от ее структуры и прагматики, однако, как и любой другой жанр устной народной культуры, она в то же время в значительной степени способствует их идентификации, консервации их глубинного смысла, поскольку отделяет их от основного обряда, основного жанра или от первоначального представления.

Отдельные предположения и гипотезы о специфике художественного мышления можно найти в различных теориях, которые так или иначе ориентируют на процесс мышления фольклорного. Как например, в философском аспекте вся проблема исконного сознания в силу специфики пространственно-временной ориентации первобытного мышления выражена в основных принципах архаического мышления: принцип подобия, принцип мистической партиципации. Поэтому, чем привычнее для первобытного человека были те или иные объекты или представления, тем они казались для него и более существенными, а чем уникальнее были события или вещи, то они казались ему менее реальными и действительно существующими. В психологии механизмы фольклорного мышления приближаются к понятию проекции как отметки стремлений человека приписать другому человеку или окружению то, что свойственно ему самому. Правда, фольклористы не слишком часто прибегают к проективной технике интерпретации текста [9], хотя здесь можем вспомнить подходы и З. Фрейда [20], и понимание К.-Г. Юнгом проекции в культурных архетипах [22]. В рецептивной эстетике, в частности в феноменологической и герменевтической интерпретативной парадигме текста, известная категория чужого «я» определяет горизонт понимания мира, текста и себя, артикулирует «сокращение дистанции» между миром реципиента и миром текста, «присвоение

инакости» [19], что в первую очередь связывается с герменевтическим опытом прошлых поколений и с экзистенциальным опытом исторического человека, и, по сути дела, является модифицированным вариантом фольклорной «спонтанной логики представлений» (Я. Голосовкер), а шире – правом искусства превращать «чужое» в «свое».

Принцип мифологического сознания – существование по прототипу – воспроизводит, к примеру, народная лирическая песня, которая переносит элементарные семантические оппозиции простейшей пространственной и чувственной ориентации человека с помощью мотивов и мифологических концептов в план «личности» лирического героя, привносит с собой определенное эмоциональное поле. Однако надо заметить, что коды и структуры, по которым создавалась этноментальная картина мира, которые ее объясняли и приводили в порядок, были мнемотехническими средствами. Дело в том, что и мифологическая традиция, и фольклорная традиция заботятся не о простом объяснении мира, а о сохранении человеческого опыта, однако временная дистанция углубляет и расширяет границы его реинтерпретации. Эта повторяемость, с одной стороны, опирается на присущие человеку законы ассоциативного мышления, при этом поэтическое воображение зачастую отталкивается от зрительного воображения, а с другой – на коллективные коды национальной культуры. Вот почему каждая культура – это комплекс концептов, принятых значений, которые невозможно дешифровать обычной силой ума, а необходимо «ужиться» с многозначностью настоящих концептов, проективных метафор, поскольку через эти смысловые связки каждый из них соотносится каждый раз с идеей мирового единства и завершенности.

Однако подчеркивая еще раз, что устный характер фольклора означает по Потебне не просто несомненную очевидность его отличия от письменной литературы или передачи по памяти из уст в уста «насколько хватает памяти», но и очевидность того, что это информационный материал, «непременно прошедший сквозь значительный слой народного понимания» [18, с. 74]. Здесь заложена близость между фольклорным концептом и мифом, здесь оказываются и унаследованные от мифа социальные и коммуникативные функции, диалогическая форма толкования фольклорных концептов. Тогда и миф, и различные виды фольклора соотносятся идеологически с миром этого сообщества не только через функциональные связи, то есть через те, что являются обязательными и материализуются в текстах. Ведь идеологическое наполнение мифа предполагает его психологические функции, которые по заключению Б. Малиновского, утверждают в мифе не одно-единственное интеллектуальное объяснение или художественные фантазии, но прагматичные законы примитивной веры [17, с. 105], что и дает возможность человеку спастись в фантазии. Впрочем, такую интерпретацию можно дать не только мифу, но и прежде всего практиковать в других знаковых образованиях, которые необходимы для сплочения культуры и сообщества.

Итак, каждый фольклорный текст включает в себя систему таких маркеров, выполняющих функцию хранения знаний о мире в абстрактном формате. Поэтому стоит, прежде всего, выделить глубинные смысловые значения, представленные в устной поэзии (*жизнь, смерть, человек, добро, зло, свобода, любовь, счастье, горе, судьба, душа, природа*), поскольку невозможно приобщиться к процессам коммуникативного культурного взаимодействия без использования знаков-медиаторов. На самом деле они сохранились и воспроизводятся в этнокультурной традиции вообще и в народной песне в частности не путем спонтанного припоминания того или иного знака, а подчиняются определенной системности, упорядочению в прагматических и синтагматических отношениях, ведь песня сочетается с произведениями устной словесности не только своим содержанием, но также формой, поэтическим выражением и стилем, о чем писал еще академик Ф. Колесса [14, с. 157].

Но не будем забывать, что какими бы знаками стереотипности, универсальности не выражался фольклор, в нем не так много концептов, которые должны иметь универсальное распространение. Эту особенность традиционной культуры следует понимать так: фольклор – систематический и шаблонный, но он не ограничен лишь механическим процессом фольклорной коммуникации. Ведь именно в процессе коммуникации смысл «слова-имени», сказанное по-другому слово возникает именно потому, что человеческое мышление способно выражать себя за счет «иного» – понятия, слова, культуры – для того, чтобы продолжать себя. И фольклор – такое выражение коллективного мышления, которое имеет элементы свободы и не застраховано от случайностей, но и способно вовлекать коллективные мысли и знания. И действительно, история фольклора знает немало примеров универсалий, которые, с одной стороны, различают жанры, но с другой стороны, при всей известной удивительной стабильности фольклора, каждый фольклорный текст – неоднозначный и подвержен изменчивости, динамичности, словом, он имеет различные границы своей индивидуальности, учитывая, конечно, его вариативность, которая присутствует в каждом акте исполнения и восприятия текста. Так и автор-исполнитель песни (хотя он и творит в рамках традиции или определенной последовательности) абсолютно свободен в выборе личных изобразительных средств, персонажей и даже мотивов, которые иногда могут быть культурно зависимыми от типа аудитории.

Этот поверхностный взгляд на фольклор как особый тип культуры предполагает его понимание как продукта сознания – высшей формы отображения действительности в психике человека и хранения в памяти человека абстрагированных

идей и «типизированных фрагментов опыта» [12, с. 65]. И это только один вопрос. Второй же вопрос, может быть, более утилитарный, заключается в том, чтобы определить концептуальный фундамент украинской фольклорной культуры. Эмоционально-психологическая прагматика песенного дискурса, его генетическая связь с мифом и ритуалом обусловила и «словарь» универсальных концептов – ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ, СЧАСТЬЕ-НЕСЧАСТЬЕ, ГОРЕ, СУДЬБА, ЛЮБОВЬ. Например, концепт СУДЬБА в фольклорной концептосфере является такой базовой структурной единицей. Стремление воссоздать представление о судьбе можно найти практически во всех жанрах устного народного творчества, реконструируя по этому культурному концепту не только «ткань духовной жизни народа» [8, с. 7] – даже психологический портрет украинца. Но когда мы говорим об мировоззренческих представлениях и универсальных понятиях человека, в которых он находит свое выражение понимания мира и своего места в нем, то имеем в виду не только отдельные конкретные номинации, семантические признаки слова-имени концепта СУДЬБА – в народной песне это: *дорога, счастья, брак, свобода, жизнь, будущее, стихии, небесный огонь, солнце, звезда, море, любовь, семья, родные, семейный очаг, суженый, муж или жена* – или метафорическую трансформацию буквального значения знаковой единицы, а берем в расчет сам способ их возникновения и объединения, учитываем их место и структурно-функциональную нагрузку в общей концептосфере культуры, принимаем во внимание действие универсальных внутренних механизмов моделирующей деятельности человеческого подсознания. Поэтому сами дефиниции (слова-имена) концепта СУДЬБА без определения основ, на которых они выстроены, передают только основную идею понятия «судьба» и остаются не более, чем призрачным собранием языковой «метафоричности», которая выступает как стертый от ежечасного применения оборот, а слово «судьба» становится малопонятным топосом. Это только лишь подтверждает, что основные концепты фольклорного дискурса, «ключевые слова» культуры, как их называет А. Лосев [16, с. 88], оказываются прочнее той конкретной картины мира, которую отражает в них человек.

Другой пример стратегий феномена концептосферы фольклорной культуры – способность носителя традиции воспринимать психическую, эмоциональную, сознательную и бессознательную связь с историческим прошлым, прототекстом, идентифицируя себя только благодаря культурным кодам. Такой подход в «Истине и методе» комментирует Г.-Г. Гадамер: «Историческое сознание – это не столько самозабвение, сколько повышенное самообладание, что отличает его от всех других формообразований духа. Так, историческое сознание, будучи теснейшим образом связанным с почвой исторической жизни, на которой оно растет, здесь приобретает собственные возможности исторически относиться, исторически понимать. Историческое сознание больше не рассматривает традицию, в рамках которой оно содержится, как границы для собственного понимания жизни, продолжая традицию таким простым и наивным усвоением всего унаследованного. Наоборот, оно осознает себя в рефлективном отношения к самому себе и традиции, в которой оно находится. Оно понимает себя, исходя из собственной истории. Историческое сознание является способом самопознания» [5, с. 220]. И в отношении первого, и в отношении второго модуса знаковости культурных доминант может быть задан вопрос: какие концепты являются ключевыми в песенном дискурсе? Или: способна ли традиционная лирическая песня актуализировать общекультурные концепты и создать свою собственную концептосферу? Здесь стоит напомнить, что источником лирического рода устного поэтического творчества признается обрядовый дискурс – обрядовая поэзия с ее символическим стилем как хронологически и генетически первичная форма. Действительно, устная лирика имеет много общего с календарными и свадебными песнями, которые по своему происхождению древнее лирических. Большинство исследователей устного народного творчества (О. Бодянский, А. Потебня, А. Веселовский, Ф. Колесса, В. Пропп, А. Дей, Н. Колпакова) склоняются к мнению, что лирические песни зарождались в глубинах обряда, отделившись от песен заклинательных и величальных, от причитаний, хотя определенный пласт лирических песен остался в рамках обряда, комментируя его. Но в процессе развития этноса изменяется не только его мировоззрение – эволюционируют виды народной культуры, трансформируются и доминанты песенного творчества. Уже на рубеже XVI и XVII веков лирические песни существовали вполне самостоятельно, со своим спектром тем, идей, образов и своими закономерностями художественной типизации жизни. Бытовые лирические песни демонстрируют не только появление новых тем, связанных с различными сферами жизни человека (индивидуальными, семейными, общественными, социальными), но и функциональные изменения: магическую функцию в них заменяет эстетическая.

Мы могли бы назвать целый ряд общих или близких мотивов, образов лирических песен и других жанров устной словесности, что лишний раз подтверждает мнение фольклористов о генетических связях песенного жанра с такими видами и жанрами, как обрядовая песня, заговоры, баллада, сказка. Однако в этом случае стоит прежде всего говорить о «метаязыке» и об общей логике архаического мышления, которые в свое время были прекрасно интерпретированы О. Фрейденберг в лекциях «Вступление к теории античного фольклора». Согласно выводам исследовательницы, первобытное мышление антиказуальное, и лишнее искать вывод из причин последствия, поскольку: «Причина одного явления лежала для него (первобытного мышления. – Л.К.)

в явлении смежном. Так образовалось, – подчеркивает Фрейденберг, – сплетение причин и последствий в виде круга, замкнутой линии, где каждый член ряда был причиной и следствием. Такая обреченность порождала представление обо всем, что окружает, как о неизменности, что изменяется» [21, с. 18–19]. Эта цитата довольно убедительно объясняет не столько логику примитивного мышления, как описывает «индивидуальное» творчество фольклорной традиции и сознание творческого субъекта. Философское определение Фрейденберг – «антиказуальность первобытного мышления» – в анализе поэтики фольклорной песни может иметь проекцию на «освоение» в ней «конкретики», техники мифологического мышления и описание динамики устной поэзии. Но это также означает, что каждый жанр традиционного типа словесности имеет свою концепцию. Действительно, если цель текста заговора – словесное магическое влияние на ситуацию с целью ее изменения, то для лирической песни репрезентация «мифологичности» служит созданию «мифологического варианта», пробуждению в воображении и памяти человека основных признаков, функций, характеристик «конструктивных форм сознания» (о которых пишет Э. Кассирер) для передачи эмоционального состояния человека и влияния на него и, в итоге, есть «знаками» самой жизни. Можно, правда, вполне принять версию приспособленности мифологического мышления к требованиям устной поэзии, однако фольклориста всегда интересует процесс создания поэтического текста.

Впрочем важно и другое: лирическая песня во многих аспектах восприятия и выражения окружающего и внутреннего мира человека – в том числе и в психологическом – использует приемы, символы, экспрессивные формулы, укорененные еще в первобытном мифологическом мышлении (например, параллелизм, символика, метафора). Несомненно, они требуют специального подхода для расшифровки, потому что с точки зрения психологии современного человека их часто объяснить просто невозможно. Речь идет о тех многозначных, чувственных образах, ассоциативных образных структурах, которые генерируют все тексты фольклорной поэзии, благодаря которым воспроизводилась картина внутреннего мира человека, давалось убедительное и обоснованное с точки зрения народного сознания понимание и объяснение психологической сути человека, потаенных душевных потрясений и их внешних проявлений, в которых, в конце концов, человек определялся, «конкретизировал» себя. Они могут объяснить, откуда песенный фольклор берет свою неповторимость, но смысл будет недостижимым без учета их мифологической основы, подтекстовых связей, ритуально-магических, психологических и социально-бытовых функций. Это, естественно, обусловлено первоначальным синкретизмом произведений устной культуры, известным в концепции А. Веселовского [4], который следует понимать не столько как сочетание разнородных элементов (танца, пения, музыки, слова, жестов) в едином выражении, а как, прежде всего, проблему мировоззрения, как выражение универсальной природы творчества человека.

Но лирическая песня не может и не хочет ограничиваться чистой повторяемостью, иначе она перестала бы существовать. Именно пересечение в поэтическом произведении культурного текста-образца в качестве потенциальной действительности и реального мира в процессе фольклорной коммуникации дает неповторимый синтез. В свою очередь возьмем за исходный тезис, что необрядовая песня, выступая носителем традиции в рамках мифологизированного пространства, ориентированного на архетипную модель мира, предстает реальным отражением действительности, быта, чувств и отношений человека, его эстетических вкусов. Можно даже продемонстрировать возможную «психологизацию» и «эстетизацию» общекультурных концептов в этом жанре.

Что происходит в этом случае с базисным фольклорным концептом СУДЬБА? Отметим, что в славянском фольклоре концепт СУДЬБА состоит из понятий: судьба как высшая сила над людьми, как некая обреченность жизни человека и принималась им от рождения до смерти, судьба как предоставленная человеку Богом и определенная, предназначенная Всевышним. В той или иной степени все эти народные представления о судьбе формировались из начальной ситуации в бытии человека – *свобода/неизбежность*. Впрочем, смысл этого концепта в традиционной культуре предполагал и другое его значение: возможность многократного выбора между счастьем и несчастьем, что покупается, в частности, жертвоприношением [11, с. 70]. Еще более три четверти века назад А. Лосев, порывался снять противоречия между фактом существования феномена судьбы как явлением жизни и отрицанием идеи судьбы тогдашней наукой, утверждал реальность судьбы, называл ее «жестоким образом самой жизни» [15, с. 148], отождествляя власть судьбы со смертью. Представление о зависимости жизни человека от судьбы приводит и к пересмотру другого фольклорного универсального концепта – ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ. Действительно, фольклорная культура убедительно доказывает: человек представляет жизнь как некую направленную реализацию своих намерений, замыслов, желаний, но судьба предназначенная, провидение вносят в эту последовательность хаос. Эта тема особенно ярко развивается в лирической песне о любви. Герой, попавший в ловушку судьбы, вынужден искать спасение, освобождение от власти судьбы, чтобы реализовать свою волю, стремления, мечты о счастливой жизни, добрую волю (например, в песнях «Калиночко, малиночко», «На битой дороженьци білий камінь лежить», «Повій, вітру, відки тя жадаю», «Ой час-пора до куреня, вже хмарки надвисли», «Горе ж мені, горе, що я уродився», «Ой, вийду я на могилу»). При этом понятно, что одним из главных моментов

детерминации судьбы является жизнь человека или отдельные ее моменты – поступки, события, этапы. По украинским народным верованиям, судьба дается каждому человеку или только при рождении, или трижды: в час рождения, брака, смерти. Именно фундаментальная оппозиция мифологического сознания *жизнь/смерть* объясняет существование различных коллективных психологических и социологических аспектов представления о судьбе, свойственных этому традиционному обществу, и не исключает возможность многочисленных логических реализаций концепта в зависимости от различных сфер и метафорического (переосмысленного) его прочтения. На это указывают как минимум два факта. Первый из них касается трактовки в культурах разных народов мира существующих универсалий концепта СМЕРТЬ действием мифологического механизма, который коррелирует и конструирует денотат явлений. Действие этого механизма можно также распространить на ряд других ирреальных абстрактных понятий (горе, нелюбовь, измена, предательство), которые в первобытном сознании отождествлялись с реально значимым, с действием. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в песенном фольклоре. Так, семантические параллели денотатов концепта СУДЬБА в песнях о любви перерастают рамки своего конкретного текстуального значения (приглашение парня на обед или ужин, мотив приготовления девушкой приворотного напитка, магические действия, которые производили над следом, чтобы приворожить, приманить человека, приворотить любовь), однако новые «горизонты» значения концепта не отменяют его собственное и первоначальное содержание в традиционных песенных мотивах. Поэтому функциональные связи, определяющие семантику, структуру, образность песенных произведений, могут стать исходным материалом не только для реконструкции концепта СУДЬБА в лирическом жанре, но и для постижения фольклорного мышления в целом. Такое развитие культурного кода СУДЬБА в любовной лирике проявляется, в частности, на уровне реконструкции мифологем (камень, след), субстанций (душа), феноменов (горе) и константных мотивов (приготовление приворотного зелья, приворот, совместная трапеза и др.) фольклорного дискурса, поскольку именно на этом уровне находятся конкретные исходные и простейшие знания.

Очевидно, что наиболее архаичной и вместе с тем наиболее многозначной семантической моделью, реализованной в различных системах фольклорного комплекса, является универсальный концепт ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ. В поэтическом тексте он предлагает новую действительность в семантической модели *смерть/судьба*, однако не в широком охвате конкретного семантического материала, а в контексте представления *смерть/возрождение*. При этом новый смысл концепта СУДЬБА – именно смерть придает судьбе человека завершенность – снова отсылает к главной оппозиции мифологического сознания ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ. Отыскав эту универсальную оппозицию в фольклорном тексте, мы достаточно легко можем увидеть последовательность ее проекции в поэтических произведениях. Ведь во всех мифологических, религиозных, теологических и философских системах присутствует не обычное противопоставление жизни и смерти, а важная пограничная ситуация, которая отождествляла смерть с новым рождением в один цикл, а потому «смерть, – по мнению М. Бахтина, – входит в завершенность жизни как ее необходимый момент, как условие постоянного обновления и омоложения. Смерть включена в жизнь и наряду с рождением определяет ее вечное движение» [2, с. 59].

Итак, в этом случае для понимания логики сюжетных, а в первую очередь мировоззренческих, коллизий, связанных с универсальным концептом СУДЬБА, не менее важна в лирической песне семантическая модель *смерть/возрождение*. Так или иначе, в большинстве традиций смерть и еще рождение – непременная и органическая составляющая концепта СУДЬБА. Эта идея не чужда фольклорной песне о любви, которая наряду с традиционной трактовкой судьбы дает ее в образе мнимой смерти героя как завершение определенного жизненного этапа, предназначенного судьбой, и начало «новой» жизни. Напомним, что модель *смерть (мнимая смерть)/судьба* занимает центральное место в ритуалах перехода (рождение, инициация, брак, похороны), в которых смерть представляется концом определенного жизненного этапа – социального, половозрастного, биологического – и «эксплицитно выражает глубинное движение любого ритуала жизненного цикла на «подправку» природного бытия индивида» [1, с. 102], а отсюда – узнавание, исправление и завершающее предначертание судьбы человека. Или же «возрождение» человека в новой ипостаси, то есть рождение «нового» человека и «новой» судьбы, осуществляется через сакральные по своему характеру гадания, привороты, магические действия, которые непосредственно могут повлиять на жизнь, а значит, и на судьбу человека.

Во всех многочисленных художественных проекциях модели *смерть (мнимая смерть)/судьба* в лирической песне мы имеем дело с мотивом приворота, который вообще очень показательный для этого жанра. И здесь не так важно, как лирический герой пользуется магией и волшебством – готовит приворотный напиток, завораживает страстным словом, карими глазами и тому подобное. Важно то, что в народном сознании существует представление о долге человека преодолеть свою судьбу, изменить ее так же, как ритуально-магическое разрушения в архаическом мифологическом мировоззрении должно было восстановить гармонию, равновесие в социально-культурном и психологическом космосе. Ведь в фольклоре (прямо или косвенно) воспринято мифологическое разделения истории мира на период «хаоса» и период «созидания». Ритуально-магическое разрушение в мифологических

системах и в конструкциях, сохраняющие выразительные связи с мифом как проявление одной из основных идей создания культуры, выражается во многих параметрах и явлениях, в том числе в смысле возможности выбора судьбы. Это мнение довольно хорошо выражают украинские пословицы: «Була б доля, та нема волі», «Долі скаргами не власкаєш», «Доживай долі, то не матимеш і льолі», «Лихої долі не вгадаєш». Мотив выбора судьбы продолжает свою проекцию в художественно-поэтической символике лирической песни. Здесь, как и на одном из главных, «пороговых» (рождение, брак, смерть) этапах жизни человека, осуществляется «ритуальное устранения временной текучести, полное устранение времен (прошлого и будущего) в абсолютном «настоящем» [13, с. 20], происходит то же условное, что идет от мифологической системы, преодоление состояния между «этим» и «другим» миром – выбор судьбы и ее завершающее определения, но, конечно, за счет активизации реально-бытовой и социальной действительности. Правда, семантические связи эквивалентов концепта СУДЬБА не всегда прозрачные в песенном тексте и даже в ближайшем контексте, но всегда за кажущейся ясностью и реальностью образов скрываются архаичные представления.

Поэтому вполне очевидно, что даже на уровне вербализованных когнитивных структур и взаимосвязанных с ними понятийно-классификационных систем мы находим в фольклорной песне разнообразные выражения понятия судьбы на уровне других значений и проекций, различаем многочисленные модели семантической мотивации, насыщенные значимым смыслом, которые определенным образом организуют смысловое поле концепта СУДЬБА, сохраняя в духовной памяти народа следы различных толкований человеком окружающего мира (*дух предков, душа, часть, добро и зло, счастье или несчастье*). В лирической песне за каждым названием абстрактного понятия (*судьба, рок, суд, случай, воля богов, духов и различных сверхъестественных сил*) стоят самые смелые метафоры. Они во всей множественности значений описывают отношения человека и судьбы, зависимость человека от судьбы, диалектику судьбы.

Выводы из данного исследования и перспективы. Между тем следует отметить, что создавая в духовной культуре картину мира, человечество давало ее элементам ту установку и то значение, которое оно желало, но руководствуясь культурной традицией и закономерностями. Поэтому теми подобиями и совпадениями – какими бы впечатляющими по значениям они нам не казались – пренебрегать не следует. Они творчески осмысливаются в сознании человека и могут использоваться в текстах разных типов, независимо от того, включается концепт в конкретную ситуацию, контекст или он семиотически не связан с ними. Такой подход оправдан тем, что континуум традиционной культуры представляет собой целостную систему, в которой устная словесность выступает одним из ее элементов. Однако большинство универсальных понятий или культурных концептов, их «содержательная заряженность» по-разному осмысливается не только в разных культурах, а может приобретать различные оттенки значения в различных дискурсах: мифологическом, ритуальном, поэтическом. Большинство из упомянутых концептов, мотивов, универсальных этнических кодов в песенном фольклоре функционировало и воспринималось как художественный образ, художественное средство, возникало же как обобщение типичных для своего времени жизненных явлений и представлений о мире, как концепция действительности в сознании, и, по сути, никогда не повторяясь. В заключении можно сказать, что из мифа, традиционной культуры, народных верований, знаний и опыта устная поэзия берет концепт как повод, основание, притчу, как ядерную часть комплекса познаний о мире, которую можно считать в определенной степени универсальной для менталитета человека вообще, для самосознания личности с экзистенциальных позиций.

Список литературы:

1.Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 242 с.

2.Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.

3.Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества / П.Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. Москва: Искусство, 1971. С. 369-383; Чистов К.В. Устная речь и проблемы фольклора. X Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Москва, 1988; Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. Москва: Наука, 1993. 187 с.

4.Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и прим. В.М. Жирмунского. Ленинград: Художественная литература, 1940. С.200-382.

5.Ґадамер Г.-Ґ. Істина і метод: Основи філософської герменевтики: у 2-х томах. Київ: Юніверс, 2000.Т.1. 464 с.

6.Ґадамер Г.-Ґ. Різноманітність мов і розуміння світу / Г.-Ґ. Гадамер. Герменевтика і поетика. К.: Юніверс, 2001. 288 с.

7.Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект. Учен. зап. Тартуского гос. Ун-та, 1978. Т. 442. С. 120-137.

8.Грушевський М. Історія української літератури: у 6-ти т., 9-ти кн. / упоряд. О.М. Таланчук; прим. С.К. Росовецького. Київ: Либідь, 1994. Т. 4. Кн.1. 336 с.

9.Дандес Алан. Проекция в фольклоре: в защиту психоаналитической семиотики / Алан Дандес. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. Москва: Восточная литература, 2003. 279 с.

10.Ізер В. Процес читання: феноменологічне наближення / ред. М.Зубрицька. Слово. Знак. Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. Львів: Літопис, 1996. С.261-277.

11.Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. Москва: Наука, 1965. 247 с.

12.Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

13.Кісь Р. Коваріації уявлень про смерть як індикатор типу культури (спроба кроскультурного бачення). Студії з інтегральної культурології. Tanatos. Спец. випуск (НЗ). Львів; 1996. №1. С. 9-20.

14.Колесса Ф. Українські народні думи: перше повне вид. з розвідкою, поясненнями, нотами і знімками кобзарів. Львів: Накладом т-ва «Просвіти», 1920. 160, VIII с., [7] арк. фот.: ноти.

15.Лосев А.Ф.Диалектика мифа / сост. подг. текста, общ. ред. А.А.Тахо-Годи, В.П. Троицкого. Москва: Мысль, 2001. 558 с.

16.Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / под общей ред. А.А. Тахо-Годи и И.И.Маханькова. Москва: Мысль, 1993. 962 с.

17.Малиновский Б. Магия. Наука. Религия / пер. с англ. Москва: «Рефл-бук», 1998. 304 с.

18.Потебня А. А. Теоретическая поэтика. Москва: Просвещение, 2000. 288с.

19.Рікер П. Сам як Інший. Київ: Дух і літера; 1995. 458 с.; Ґадамер Г.-Ґ. Істина і метод. Основи філософської герменевтики: у 2-х томах. Київ: Юніверс, 2000. Т.1. 464 с.

20.Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / под ред. Е.Е.Соколовой и Т.В.Родионовой: пер. с нем. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. 480 с.

21.Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. Москва: Восточная литература, 1998. 345 с.

22.Юнг К.-Г. Архетип и символ. Москва: Ренессанс; 1991. 343 с.; Юнг Карл Густав. Человек и его символы / пер. с нем. Москва: Серебряные нити, 1997. 368 с.

Міхно Н.А.
старший викладач
кафедри іноземних мов,
Приазовський державний технічний університет

ПРИСЛІВ'Я ТА ПРИКАЗКИ З КВАНТАТИВНИМ КОМПОНЕНТОМ

Mikhno N.A.
senior lecturer of the department of foreign languages,
Pryazovskyi State Technical University

PROVERBS AND SAYINGS WITH QUANTITATIVE COMPONENTS

Анотація. Прислів'я та приказки займають значне місце в словниковому складі англійської мови. Нами були проаналізовані 1340 англійських прислів'їв і приказок і їх переклад на російську та українську мови. 17-20% зазначеної кількості - прислів'я та приказки з квантативним елементом. У статті аналізуються способи їх перекладу на українську мову; наведено статистичний аналіз.

Summary. Proverbs and sayings occupy a significant place in the vocabulary of the English language. We have analyzed 1340 English proverbs and sayings and their translation into Ukrainian. 17-20% of the specified amount are proverbs and sayings with a quantitative element. The article analyzes their translation into Ukrainian; statistical analysis having been made.

Ключові слова: Прислів'я, приказки, фразеологічні одиниці, квантативні компоненти, способи перекладу

Key words: Proverbs, sayings, phraseological units, quantitative components, translation methods

Постановка проблеми. Прислів’я і приказки з квантативним компонентом займають значне місце серед інших фразеологічних одиниць і ми намагалися проаналізувати, чим може бути виражений квантативний компонент у цих фразеологічних одиницях і дослідити їх переклад на українську мову.

Прислів'я як яскраве мовне явище привертали й привертають уяву багатьох лінгвістів та літературознавців різних країн, в тому числі носіїв англійської, російської та української мов.

Про прислів'я та приказки протягом ряду століть написано чимало цінних праць. За цей час висловлено багато цікавих думок, але водночас з цим з'явилась і численна кількість нових проблем, що потребує пильних, допитливих дослідників. Справжній науковий підхід до їх студіювання був намічений тільки в другій половині XIX століття. Початок цьому поклав О.О. Потебня. Саме в XIX столітті до питань мови застосовано порівняльно-історичний метод. У цей час до явищ мови почали підходити історично, мову стали розглядати як категорію історичну. О.О. Потебні було ясно, що без історичного підходу до вивчення прислів'їв і приказок не можна розкрити суть і закономірності їх розвитку.

Незважаючи на значний вклад О.О. Потебні у вивчення прислів'їв і приказок, ще й досі є чимало суперечливих суджень, немає єдиної думки щодо їх походження і розвитку, повною мірою не розкрито їх структурно-семантичного характеру, ще мало

досліджена їх стилістична роль у різних жанрах літератури тощо.

Різне тлумачення суті прислів'їв та приказок свідчить про існування різних напрямів у сучасному мовознавстві, різних підступів, підходів до розв'язання цього важливого питання, що ускладнює подальшу розробку загальної теорії фразеології.

Значення прислів'їв та приказок, потребу вивчати їх і доречно використовувати, важко переоцінити.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. «У сучасній науковій літературі, – вважає О.В. Корень, – під прислів'ям розуміють короткий, ритмічно організований, образний афоризм. Ці одиниці є носіями універсальних істин, узагальнених спостережень. Тематика охоплює широкий спектр питань, а саме: сімейне влаштування, матеріальну забезпеченість, погодні умови, місце та значущість жінки у суспільстві, релігію та віросповідання, питання смерті та менталітету тощо» [1].

Ф.М. Медведєв вважав: «Як і інші типи фразеологізмів, прислів’я мають своєрідний структурний та семантичний характер. Однією з характерних ознак прислів’їв є те, що вони зберігають у мові синтаксичну самостійність, являють собою закінчені самостійні речення, які відтворюються у готовому вигляді; вживаються не тільки у прямому, а й у переносному значенні, багатьом з них властива виразна метафоричність, мають алегоричну форму».[2].

Прислів’я, як мовне явище, мають давню історію, За весь час свого існування вони використовувалися з різноманітною метою - естетичною, виховною, навчальною, аргументативною, юридичною тощо. З плином часу змінам підлягали не тільки функціональні аспекти прислів'їв, але й джерела їх поповнення. Серед об'єктів дослідження, що змінюють один одного, чинне місце посідає категорія квантитативності.

Вивченню квантативних одиниць присвячено чимало праць вітчизняних і зарубіжних лінгвістів, які досліджують лексико-граматичні, морфологічні та словотворчі,синтаксичні, контекстуальні, типологічні, польові, лексико-семантичні, стильові, частиномовні, когнітивні, семантико-структурні аспекти квантитативної лексики.

Число є мовним відображенням розумової категорії кількості, що представляють одну з найбільш загальних властивостей буття. Оскільки мова є найважливішим знаряддям мислення, всі основні розумові категорії знаходять в ньому відображення, в тому числі й категорія кількості.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Як визначає О.М. Медвідь, «Кількісні характеристики оточуючого світу (множини, величини, відношення предметів, явищ, процесів) є основою формування філософських, логічних і мовних категорій кількості. Абстрактність вихідних категорій обумовлюється характером поступового пізнання – від простого до складного, від конкретного до абстрактного. Результати пізнання знаходять відображення у семантичних структурах квантативних одиниць, що утворюють специфічну мовну підсистему – парадигму певної субстанції, структури та функцій. Засоби кількості детерміновані специфікою позначуваних предметів, типом мислення, інгерентними ознаками конкретної мови. Мовна категорія кількості багатоаспектна, вона охоплює різні рівні іманентної системи». [3].

Процес лексикалізації словосполучень з квантитативними одиницями тісно пов'язан з десемантизацією компонентів, що призводить до утворення якісно нових функціонально-семантичних одиниць - фразеологічних одиниць з квантитативним компонентом.

У сучасній англійській мові відособлюється цілий комплекс квантативних одиниць – мовне поле кількості - інтегрованих домінантними та периферійними семами кількості. У мовному полі кількості відображаються системні відношення, властиві навколишньому світу, когнітивному процесу, взаємообумовленості лінгвістичних і соціальних факторів. Системність квантативних одиниць англійського лексикону гіпотетично випливає із загальної теорії системності мови. Аналіз словникового складу англійської мови і текстового матеріалу об’єктивує наявність квантативних одиниць, їх системність, що проявляється у парадигматичній і синтагматичній організації, на рівнях мови і мовлення, при синтезі їх внутрішньослівних і міжслівних характеристик. Вивчення квантативних одиниць дає можливість експлікувати їх системно-функціональні ознаки.

Ціль роботи. Проаналізувати та систематизувати способи перекладу прислів’їв та приказок з квантативним компонентом на українську мову.

Викладення основного матеріалу. До складу фразеологічних одиниць входить цілий ряд детермінологізованних димензіональних одиниць:

одиниці виміру просторових характеристик (mile, yard, inch)

an inch in an hour is a foot in day’s work – хоч помалу, проте ближче до мети.

an inch is as good as an ell – невеликі, незначні гріхи можна простити.

it sticks out a mile – це цілком очевидно, це цілком природно, само собою

зрозуміло.

a yard of pump water – худий як тріска, шкура й кістки.

одиниці маси (ton, pound, ounce, bushel)

ounce of practice is worth a ton of theory – один грам практики вартий тонни пустих теоретичних міркувань; кращий приклад ніж наука;

It may be that the last word of wisdom is not contained in the vulgar saying that an ounce of practice is worth a ton of theory: that depends upon the theory (L.M.,Oct., 1956)

pound of flesh – точна кількість чогось, що підлягає обов’язковій сплаті, чиясь частина, пайка [шекспірівській вираз; Merchant of Venice]

We all want our money’s worth, our pound of flesh (J. Galsworthy)

to measure others' corn by one's own bushel – міряти когось на свій аршин; підходити до когось з тією ж міркою

одиниці часу(day, hour, minute, month)

a day after (або behind) the fair – занадто пізно;

You have arrived a day after the fair. Your friends have gone. (J. Dixon).

There is someone else – who has been more fortunate than I. You have given – Vivien. I am a day behind the fair? That's it I suppose (W. Maxwell).

the darkest hour is nearest the dawn – немає лиха без добра, лихо не без добра;

to take the minutes – вести, писати протокол;

"As is usual," the fairy chairman was saying, "we will take the minutes…" (W. Maxwell).

a month (або week, year) of Sundays – довгий час, значний відрізок часу;

"They're [the boats are] tight together," Stone said.

"All right, undo them," Burke said.

"It will take a month of Sundays" (J. Aldridge)

"It'll take him a year of Sundays to open that door now," he muttered to himself (J. Steele)

грошові одиниці(pound, penny, cent, dollar)

penny wise and pound foolish – (тж. penny-wise and pound-foolish; penny-wise-and-pound-foolish; cent-wise and dollar foolish) – людина, що заощаджує на дрібницях, а втрачає на великому, недалека людина;

Huguet was penny wise and pound foolish to agree (Ch.Reade)

He could not adopt the penny-wise precautions of life (W.Thackeray).

cent wise and dollar foolish – недалека людина

В фразеологічному контексті вимірники реалізують значення:

кількісної характеристики:

give him an inch, and he'll take an ell – дай йому палець, так він усю руку відхватить

якісної характеристики: наприклад, назви грошових одиниць малої вартості (penny, halfpenny, farthing, shilling), реалізують значення «дешевий» («незначний»):

it's not a farthing matter – це не дрібниці

penny dreadful – сенсаційна, бульварна література

shilling shocker – дешевий сенсаційний або детективний роман

halfpenny writer – найманий писака, борзописець;

For the fun of the thing, Blundell read the notices in all the other papers, and was amused to see that none of them agreed with the halfpenny writer, or with anybody else (C. Hamilton)

назви фактів, явищ, станів на основі повного образного переосвідомлення фразеологізма у перекладі:

t*o hide one's light under the bushel – заривати талант у землю*

to have one's head in a tar barrel – попасти у скрутне становище

Існує декілька способів перекладу фразеологічних одиниць з квантативним компонентом.

Переклад за допомогою еквівалента дуже часто використовується при перекладі прислів'їв та приказок – 8%

two heads are better than one – одна голова добре, а дві ще краще;

"*…Well, if Tom is not too tired", replied Aunt Bess. Two heads are better than one" (D.W.L., Nov, 13, 1969)*

one swallow does not make a summer – одна ластівка не робить весни;

One foul wind no more makes a winter than one swallow makes a summer (Ch. Dickens)

two negatives make an affirmative – два заперечення відповідають ствердженню

nine tailors make a man – з дев'яти кравців виходить чоловік;

It takes nine tailors to make a man, but one can do a man up (O'Henry)

two sides of the same coin – дві сторони медалі;

As for Fdna, his attitudes were like two sides of the same coin. He did not want her near him, and yet when he was tired he was deeply grateful for her company (M. Wilson)

Better one word in time than two afterwards

Переклад за допомогою відповідного аналога

one bone one flesh – одного поля ягода

one today is worth two tomorrows – не відкладай на завтра те, що можна зробити сьогодні

both of a hair – одного поля ягода, одного міста книш

two can play at that game – ще подивимось, чия візьме; надвоє баба ворожила; казала Настя, як удасться;

two cats and a mouse, two wives in one house, two dogs and a bone, never agree in one – два ведмеді в одній берлозі не живуть, два коти в одному мішку не поміряться

two is company and three is none – де двоє, там третій – зайвий;

She looks that sort of meddler – not half. Two is company and three is none is my motto (L. Tracy)

two in distress make sorrow less – в гурті і смерть не страшна

three sheets in the wind – п'яний як ніч, море по коліна

to be in twenty minds – сім п'ятниць на тиждень

in three shakes of a dead lamb's tail – миттю, швидко, негайно, не встигнеш і рота розкрити

best fish smell when they are three days old – гості і риба через три дні псуються

there is small choice between two evils – хрін від редьки не солодший

between two fires – в тяжкому, безпорадному стані

break one, break three – бий на щастя (кажуть, коли розбивають посуд)

carry fire in one hand and water in another – проливаючи крокодилячі сльози

talk nineteen to the dozen – говорити без кінця-краю, торохкотіти, наговорити сім мішків гречаної вовни;

Shutting the door, talking nineteen to the dozen, she undid my frock

(C. Hamilton)

first blow is half the battle – добрий початок – половина діла

first catch your hare then cook him – не кажи «гоп», поки не перескочиш

first come, first served – ранні пташки росу п'ють, а пізні слізки ллють

if the things were to be done twice, all would be wise – якби, та якби, та виросли в роті гриби; аби знаття, шо в кума пиття

keep a thing seven years and you will find a use for it – колись все стане у пригоді

one knows one's ten fingers – знати як свої п'ять пальців (англійський числівник "ten" передається українським числівником «п'ять»)

know a thing or two – знати, де раки зимують

measure thrice and cut once – сім раз відміряй, а раз одріж (англійський числівник "thrice" перекладається українським числівником «сім»)

never hang a man for one offence – за одну провину двічі не карають

older than forty hills – старе, як світ, дуже старе

Описовий переклад

three tailors of Tooley Street – невеличка купка людей, які вважають себе представниками всього народу. За словами англійського політичного діяча Дж. Каннінга, три кравця з вулиці Тулі звернулися в парламент з петицією, що починалася словами "We the people of England".

three R's – основи початкової освіти: читання, письмо, арифметика;

three (golden) eggs – знак на крамниці лихваря, крамниця лихваря;

she paused outside a small, low-browed shop which bore above the crooked lsntel of its doorway the disreputable insignia of three golden golden balls(A. Cronin);

two strings to one's bow – допоміжний або запасний засіб; друга професія;

She plays one off against the other, what you call two strings to her bow (W. Thackeray);

two of a trade (never agree) – два фахівці, що не погоджуються один з одним, два конкуренти, суперники;

It was about sunset on the fourth evening when the other literary person turned up ...From the first moment it was a case of 'two of a trade'. The moment their eyes met, ironical smiles began wandering about their mouths (J. Gasworthy);

double Dutch – нісенітниця, тарабарщина;

Which one of you knows whether I have said it or no? It might have been Ratcatcher's daughter in double Dutch for all that your besotted heads can tell (Th. Hardy);

double harness – подружнє життя;

double in brass – людина, що грає на двох духових інструментах;

здібний, різнобічний;

людина, що заробляє у двох місцях;

four seas – чотири моря. що омивають Великобританію(маються на увазі Північне й Ірландське моря, Атлантичний океан та Ла-Манш);

the fourth estate – "четвертий стан", преса, журналісти (трьома станами в Англії вважаються: народ, лорди духовні і лорди світські);

"Of what profession is Mr. Archer?"

"Of the Corporation of the Goosequil – of the Press, my boy," said Warrington; "of the fourth estate" (W. Thackeray);

the seven seas – північна і південна частини Атлантичного океану, північна і південна частини Тихого океану, Північний Льодовитий океан, північна і південна частини Індійського океану;

I shall never cross the seven seas even when I go to Heaven (Mulk Ruj Anand)

the Seven Sisters – Плеяди (група з семи зірок у сузір'ї Тільця) [the Seven Sisters у старо-грецькій міфології – сім дочок Атланта і Плейони, яких, за міфом після їх смерті Зевс помістив на небо у вигляді сузір'я]

a nine days' wonder – злоба дня, короткочасна сенсація;

The volume, forming number one of the Independent Theatre series of plays, now extinct, is a curious relic of that nine days' wonder (B. Shaw)

the nimble ninepence – сума грошей, яку пускають в обіг або яка приносить прибуток.

nine times out of ten – у дев'яти випадках з десяти; у більшості випадків; як правило;

"You'd better have your supper," she said. "I expect Lewis can do with it";

"I expect he can," said my father. Nine times out of ten, for he never got tired of the same repartee(Ch. Snow);

the sixty-four dollar question – найважливіше, вирішальне питання [вираз виник у зв'язку з радіогрою, під час якої радіослухачеві, що знаходиться в радіостудії, куди пускають публіку з платними квитками, пропонують відповісти на сім тематичних запитань .Останнє запитання є найважчим. За кожну вірну відповідь приз подвоюється – 1 -2 – 4 – 8 – 16 – 32 – 64долари]

eighteen carat lie – кричуща, нахабна, зухвала брехня;

seventh daughter of a seventh daughter – пророчиця, провісниця, віщунка [за старим повір'ям, сьома дочка сьомої дочки має дар віщування];

It needs no seventh daughter of a seventh daughter to foresee that these gentlemen will be disappointed (F. Norris);

the seven wonders of the world – сім див світу [етим. лат. septem miracula (або spectacular)];

"Do you know the Giantess in question, Daisy?" inquired Steerforth.

I was obliged to confess – I felt ashamed, even of being at this disadvantage before Littimer – that Miss Mowcher and I were wholly unacquainted.

"Then you shall know," said Steerforth, "for she is one of the seven wonders of the world" (Ch. Dickens);

the seven deadly (або mortal) sins – сім смертних гріхів (гордість, гнів, заздрість, похіть, ненажерливість, скупість, лінощі);

"Ugliness is one of the deadly sins, then?" cried the Duchess (O. Wilde);

seven-leagued boots – чоботи-скороходи [вираз із байки про Джека – переможця велетнів];

My dear, I will come home at once and report to you: I will borrow Jack seven-leagued boots, that I may come to you quicker (H. Wood);

action of the first impression – дія, яка не має прецеденту (в юридичній практиці);

a cat with nine lives – дуже живуча людина;

nine men's morris – старовинна англійська гра (типу шашок);

feel like thirty cents – бути присоромленим, збентеженим;

the four hundred (The Four Hundred) – чотириста сімейств (магнати американського промислового і фінансового капіталу);

Mrs. Kane had become very intimate with a group of clever women in the Eastern four hundred (Th. Dreiser);

We would make a plunge in the Four Hundred(M. Twain);

four in hand (four-in-hand) – 1) галстук-самов'яз (галстук, що зав'язується легким вузлом, з двома довгими кінцями; тж, four-in-hand tie);

He was shaven, and his coat was decent and his neat black, ready-tied four-in-hand had been presented to him by a lady (O. Henry);

2) екіпаж, карета з четвіркою коней;

She drove a four-in-hand on her fourteenth birthday, and her cousin, Mr. Jack, got up on the box beside her and tried to take the reins from her hands (D. du Maurier);

gentleman of the three outs – погано, бідно одягнена людина, що не користується кредитом і сидить без грошей!

to know a thing or two [тж. to be up to a thing or two; to know beans; to know black from white; to know chalk from cheese; to know how many beans are (або) make five; to know one's way about (або around); to know what's o'clock; to know what's what] дещо знати, розуміти, тямити; знати, де раки зимують;

"Do you know about mortars?" Nisus asked him. "A thing or two," the Cockney said good-humouredly (J. Aldridge);

I was a fool, I was, and didn't know how many beans made five (B. Farjeon);

Nothing would happen to a fellow who knew his way around (S. Heym);

"What a game it is!" said the elder Mr. Weller, with a chuckle. "A regular prodigy son!"

"Prodigal – prodigal son, Sir," suggested Mr. Pell, mildly. Never mind, Sir," said Mr. Weller, with dignity, "I know what's o'clock. When I don't, I'll ask you, Sir" (Ch. Dickens);

I've had my fling, and I know what's what (J. London);

Переклад за допомогою калькування

one law for the rich, and another for the poor – для бідних один закон, а для заможних інший;

a fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years – розумний за сім років не відповість на всі запитання, які дурень спитає за одну годину;

fortune knocks once at least at every man's gate – до кожного щастя хоч раз та постукає;

fortune is changeable – доля мінлива;

"Fortune is proverbially called changeable, yet her caprice often takes the form of repeating again and again a similar stroke of luck in the same quarter" (Ch. Bronte);

it is a silly fish, that is caught twice with the same bait – дурна та риба, що двічі ловиться на одну принаду; старого горобця на полові не обдуриш;

with handkerchief in one hand and sword in the other – з хусточкою в одній руці і мечем в другій, лицемірно.

Комбінований переклад

three souls – «три душі» [за вченням метафізиків у людині поєднуються три начала, властиві рослинам, тваринам і розумним істотам];

an ass (або donkey) between two bundles of hay (тж. Buridan's ass) – Буриданов осел(про людину, яка не може вибрати з двох речей одну) [французькому філософу XIVст. Буридану приписують оповідання про осла, який здох від голоду, тому що не міг зробити вибір між двома однаковими оберемками сіна];

old thirteen – старий державний прапор (з зображенням 13 зірок та 13 смуг, що відповідали кількості штатів).

Антонімічний переклад

love should not be all on one side – любов повинна бути взаємною.

Виводи і пропозиції. Отже, переклад за допомогою еквівалента дуже часто використовується при перекладі прислів'їв та приказок – 8%

Переклад за допомогою відповідного аналога використовується у 50%

Описовий переклад використовується приблизно в 30%

Комбінований переклад –приблизно в 4%

Переклад за допомогою калькування – 6%

Антонімічний переклад використовується найменше -2%

Важливо сказати, що при еквівалентному перекладі і при перекладі з допомогою кальки, зберігається квантативний компонент, що не завжди буває при використанні інших способів перекладу.

Список літератури:

1. Корень О.В. Системно-функціональні особливості англ. прислів'їв: Автореф. дис. канд. філол. наук: 10.02.04/ Харківський нац. ун-т В.Н. Каразіна. - Х., 2000. – 19 с.

2. Медведев Ф.М. Українська фразеологія, чому ми так говоримо. - 2-е вид., стереотипне. - Х.: «Вища школа» вид-во при Харк. ун-ті, 1982. – 232 с.

3. Медвідь О.М. Системно-функціональні особливості квантитативних одиниць (на матеріалі сучасної англійської мови): Автореф. дис. на здобуття наук, ступеня кандидата філ. наук/ Харк.нац. ун-т ім. В.Н.Каразіна. - Х., 2001. – 14 с.

4. Кунин А.В Английская фразеология (теорет. курс). – М.: «Высшая школа», 1970.

5. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук. - М., 1964.

6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного англ. языка: Учеб. Для ин-тов и фак. иностр. яз. - 2е изд., перераб. - М.Высшая школа, Дубна: Изд. центр. «Феникс», 1996. - 381с.

Словники:

7. 500 английских пословиц и поговорок. И.С. Гварджаладзе, А.Л. Гильбертсон, Т.Г. Кочинашвили - 5-е издание. Изд-во литературы на иностранных языках. - Москва, 1960.

8. Англо - український фразеологічний словник, уклав К.Т. Баренцев – Київ, «Знання» 2005 – 1056 с.

9. Васильева Л, Краткость - душа остроумия, английские пословицы, поговорки, крылатые выражения. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. - 350с.

10. Англо-русский фразеологический словарь, сост. А.В. Кунин, около 25000 ФЕ - 2-е изд., стереотипное. - Москва, 1956. – 1455 с.

11. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. - Смоленск: Русич, 2001. – 560 с.

12. Російсько-український словник- Київ, «НАУКОВА ДУМКА»,1970 – т.1, т.2, т.3 – 2182 с.

Раджапова Наталья Базаровна
преподаватель, магистр,
Термезский государственный университет, г. Термез, Узбекистан,
Тел.(998)91 575 89 75

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИНАЛЬНЫХ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ, УЗБЕКСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье произведена систематизация сопоставительных характеристик соотносительных и не соотносительных сочетание согласных фонем в конце русского, узбекского и таджикского языков. Статья рассматривает анализ двухэлементных и трёхэлементных финальных консонантных сочетаний в исследуемых языках. Излагаются сведения, приобретённые в ходе научного исследования на основе толковых словарей данных языков. Доказанные обобщённые сведения указывают на различия и сходства русского языка с узбекским и таджикским языком.

Annotation. This article systematizes the comparative characteristics of correlative and non-correlative combinations of consonant phonemes at the end of Russian, Uzbek, and Tajik languages. The article considers the analysis of two-element and three-element final consonant combinations in the studied languages. The information acquired in the course of scientific research on the basis of explanatory dictionaries of these languages is presented. The proven generalized information points to differences and similarities between the Russian language and the Uzbek and Tajik languages.

Ключевые слова: консонантизм, финальные консонанты, сочетание согласных, русский язык, узбекский язык, таджикский язык, толковые словари.

Keywords: consonantism, final consonants, consonant combination, Russian, Uzbek, Tajik, explanatory dictionaries.

Актуальность темы данной статьи определяется тем фактом, что изучение фонетических аспектов русского, узбекского и таджикского языков помогает усвоению и овладению данными языками. Следует заметить, что в нашей стране имеются учебные заведения, в которых обучение проходит на русском, узбекском и таджикском языках. Поэтому существует большой спрос на создание учебников и учебных пособий. Это требует разработки вопросов интерференции родного языка при обучении второму языку.

Актуальность изучения финальных консонантов в исследуемых языках заключается в том, что изучающие (учащиеся таджики, узбеки) русский язык часто допускают фонетические ошибки в произношении слов русского языка, в финале которых встречаются консонантные сочетания (КС). Это связано с тем, что структура КС в русском и узбекском, таджикском языках не всегда совпадают. Поэтому исследовать КС, с одной стороны русского языка и, с другой стороны, узбекского и таджикского в сопоставительном плане представляет определенную актуальность, то есть в написании учебников и учебных пособий необходимы результаты подобных исследований.

Существует множество исследований посвященных изучению консонантных сочетаний. Однако, вопросы КС в сопоставительном плане ещё ждут своих исследователей. Это касается, особенно, сопоставления КС в русском, узбекском и таджикском языках.

Степень употребляемости и частотности консонантных сочетаний на материале толковых словарей до настоящего времени не всегда становилось объектом специального исследования.

Научная значимость работы определяется тем, что выявленные структурные типы КС для русского, узбекского и таджикского языков могут быть использованы при исследовании аналогичных структурных типов других языков.

Материалы и выводы статьи могут быть использованы в общих и специальных вузовских курсах современного русского языка (фонетики и фонологии), а также могут применяться при разработке спецкурсов и специальных семинаров по дисциплинам «Фонетика», «Фонология».

Основные методы данного исследования, применяемые в статье, обусловлены ее целью, задачами и характером исследуемого материала. В процессе решения поставленных задач, применялись такие принципы и методы как

сопоставление и обобщение материала, описание, включающее в себя приемы наблюдения, лингвистический метод с применением конкретных приемов сопоставительного анализа, сравнительно-типологического анализа, экспериментирования. Языковой материал изучен на основе опыта сопоставительно-типологического анализа фонологических единиц, применяемого в современном языкознании.

В статье рассматриваются особенности фонетической интерференции русской речи, обусловленные расхождениями в системах консонантизма родного и изучаемого языков. На основе проведенного сопоставления «контактирующих» систем предлагаются методические рекомендации по обучению иноязычных групп русскому произношению с учетом диалектной фонетики сопоставляемых языков.

Произведён анализ сопоставительных характеристик соотносительных и не соотносительных сочетаний согласных фонем в конце слов русского, таджикского и узбекского языков. Данные анализа могут требовать пересмотра существующих концепций преподавания фонетики и орфоэпии при изучении русского языка учащимися таджикских и узбекских групп.

Главная задача систематизировать и обобщить существующую в науке теоретическую базу по сравнительно-сопоставительному изучению фонологических систем русского, таджикского и узбекского языков. Для успешного овладения нормами русского литературного языка, обучающимся необходимо учитывать, существующие сходства и различия в фонетических системах исследуемых языков. При этом наибольшее внимание следует уделить функциональному аспекту фонетики, то есть сопоставительному анализу фонологических систем русского, таджикского и узбекского языков. Актуальность этой проблемы для методики обучения русскому языку носителей таджикского и узбекского языков обусловлена целым рядом факторов, причем не только наличием в исследуемых языках тех или иных несходных элементов.

Из этого следует, что в ходе подготовки различного рода методических разработок учебных занятий, посвященных вопросам русской фонетики и орфографии в группах с узбекским и таджикским языками обучения необходимо уделять внимание системно-типологическим характеристикам русских сегментных и суперсегментных фонетических единиц даже в тех случаях, когда они демонстрируют известное сходство с аналогичными единицами сопоставляемых языков.

Следует подчеркнуть, что в последние десятилетия сравнительно-сопоставительному анализу русского, таджикского и узбекского языков уделяется довольно много внимания (хотя и заметно меньше, чем в научной парадигме 1960-1990-х гг.). Кроме того, наблюдается последовательный переход от собственно сравнительно-сопоставительных исследований к системно-типологическим, что отмечается некоторыми авторами. Так, О.А. Живцова отмечает: «Системно-типологические исследования разно-структурных языков являются непосредственным продолжением сравнительно-сопоставительных исследований и преследуют научно-теоретические цели — сравнение отдельных микросистем разноструктурных языков с целью выявления их структурных, системных общностей и различий. Структурно-типологические исследования, нашедшие широкое распространение при интерпретации структурных особенностей, в основном западно- и восточно-европейских языков, получили большое развитие в сопоставлении структуры узбекского и западноевропейских (прежде всего — английского и, отчасти, немецкого) языков» [6, с. 151-152]. Действительно, на данный момент в науке Узбекистана накоплен значительный опыт рассмотрения различных ярусов системы узбекского языка (в том числе фонетического уровня) в сопоставлении с английским, русским, немецким и другими языками. Так, в работе А.М. Бегматовой производится сравнительно-типологический анализ причастий русского и узбекского языков [2, с. 18-21]. В трудах М.Б. Файзуллаева раскрыты сравнительно-типологические особенности лексико-семантических групп глаголов психического состояния в русском и узбекском языках [2, с. 16-17]. В диссертации М.И. Гадоевой рассмотрена типологическая категория неопределенности и способы ее выражения в разно системных языках (на материале английского и узбекского языков) [2, с. 16-17]. В трудах М.А. Салиевой определены основные методы и принципы сравнительно-типологического исследования фонологической структуры слова в английском и узбекском языках с целью определения сходств и различий в применении этими языками фонематических и просодических средств [2, с. 16-17]. Работа К.О. Сапаровой посвящена сопоставительно-типологическому исследованию фоно стилистики русского и узбекского языков [2, с. 16-17]. По мнению автора, «сопоставительно-типологическое изучение структурно-языковых, лингвостилистических, лингвокогнитивных и лингвокультурологических свойств фоно стилистических средств на материале разно системных языков позволяет в расширенном научно-исследовательском ракурсе раскрыть проблемы звучащего текста и его отдельных стилистических единиц с учетом ментальных репрезентаций языковых и внеязыковых структур знаний».

Тем не менее, работ, посвященных собственно проблеме сопоставительного анализа фонологических систем русского, таджикского и узбекского языков, в последние годы не создавалось. Вероятно, причина этого кроется в недостаточной изученности вопроса.

Исчерпывающим является представленное описание сходств и различий в структуре слогов: «В отличие от узбекского языка, в котором состав слога (из согласных звуков и гласного) допускает сравнительно мало разнообразия, русские слоги могут иметь весьма различный количественный и

качественный состав. Именно: узбекский слог не может иметь больше одного согласного в своем начале — перед гласным, и не более двух согласных на конце слога; русский же язык допускает большое разнообразие слогового состава, то есть самые различные по своей структуре типы слогов (часть которых, следовательно, оказывается неприемлемой для узбекского языка)» [3, с. 57-63].

Однако большую часть сделанного анализа занимает сопоставление согласных и гласных русского и узбекского языков, причем нередко сопровождаемое замечаниями методического характера.

В всеобщий языковой характер носят некоторые факты, отражающие определенные закономерности структуры, свойственные исследуемым языкам.

Эти закономерности, общие для изучаемых языков, получили название языковых универсалий.

Если сравнить структуру русского и узбекского языков, то можно легко обнаружить в них общие черты. В каждом из этих языков есть системы гласных и согласных. В русском языке 6 гласных фонем, не различающихся по долготе и краткости, и 37 согласных фонемы. На другом конце сопоставляемых явлений оказывается узбекский язык, в котором также 6 гласных фонем и 24 согласных фонем, но сам их состав значительно отличен от фонем русского языка. Анализ звукового строя других языков, даже самых далеких от русского и узбекского, показывает, что и там обязательно существует система гласных и согласных фонем. Иначе говоря, не может существовать язык, где бы отсутствовали, например, гласные или согласные. Таким образом, универсальный характер носит факт наличия в структуре языка системы гласных и системы согласных.

Таким образом, общее число фонем в обоих языках при количественной близости имеется значительное расхождение в качественном отношении. В обоих языках наблюдаются следующие типы изменения гласных звуков: количественные изменения, качественные изменения, консонантизация, редукция. Основными признаками согласных являются место образования, способ образования и участие голосовых связок. В зависимости от места образования в русском языке выделяются согласные: губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные. По способу образования в русском различаются смычные, взрывные, смычно-проходные, аффрикаты, щелевые и дрожащие согласные. В зависимости от участия голоса и шума различаются сонорные и шумные согласные. А внутри шумных – глухие и звонкие. Специфические признаки согласных русского языка это мягкость и твёрдость. В узбекском языке по способу образования различаются губные, язычные (переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, углубленно заднеязычные). По способу образования узбекский язык имеет взрывные (чистые взрывные, составные взрывные), щелевые, взрывные-щелевые (носовые, боковые, дрожащие). По участию голоса и шума различаются шумные (звонкие, глухие) и сонорные (звонкие). Наличия признака мягкости и твёрдости узбекские согласные не имеют.

Выпадение согласных в группах согласных свойственно разговорной речи и просторечию в узбекском языке, а также литературной речи в русском языке. Русскому языку в большей степени, чем узбекскому, свойственно скопление согласных в начале слога. Русскому языку более свойственно скопление согласных в конце слога. Многие активные органы речи: губы, нижняя челюсть, язык, нёбная занавеска, голосовые связки – работают при говорении на узбекском языке больше, чем при говорении на русском.

Большую помощь в изучении узбекского правописания может оказать сравнение с русским языком. Это относится, прежде всего, к этимологическим написаниям. Для сравнения можно привлечь два типа заимствований:

1) заимствования в узбекском и русском языках, восходящие к третьему языку, прежде всего к латинскому и греческому, и отражающие в своей фонетической или графической форме особенности этих языков;

2) заимствования непосредственно из узбекского языка в русский.

Как известно, в русском языке имеется много слов, заимствованных из латинского, которые подчас сохраняют звучание, более близкое к латинскому, нежели соответствующие узбекские слова. Что касается заимствований из узбекского языка в русский, то здесь можно различать два случая:

а) заимствованное русское слово воспроизводит написание узбекского слова вопреки произношению;

б) заимствованное слово воспроизводит только особенности произношения исходного слова.

В ходе научного исследования консонантных сочетаний в конце слова русского и узбекского языков на материале толковых словарей были выявлены следующие различия и сходства.

На основе словарей «Толковый словарь русского языка» С.Ожегова и «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» были выявлены следующие факты:

1) В русском языке 1925, в узбекском языке 1812 слов с финальными консонантными сочетаниями (далее ФКС);

2) В русском языке 140, в узбекском языке 199 типов ФКС;

3) В русском языке 121, в узбекском языке 185 двухэлементных типов ФКС;

4) В русском языке 17, в узбекском языке 14 трёхэлементных типов ФКС;

5) В русском языке 1 четырёхэлементный и 1 пятиэлементный тип ФКС, в узбекском языке больше трёх составных нет;

6) В русском языке 85 типов ФКС полностью схожих с узбекскими аналогами;

В русском языке 55, в узбекском языке 114 типов ФКС свойственные артикуляционным системам сопоставляемых языков.

Акустические различия согласных звуков порождаются их артикуляцией. Фонетика одного языка, как правило, не похожа на фонетику другого

или других языков. Поэтому уже сама звучащая речь как бы отделяет один язык от другого.

В таджикском языке 24 согласных звука: [б], [в], [г], [д], [ж], [з], [й], [к], [л], [м], [н], [п], [р], [с], [т], [ф], [х], [ч], [ш], [ъ], [ғ], [қ], [ҳ], [ҷ].

Согласные звуки [ҷ], [қ], [ғ], [ҳ] не имеют аналогов в русском языке.

Звук [ҷ] – звонкий, произносится как слитое сочетание звуков [дж]: ҷой – «место», ҷон – «душа».

Звук [қ] – глухой смычный, образуется путём смыкания самой задней части спинки языка с мягким нёбом: қатор - «ряд», қишлоқ - «кишлак». Замена звуков [қ] и [к] может привести к искажению лексического значения слова, например, қанд - «сахар» и канд - «он сорвал», қадар - «количество» и кадар - «печаль».

Звук [ғ] – звонкий щелевой, образуется путём сближения самой задней части языка с мягким нёбом: ғайр – «прочий», боғ – «сад», боғайрат – «энергичный».

Звук [ҳ] – глухой щелевой, образуется путём сближения стенок глотки в нижней её части. Звук [ҳ] напоминает звук h в немецком языке в словах habe, heute. Замена звука [ҳ] с русским [х] может привести к искажению лексического значения слова, например: ҳам – «также» и хам – «наклонённый», ҳар – «каждый» и хар – «осёл». Звук [х] имеет отличие от русского звука [х], так как образуется глубже (так же, как и звук [ғ], но без участия голоса).

Звук [л] на слух можно принять как средний между русским твёрдым [л] и мягким [л’] например, лола – «тюльпан», баланд – «высокий». При образовании таджикского [л] передняя часть спинки языка смыкается с твёрдым нёбом, а края языка опущены.

Звонкие согласные [б], [д], [г] в отличие от схожих русских согласных в конце слова оглушаются незначительно, например, буд – «был» (а не бут), раг – «жила» (а не рак).

Остальные согласные звуки таджикского языка не имеют существенных отличий от аналогичных звуков русского языка, хотя явная схожесть не устанавливается.

Исследуя фонетическую сторону таджикского языка на основе толкового словаря, в ходе исследования были выявлены следующие финальные консонантные сочетания в конце слова:

- б + (б-забб, в-рабв, д-абд, з-сабз, й-сабй, к-табк, қ-сабқ, л-зибл, н-ҳабн, р-абр, с-ҳабс, т-қутб, х-табх, ҳ-зибҳ, ҷ-қабҷ , ш-қабш, ъ-гадотабъ);

- в + (б-завб, в-адувв, д-авд, з-гавз, к-навк, қ-безавқ, л-бавл, м-лавм, н-кавн, р-давр, с-лавс, т-мавт, ф-авф, ҳ-лавҳ, ҷ-авҷ , ш-бавш, ъ-лавъ);

- д + (в-адв, ғ-ладғ, д-мадд, й- ҷадй, қ-сидқ, л-адл, м-ҳадм, н-адн, р-бадр, с-кудс, ҳ-мадҳ);

- ж + (б-ғужб, д-мужд, м-ғужм);

- з + (б-азб, в-узв, д-дастмузд, з-зувв, к-ризк, л-базл, м-базм, н-вазн, р-базр, ф-қазф, ҷ-назҷ , ъ-вазъ);

- й + (б-беайб, д-беқайд, з-файз, й-ғайй, к-кайк, қ-зайқ, л-вайл, м-ғайм, н-байн, р-дайр, с-ғайс, т-байт, ф-зайф, х-шайх, ҳ-мушорунилайҳ, ш-тангайш, ъ-лошайъ);

- к + (к-шакк, л-шакл, м-ҳукм, н-рукн, р-бикр, с-акс);

- л + (л-азалл, к-байтулмулк, д-валд, в-далв, қ-далқ, б-қалб, м-зулм, с-фасл, т-хилт, ф-зулф, х-салх, ҳ-милҳ, ч-килч, ҷ-салҷ, ъ-зилъ);

- м + (ғ-самғ, д-амд, з-рамз, й-рамй, қ-умқ, л-рамл, м-замм, н-абироганд, р-замр, с-ламс, т-самт, ҳ-румҳ, ч-намч, ҷ-сумҷ, ъ-дамъ);

- н + (б-дунб, г-аржанг, д-авранд, з-канз, к-табанк, қ-унқ, н-данн, с- инс, т- аҳсант, ф-синф, ҳ-кунҳ, ч-беморғанч, ҷ-алвонҷ, ъ-манъ);

- р + (б-дарб, в-карв, г-барг, ғ-варғ, д-бард, з-баракотуларз, к-дарк, қ-зарқ, м-барм, н-қарн, р-ашарр, с-говарс, т-парт, ф-барф, х-бархх, ҳ-карҳ, ҷ-дарҷ, ш, -турш, ъ-диръ);

- с + (б-касб, д-фасд, к-наск, қ-фисқ, л-асл, м-ласм, н-ғусн, п-гуштосп, р-каср, с-басс, т-барбаст, ф-васф, х-масх, ҳ-насҳ, ҷ-насҷ , ъ-вусъ);

- т + (б-ратб, к-путк, қ-нутқ, л-ратл, м-шатм, н-батн, р-атр, т-маҳатт, ф-атф, ҳ-атҳ, ш-батш, ъ-натъ);

- ф + (в-куфв, д-вафд, з-рафз, к-жафк, қ-вафқ, л-сифл, н-дафн, р-зуфр, с-нафс, т-гирифт, ф-масофф, х-нафх, ҳ-сафҳ, ч-кафч, ҷ-бафҷ , ш, -банафш ъ-дафъ);

- х + (з-ахз, л-бухл, м-дахм, н-духн, р-зухр, с-шахс, т-алчахт, х-фахх, ч-пахч, ч, -нахҷ, ш-ахш);

- ҳ + (б-ваҳб, в-лавҳ, д-маҳд, з-маҳз, қ-ваҳқ, л-маҳл, м-ваҳм, н-паҳн, р-абадуддаҳр, с-баҳс, т-раҳт, ф-қаҳф, ҷ-саҳҷ , ш-ваҳш);

- ғ + (в-лағв, д-чуғд, з-буғз, й-бағй, л-бағл, м-алорағм, р-сағр, с-зағс, т-зағт);

- ҷ + (б хуҷб, в-хаҷв, д-вачд, з-ачз, м-лачм, н-саҷн, ҳ-бевачҳ, р-ач,р, с-риҷс, ҷ- лаҷҷ, ъ-саҷъ);

- ш + (б-яшб, в-нашв, д-рушд, й-ғашй, к-кӯшк, қ-ишқ, м-говчашм, н-гушн, п-яшп, р-ашр, т-абирсиришт, ф-нашф, ҳ-рашҳ, ш-рашш, ъ-нашъ);

- ъ + (б-даъб, д-баъд, й-раъй, л-билфеъл, м-заъм, н-заън, р-беър, с-баъс, т-наът, ф-заъф, ш-наъш);

- қ + (б-нақб, д-ақд, з-нақз, қ-даққ, л-сиқл, м-суқм, р-ақр, с-ракс, т-вақт, ф-вакф, ҳ-фиқҳ, ш-нақш, ъ-вақъ).

Ниже в таблице приводится частотность финальных консонантных сочетаний в толковом словаре таджикского языка.

ЧАСТОТНОСТЬ ФИНАЛЬНЫХ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Таблица

ББ	14	БВ	1	БД	3	БЗ	5	БЙ	1	БК	4	БҚ	2	БЛ	8	БН	2	БР	17	БС	6	БТ	11	БХ	1	БҲ	4	БЧ,	1	БШ	1	БЪ	31				
ВБ	3	ВВ	8	ВД	3	ВЗ	6	ВК	1	ВҚ	9	ВЛ	13	ВМ	8	ВН	8	ВР	13	ВС	6	ВТ	4	ВФ	4	ВҲ	4	ВЧ,	4	ВШ	1	ВЪ	4				
ДВ	2	ДҒ	1	ДД	41	ДЙ	1	ДҚ	4	ДЛ	2	ДМ	1	ДН	1	ДР	16	ДС	2	ДҲ	2																
ЖБ	1	ЖД	2	ЖМ	1																																
ЗБ	4	ЗВ	3	ЗД	18	ЗЗ	11	ЗҚ	2	ЗЛ	7	ЗМ	15	ЗН	7	ЗР	7	ЗФ	1	ЗЧ,	3	ЗЪ	6														
ЙБ	12	ЙД	6	ЙЗ	3	ЙЙ	2	ЙК	3	ЙҚ	1	ЙЛ	14	ЙМ	2	ЙН	62	ЙР	16	ЙС	6	ЙТ	9	ЙФ	7	ЙХ	1	ЙҲ	3	ЙШ	10	ЙЪ	5				
КК	11	КЛ	1	КМ	1	КН	1	КР	12	КС	7																										
ЛЛ	40	ЛК	16	ЛД	5	ЛВ	4	ЛҚ	13	ЛБ	8	ЛМ	8	ЛС	2	ЛТ	1	ЛФ	7	ЛХ	4	ЛҲ	3	ЛЧ	2	ЛЧ,	3	ЛЪ	3								
МҒ	1	МД	5	МЗ	2	МЙ	1	МҚ	2	МЛ	4	ММ	38	МН	4	МР	22	МС	5	МТ	2	МҲ	1	МЧ	1	МЧ,	1	МЪ	6								
НБ	8	НГ	191	НД	252	НЗ	2	НК	2	НҚ	1	НН	17	НС	5	НТ	2	НФ	3	НҲ	1	НЧ	5	НЧ,	96	НЪ	4										
РБ	15	РВ	9	РГ	28	РҒ	8	РД	154	РЗ	30	РК	8	РҚ	12	РМ	22	РН	1	РР	43	РС	20	РТ	11	РФ	22	РХ	8	РҲ	7	РЧ,	7	РШ	5	РЪ	8
СБ	9	СД	2	СК	9	СҚ	2	СЛ	7	СМ	9	СН	4	СП	5	СР	11	СС	29	СТ	179	СФ	5	СХ	3	СҲ	5	СЧ,	1	СЪ	1						
ТБ	4	ТК	2	ТҚ	4	ТЛ	4	ТМ	3	ТН	5	ТР	10	ТТ	9	ТФ	3	ТҲ	5	ТШ	1	ТЪ	2														
ФВ	3	ФД	2	ФЗ	4	ФК	3	ФҚ	2	ФЛ	5	ФН	2	ФР	6	ФС	8	ФТ	48	ФФ	15	ФХ	1	ФҲ	1	ФЧ	5	ФЧ,	4	ФШ	7	ФЪ	4				
ХЗ	1	ХЛ	4	ХМ	7	ХН	2	ХР	4	ХС	1	ХТ	52	ХХ	2	ХЧ	2	ХЧ,	7	ХШ	43																
ҲБ	2	ҲВ	4	ҲД	10	ҲЗ	1	ҲҚ	3	ҲЛ	13	ҲМ	18	ҲН	7	ҲР	42	ҲС	3	ҲТ	4	ҲФ	4	ҲЧ,	2	ҲШ	1										
ҒВ	1	ҒД	2	ҒЗ	32	ҒЙ	1	ҒЛ	2	ҒМ	4	ҒР	1	ҒС	2	ҒТ																					
Ч,Б	2	Ч,В	1	Ч,Д	4	Ч,З	1	Ч,М	5	Ч,Н	2	Ч,Х	1	Ч,Р	5	Ч,С	1	Ч,Ҳ	4	Ч,Ч,	4	Ч,Ъ	1														
ШБ	1	ШВ	2	ШД	1	ШЙ	1	ШК	23	ШҚ	3	ШМ	34	ШН	3	ШП	1	ШР	6	ШТ	82	ШФ	2	ШҲ	1	ШШ	6	ШЪ	1								
ЪБ	7	ЪД	12	ЪЙ	5	ЪЛ	9	ЪМ	4	ЪН	6	ЪР	6	ЪС	7	ЪТ	1	ЪФ	2	ЪШ	2																
ҚБ	2	ҚД	6	ҚЗ	2	ҚҚ	20	ҚЛ	7	ҚМ	2	ҚР	4	ҚС	3	ҚТ	8	ҚФ	3	ҚХ	1	ҚШ	3	ҚЪ	2												

Таким образом, богатый таджикский словарный запас показывает новое разнообразие финальных сочетаний согласных звуков. Свойственная фонетическая система помогает создавать структурные сочетания, которые в свою очередь обогащают лексику таджикского языка. Имея в виду влияние персидского, пушту и других диалектов на литературный таджикский язык, нетрудно объяснить многотиповые сочетания согласных. Всего выявлено 2848 слов с финальными консонантными сочетаниями таджикского языка на основе толкового словаря.

В узбекском языке имеются следующие согласные звуки: [б], [д], [ф], [г], [ҳ], [ж], [ж,], [к], [л], [м], [н], [п], [қ], [р], [с], [т], [в], [х], [й], [з], [ғ], [ш], [ч], [нг]. Участие этих звуков в сочетании на конце слова является объектом данной статьи. Материалом для исследования послужил толковый словарь узбекского языка.

Как и в других тюркских языках, в узбекском языке не употребляются начальные сочетания согласных. Как правило, слова, содержащие начальные сочетания согласных, относятся к заимствованным словам в основном из русского или через русский язык. Следовательно, далее рассматриваются только финальные консонантные сочетания.

В узбекском языке, как и в других тюркских языках, в конце слова отмечаются в большинстве двухэлементные сочетания. К ним можно привести пример следующие:

- [б] + [б] рабб, [з] лабз, [к] кабк, [л] қабл, [н] ибн, [р] жабр, [с] ҳибс, [т] забт, [х] забх;

-[в] + [ж] мавж, [з] ҳавз, [л] қавл, [м] қавм, [н] фиръавн, [р] давр, [с] фирдавс, [т] савт, [ф] ҳавф, [х] лавх, [ш] кавш, [қ] завқ;

- [г]+ [р] негр, [т] магт;

- [д]+ [д] қадд, [л] адл, [р] садр, [қ] сидқ, [ҳ] мадҳ;

- [ж]+ [в] ҳажв, [з] ажз, [м] ражм, [р] ажр, [х] важх;

- [з]+[б] жазб, [в] жузв, [д] назд, [м] назм, [н] изн, [р] ҳизр, [қ] ризқ;

- [й]+[д] слайд, [р] сайр, [т] сайт, [ф] сейф ;

- [к]+ [д] сукд, [к] эхинококк, [л] шакл, [м] ҳукм, [н] рукн, [р] макр, [с] акс, [т] факт, [ҳ] фикҳ;

- [л]+ [б] қалб, [в] далв, [д] жилд, [к] милк, [л] металл, [м] илм, [п] алп, [с] сулс, [т] ялт, [ф] қулф, [х] талх, [ч] билч, [қ] халқ, [ҳ] сулҳ;

- [м]+ [б] ромб, [д] ҳамд, [з] рамз, [л] рамл, [м] грамм, [н] гимн, [п] темп, [р] беамр, [с] шамс, [т] экспромт;

- [н]+ [г] гурунг, [д] фарзанд, [ж] ганж, [з] ценз, [к] танк, [н] донн, [р] жанр, [с] жинс, [т] кент, [ф] синф, [х] бронх, [ч] тинч, [ш] реванш;

- [п]+ [п] грипп, [с] жипс, [т] запт;

- [р]+ [б] долзарб, [г] гулбарг, [д] дард, [ж] буржж, [з] фарз, [к] эрк, [м] шарм, [н] концерн, [р] шарр, [п] турп , [с] барс, [т] юрт, [ф] урф, [х] зирх, [ч] бурч, [ц] кварц, [ш] арш, [қ] шарқ, [ҳ] шарҳ, [ғ] семурғ;

- [с]+ [б] касб, [д] суиқасд, [л] фасл, [м] жисм, [н] ҳусн, [р] аср, [п] асп, [ф] васф, [х] насх;

- [т]+ [л] қатл, [м] хатм, [н] матн, [р] сатр, [т] ватт, [ф] лутф, [ҳ] сатҳ, [ч] матч, [қ] нутқ;

- [ф]+ [з] лафз, [л] нафл, [м] логарифм, [н] дафн, [р] куфр, [с] нафс, [т] шифт, [ш] кафш, [қ] уфқ;

- [х]+ [д] зухд, [л] дахл, [м] захм, [р] махр, [с] шахс, [т] дарахт, [ц] шахц, [ш] бахш;

- [ш]+ [к] ашк, [м] чашм, [р] нашр, [т] гўшт, [ф] кашф, [ч] палашч, [қ] машқ;

- [қ]+ [д] нақд, [з] чуқз, [л] ақл, [с] нуқс, [т] вақт, [ф] вақф, [ш] нақш, [қ] ҳаққ, [ҳ] фақҳ;

- [ғ]+ [д] суғд;

- [ҳ]+ [в] маҳв, [д] аҳд, [л] аҳл, [м] ваҳм, [н] зеҳн, [р] муҳр, [с] баҳс, [ш] фаҳш.

В узбекском языке были выявлены некоторые трёхэлементные сочетания. Трёхэлементные сочетания в узбекском языке встречаются в основном в заимствованных словах, например, навҳд (вҳд), сакдр (кдр), текст (кст), спектр (ктр),

фильтр (льтр), тембр (мбр), скафандр (ндр), сфинкс (нкс), инстинкт (нкт), эпицентр (нтр), инфаркт (ркт), шерсть (сть), боршч (ршч), ҳмм (ҳмм). Точки соприкосновения между разными языками позволяют обосновать общую классификацию звуков речи, хотя в каждом отдельном языке подобная классификация уточняется и конкретизируется.

Исследование показало, что в составе односложных слов узбекского языка имеется 199 разновидностей финальных сочетаний согласных с примерами на 1812 слов. Из них 85 сочетания имеют сходства с русскими аналогичными сочетаниями, 114 сочетания показывают чисто тюркский характер сочетания конечных согласных звуков. Все звуки соотносительно активны в образовании сочетаний согласных в конце слова.

Анализ определил, что шумные и сонорные почти равномерно распределены в обеих позициях, однако шумные и в первой позиции, и во второй по своему удельному весу превосходят сонорные, хотя в данных позициях последние проявляют высокую дистрибутивную активность. Несмотря на это, по степени примыкания к гласному ядру сонорные уступают шумным согласным. То же самое наблюдается и на уровне элементов: так, сочетания типа сонант+смычный или щелевой в словаре составляют 82. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в словарном составе современного узбекского литературного языка насчитывается достаточное количество слов иноязычного (в первую очередь арабско-персидского) происхождения. Всё это, влияет на изменение соотношения сочетаний согласных в исконно тюркских словах и словах иноязычного происхождения, что и отличает узбекский язык от многих тюркских (например, от казахского, каракалпакского и киргизского) языков. Универсальное правило Дж.Гринберга, гласящее о том, что сонорные, как наиболее звучные звуки примыкают к гласному больше, чем шумные, на материале узбекского языка не подтвердилось. Следовательно, этот язык является исключением из этого правила хотя бы по материалу словаря.

Таким образом, современный узбекский язык характеризуется разнообразием сочетаний согласных, как на уровне конкретных фонем, так и подклассов, чем резко отличается от других тюркских языков.

Элементы сохранившегося пласта бытовой, общественно-политической, технической лексики указывают на влияния русского языка периода завоевания Туркестана царской Россией (вторая половина XIX в.), и времена советской власти (до 1991 г.).

Список литературы:

1. Бакиева, Г.Х. Узбекский язык для стран СНГ/ Г.Х. Бакиева, Б.Х. Караева, Е.Н. Коршунова, И.А. Краева, Д.М. Тешабаева, Г.М. Фролова. - М.: ИПК МГЛУ Рема, 2012.

2. Бегматова, А.М. Сравнительно-типологический анализ причастий русского и узбекского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А.М. Бегматова. -Ташкент, 1999 - 31 с.

3. Виноградов, В.А. Консонантизм и вокализм русского языка (практическая фонология) [Текст] /В.А. Виноградов. - М.: Изд-во МГУ, 1971. - 83 с.

4. Гадоева, М.И. Типологическая категория неопределенности и способы её выражения в разносистемных языках (на материале английского и узбекского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Т., 1990.

5. Гринберг Дж. Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных // Вопросы языкознания, 1964, № 4.

6. Живцова, О.А. Сопоставительно-типологический аспект исследования категории отрицания (на примере английского и узбекского языков) [Текст] / О.А. Живцова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 23 (62). - № 3. - Симферополь, 2010 . - С. 150-156.

7. Киссен, И.А. Краткий очерк фонетики русского языка в сопоставлении с фонетикой узбекского языка / И.А. Киссен.-Ташкент: Учпедгиз, 1982.

8. Скаличка 1989: Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXV. М.. 1989.

9. Толковый словарь узбекского языка: В 2-х т. 60000 слов и сочетаний / Под ред. З.М. Магруфова.- М.: Русский язык, 1981.

10. Фарҳанги забони точ,ики. Дар зери таҳрири М.Ш.Шукуров, В.А.Капранов, Р.Ҳошим, Н.А.Маъсумй, М:, Советская энциклопедия, 1969.

Baigalsaikhan Sanjaa
Doctor in Science (Sc.D), professor, rector
'Ulaanbaatar' State University , Mongolia
Tumurbaatar Maidarjav
Master in art of linguistics, senior lecturer
'Ulaanbaatar' State University, Mongolia

NEW OPPORTUNITIES FOR THE THREE NEIGHBOR COUNTRIES IN THEIR CULTURAL AFFAIRS

Abstract. The article deals with new opportunities for the three neighbor countries in their cultural affairs nowadays. According to the authors Russian, Chinese and Mongolian nationals have their own distinctive

civilizations, and they exchanged and provided valuable cultural heritage and historical teachings to later generations.

Key words: 'The tea road', to preserve cultural heritage, literature studies, cultural relations, novels by Chinese, Mongolian and Russian writers.

During the tripartite meeting between the heads of the PRC, Russia and Mongolia held in Tashkent, Uzbekistan, on 23-24 October 2016, the three-way economic corridor was established.

Among the Seven Principles of Cooperation within the framework of this program, the fifth point is to extend the collaboration in the exchange of humanitarian civilizations, which reflects the cultural interaction, development and its components.

For centuries, having an eternity of neighboring life, battling with each other for reasons, ranging from a variety of natural, geographical, historical and economic to political perspectives, across the great space and time of friendships between not only nations, but also tribes and individuals, Russian, Chinese and Mongolian nationals have their own distinctive civilizations, and they exchanged and provided valuable cultural heritage and historical teachings to later generations.

The history of this century-old civilization has been certainly linked with the economic and political relations of the three countries, but nowadays, in the framework of the "One Zone One Road" project initiated by the People's Republic of China, the three neighbors need to re-establish their new modern way of life to be based on their positive historical, trade and cultural traditions, and to seek new ways and new forms of collaboration.

There are many definitions of culture, but UNESCO Universal Declaration, 2001 on "Protection of Cultural Diversity" [1] considers it as the complexity of the spiritual and intellectual activities' mood accustomed to recognized by a society or group of people, in addition, 'the spiritual, material, intellectual and emotional features of a social group, including art, literature, identity, lifestyles, ways of living together, value systems, beliefs, traditions & practice'.

Even in the development of humanity and inter-state relations, the importance of cultural values and factors is increasing. "The protection of the diversity of cultural expressions"-[2] UNESCO's 2005 Convention states that cultural diversity is a common heritage of humanity and its inherent nature of survival. It emphasizes the need to encourage various cultures in the world, existing simultaneously & interacting equally, as well to promote mutual understanding and dialogue among cultures.

Today, there are variety of cultures with different languages interacting in an infinite space. Along with a certain assimilation level of different cultures by globalized situations, this cultural diversity enables to highlight the distinctive identity of a certain culture existence. In this situation, the civilization has been encountering times to do not undertake a relationship of tension, non-tolerance, irresponsibility, aggression, and mutual affiliation, but to build and develop new forms of cultural interaction, like mutual understanding, mutual respect and benefit, instead.

First of all, to be considered the most effective measure for approaching, co-operation and mutual understanding are following. First: It is definite to elucidate clearly historical affairs experiences or lessons from the past to develop cultural relations between the three countries, thereupon to implement small sub-programs for research and development reflected the current requirements and criteria in line with the legal framework of the three countries.

Second: Should bring to a new level those activities such as development technology to exchange information on cultural relations, scientific conferences, sharing books, research papers series within the three countries.

Third: Should develop cultural tourism between the three countries and to have a single brand culture and tourism program.

The historical basis of the new cultural affairs of three countries is of course economic relations, but in addition, it will be the most appropriate, clear and factual issue, if you consider inter-depended and influenced communication which can be related to The famous "Silk Road" started in China to connect Asia & Europe, The station "Step Road" built during the Mongol Empire period, The network called as "Tea Route" from the 17th-20th Centuries and History of the railway which connects nowadays Moscow-Ulaanbaatar-Beijing.

Here we would like to say something about the "Tea Road" called as The Great Step's "Silk Road", for example. It was the origin of the Tea Road's Trade which connects Asia and Europe after Sholoy Uvashi, a lord of Mongolia brought the Chinese tea plants to Russia at the beginning of the first half of the XVII century. At that time, in the West especially when Russia was very interested in tea and drinking it, it was evident that one of the main commodities of Chinese trade for Russia was tea. Eventually, there were started routes for tea trade.

The King Peter-I ordered to move the special caravan to be transported tea from China. Chinese tea reached the West through Russia. All the tea trade routes originally passed through Mongolia, as well as Mongolians were the main carriers of the Chinese tea to Russia. They bought tea in Cities, such as 'Khaalgan' ('Door-Way') and 'Doloon Nuur' ('Seven Lakes') located in the North of China and delivered to Russia, passing through Mongolia. In this way they derived profit.

There were 3 branch lines passed through Mongolian territory, which used to deliver tea trains/caravans from China to Russia, then to reach the West from Russia.

- Tea packed from Northern provinces of China used to be delivered to Kyahta, Russia, passing through the Great Khuree (present day- Ulaanbaatar), Mongolia.

- Tea from Northern China used to be transported Tagna Tuva through Great Khuree and Uliastai, Mongolia.
- Tea packed from Chinese northern regions used to reach the City 'Beesk', Russia or the west wooden monument in the current Uvs aimag, Mongolia, through Sair Us soum – South Gobi province.

In the XIX century, there was found an another tea route reached Russian territory via the north-eastern Xinjiang province from China, passing through places 'IL' and 'Tarvagatai'. All transportation activities across Mongolia along the 3 tea trade's roads (mentioned or described above) which reaches Russia, passing through Mongolia, were carried out by Mongolians with their horses, camels and cattle. And there were appeared special carters or carriers who gained profit from transportation and were able to value 1 camel or cow's weighing in the 20-30 km road.

Each of those tea roads had their given itinerary or routes and roadsides provided resting places and storehouses. There were also special herdsmen who were engaged in cattle & camels raising for transportation use, and herded, pastured and gathered livestock for food supplies along the roads. Carters and caravan leaders were allowed to leave their skin bound, hunger-bit and starveling cattle, horses and camels among flocks of livestock along the way, instead of them picked up strong ones to be continued their transportation.

The issues, including tea roads or routes, tea transportation ways, transportation supplies and manpower have not been scrutinized yet. If we look at this detail, we can elaborate on many issues, such as economy, cultural affairs, goods exchange between the three countries, China-Mongolia-Russia from XYII to XI century. In addition, can be identified how was the Chinese tea culture spread and developed in Russia, then in the West, and which other products, culture and technology passed through Asia as well as Asia and Europe. The role of Mongolian nomads in the development of tea commerce and tea roads is an interesting point, too.

It is possible to create international travel and tourism along the roads, basing on the proved routes of tea roads which connect three neighbor countries, China-Mongolia-Russia. Such a journey will be a trip of past history, having cognitive importance and interesting tourism experience. There is once a real situation to be considered such issues on tourism at the level of the three countries.

Participating in the exhibition fair "ITB Berlin-2015" in Berlin, Germany, for the first time Mongolia officially called as the partner - "Mongolian Nomadic by Nature". China is the world's leading tourist destination, with the country receiving 109 million foreign tourists in 2014. There is a great potential for tourism as the people of our three neighboring countries are very much interested in tourism, traveling to each other. Particularly, after the two countries, Mongolia and Russia have enabled visa-free entry, traveler's path has become increasingly unpredictable, in some cases reaching unprecedented condition and becoming overloaded. Travelers from Mongolia visit Russia to see the Lake Baikal and spa located in Sayan Mountains touring, relaxing or walking around, as well as to worship and pray Itgelt Khamba, republic of Buryatia.

For borderline citizens of Russia, there is a great deal of interest to enjoy Mongolia's virgin, sacred natural scenery, Gobi and steppe areas, and to relax on Lake Hövsgöl. In addition to this, the tours to Ordos City known as the traveling center of PRC, enjoying natural scenery in the Inner Mongolian Autonomous Region and business-tourism to Manchuria attract people's interest of the three countries a lot. Therefore, studying and expanding their cooperation in the tourism industry by the three countries, as well as the expansion of cooperation in this area, will be an important part of the objective of establishing an economic and cultural-tourism corridor between Mongolia, Russia and China.

In addition to the economic, trade and tourism cooperation, it is vitally important to promote cultural and humanitarian relations and to preserve cultural heritage together, as the three countries, Mongolia, Russian Federation and PRC establish their "Economic corridor". Collaborating in the cultural sector, it is possible to develop cultural heritage-based creative industries and produce unique national products and souvenirs for tourism. For Mongolia, Russia, and the People's Republic of China, there are enormous resources to collaborate in the cultural sector and there are a lot of natural and cultural heritage sites. These include the "Altai Mountain Natural Monument" of Mongolia, "Khan-Khenti Natural Monument", "Sukhbaatar, Dornod Plateau", "Khuvsgul Lake National Park", "Great Gobi Desert".

The development of these new types of cultural affairs in extreme circumstances spontaneously emerges through the intellectual activity of the intelligentsia of the Nation. For Literature Studies, within the framework this kind of activities has been carried out several years ago in Ulaanbaatar State University, Mongolia and the research works on literary culture by some scientists from University of Beijing, National Central University, National North-Western University in Ganisu province, Khuh Khot City's University, Teacher's University and Social Science Institution of Inner Mongolian Autonomous Region, PRC, particularly by the scholars, like B. Gerelt [3], Suyege [4], Erdenebayar [5], Jagar [6], Bo. Tsetsen [7], Batu [8], Tsetsenmunkh [9], Dulaan [10], Van Manduga [11], Tsogt [12], Sarangerel [13], Tsogjin [14], Yuilani [15], Agvaanchoidor [16], Khishigtogtokh [17], and Khairkhan [18] have been translated into Mongolian scrip and published since 2008.

Providing young generation, the school children and students with a great opportunity to read literary — artistic works in their mother tongue and Cyrillic scripture, there have been completed a few works, like including citations from the given papers, paying attention or focusing on that kind of research, in addition to this, writing dissertations, the research papers based on their given work to defend thesis, so that the work has seen as a brand new culture of the two countries. Since then, the work has not only been Ulaanbaatar University's, Mongolia, research project,

but has expanded to the collaborative work of cooperating with Khoh khot city's Teachers' University, Social Science Institute and other Universities, China, since 2014, and nowadays there eventually have been published "Biographies of Mongolian Writers" [20] in the Mongolian script at the Teachers' University, scientific works in the Cyrillic alphabet by Norgin [21] and Bo. Tsend [22] at the Institute of Social Sciences and received readers of both countries. Therefore, at the Khoh Khot city's University, we have been working yet on a series of selected works by critics from Mongolia and Inner Mongolian Autonomous Region, China, chosen for publication in each country.

The large-scale work of those is the researching project, which consists from five sub-themes, including "The Mathematical modeling of the Mongolian social development" established between Inner Mongolian Social Science Institution and Ulaanbaatar State University, Mongolia to be implemented for 3 years, "Joint Studies of the historical origins", "The catalog's conversion of archaeological researches found in Mongolia", "Translated versions of the Mongolian Studies by scholars of Inner Mongolia" and "Collaborative studies of Mongolian Nations' literature in the 20th century". As a result of these activities, a Monograph known as "Mongolian Literature of the 20th Century" [23], the research work, has been published eventually within the project and the other topics are in line with the work schedule. Within the framework of this project jointly with Social Science Institution of Khuh Khot city, China, we have concluded contract to collaborate with Institution of Mongol & Tibet's Buddhist Studies of the Republic of Buryat, RF, firstly in 2017, and have agreed to translate History of Buryat Literature into Mongolian, then transcribe in its old script as well. At the same time, the Mongolian cultural and literary scholars of three countries have opened a new page of cooperation simultaneously under a theme of research which creates favorable conditions for finding a way to look for opportunities, at first, to study compatibility, in-apprehension and hostility of nomadic and sedentary civilization in their history and identify the lessons; second, to develop the history of nomadic and sedentary civilizations in a new condition and ways.

A good example is the history of our ancestors who had started Silk Roads, and then traveled through them, and its branches, the tea routes and sometimes worship paths or went up and down faraway places, moving or migrating as being nomads and fighting. At the same time, there are more than 30 million Mongol descendants or Mongoloids [25] who have been living still in the north-eastern provinces of India (now) and around the Himalayas. The Mongolian researchers have thoroughly studied a history how silk roads or economic affairs had followed by mutually influenced civilizations meet morals for local nationals, assimilate and develop. For example, There is an ancient Mongolian story about Alexander, the Great king is very interesting. Even in that ancient time, Mongols knew about Alexander and considered discussing the anthem of the King, Russia.

Earlier in the last Century, a German exploration group delivered to Berlin numerous of books, papers and documents written in Mongolian, Tibetan and Samgard languages which were discovered in the Eastern Turkestan known now as the city Turfan in the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region, PR of China. For the Mongolian Scholars, it was an interesting activity that requires capability or acquirement to identify the type of paper or the name of person who wrote it, besides it was hard to read and recognize due to the old Mongolian and scripts, called as 'Durvuljin' (which means 'square' – in English), in this collection are often torn off, or lost partial pages. For many years, the scientists and scholars, like Ts. Damdinsuren, F. Cllies, Nicolas Poppe, D.Tserenesodnom and B.Altangerel have undertaken to read and expound those manuscripts, finally found out that the novel "Sulkharnain" was Mongolian version of "Alexander", the king. Why? Because in Arabic tongue, the king Alexander is defined as Zuul-Karnain, that means "The two-horned." Reading the Mongolian source of Alexander's anthem and comparing with origin, scholars truly proved that it was a real part of that novel [26].

The source of Buddhist devotion in Mongolia is often referred as historical sources in relation to the early medieval period. Particularly, as it was described in works "To be popular the best of religious teaching in the countries of India, China, Tibet, & Mongolia" by Sumbehamba, "Horchonjun" (in Cyrillic scrip – '*хорчойнжүн'*) by Guush (title conferred upon high lamas) Darmadala and Tsembel, " Bilgiin zul" ('Lunation's cresset') by Lkhundevbandid and "Bolor toli" by Jambaldorj, remarking Buddhist religious history, briefly summarizes the legend of the Tibetan Sachen Gungmughan in Chinggis Khaan period and the main emphasis is on the history of religion during the reign of Ögedei Khan and Kublai Khan. This concept was taken into account by the Zava Damdin systematically in his historic "Golden Book", so that it could attract scholars to focus on the history of the prehistoric Buddhist era in Mongolia. Besides, seeking in this book a place where the prehistoric period of Buddhist heirloom is present, Zava Damdin remarked to allocate the land of Le, and proved that it was the area around the present Lanjuu. This is a very reasonable and rational conclusion of the research. One of the strongest evidence of the Zava Damdin's idea is a rock temple of Gilber Zuu located in the area of Baarin, the East Hosigun, Inner Mongolia (now). Scientists believe that stone figure of gods were the created during the Khitan state, but this magnificent complex of idols has not yet been thoroughly studied.

Time or Date of birth of Shagjamuni – Goddess, is described quite differently in Eastern and Western religious scriptures. Counting back from the Date of birth written in the historical pandect by Tibetan, Mongolian wise men and considered to be born in the year of 'Tsagaan Bichin'(White Monkey), it seems that the Date of birth is to be 3000 years ago from the year of 'Khukh Bichin' (Blue Monkey) or nowadays 2004. In this way, the Stone Temple Complex is considered to be at least 2000 years old. However, it makes a strange impression that any of the papers known as

Khorchoijin above on history of religious teaching spread in Mongolia did not mention about this Cave Temple -'Gilber' as well. However, the popular scripture "Sacred Rites of Being in the Universe" summarized the history of Buddhism spread among those nationals, including India, Tibet, China, Mongol, Zorchid, and Korean, not only describes clearly experiences to establish Gilber Zuu, but mentions now and then about the Goddless arrived around the places, where now is Munkh Rashaan Tuul, the spring at Baarin East Hosigun, and an area-' Turkhansan', among eastern bank of the river 'Shiliin Gol' and left his foot print on the rock which was still clear. It is a myth the Buddha, being in Mongolia's land, followed with 500 Shirvaa or his Shavi, the disciples, and even as some of the historical sources say, "The Buddha knows or speaks language of Hunnu". But other facts on history and culture have estimated that there is an heirloom of earlier period of Buddhism spread across Mongolia, as well as it is located in Lanjuu currently which was known as land of Zava Damdin Likhor 2000 years ago, particularly the places such as Baarin Zuun Hisigun and Shiliin Gol mentioned above [27].

The aforementioned route has been called (by the academician D.Tserensodnom) either Silk Road as it is for economy background, or Worship Path as – for religious belief [27].

Thus, being followed by either tea roads or worship paths, some kinds of pageant and literary prose derived from China became much more popular in Mongolia and were actively adopted or transformed. A good example is a larger one of the proses "The Picturesque Story" by Bodoo, in which names or titles for roles, heroes, and places were translated into Mongolian to be suitable and acceptable for Mongols, although origin of this was "The miracle of the ancient or current times" written by Pun Sun Lin, China. In addition, Ts. Damdinsuren had remarked in his memory of writing the famous novel "The Rejected Girl" that he was reading a lot of ancient Indian, Chinese, Tibetan literary books and the story 'Orogsodiin Yeruul' ('The Blessing of the Participants') helped him to compose the novel above as being a good sample to undertake. Our researchers have already found that M. Yadamsuren's "Three Girls" and "Unwanted Interview" [32] have been written under the influence of Chinese literary writings.

"The book of the old literature that I read during the mid-1920s was a very special book - "The Blessing of the Participants" which brought by my teacher Shagj from Inner Mongolia. I had began to write my novel "The Rejected Girl', while was thinking … *'The main hero of the book was a young official who had been working for the feudal class. I'll write about a young woman who worked for the folk class. Therefore, the fiction composition would not be worse than that* "The Blessing of the Participants"… (p.38)

From this memo, we can see Ts. Damdinsuren's work in folklore, Mongolian literature and Tibetan-language literature, as well as the influence of ancient Chinese literature…"My dad Tsend used to have a chest mostly full of old scriptures at home, he was writing. I read all of them. Let me list some, including "The Fairy Tales", "Dear Saint's teachings", "Tale of paper bird", "Explanation of spring drip" (translated by Nomtiin Renchin), "St. Tovaa's teachings", Novel of the king Ushaandar", "Buman Tsagaan Lusiin Sutra", "Beneficence of Ochir", "Novel of the Diva Choijil", "One Letter's Wisdom", "Selection of various wishes", "Scripture of the Fire", "Rock Painting" (probably translated from Chinese), "Notes on the best rules for everyone" (translated from Manchu teachings), and Mongolian laws issued by the Manchu kings, accounts of many Aimags and Hosiguns of Mongolia, maps for the sub-relay stations with the guards and the rules of the stations". [p. 25 from the Ts, Damdinsuren's autobiography which submitted by R. Otgonbaatar., The Collection. UB, 1980]. It is undoubtedly affected the writing of the novel "The Rejected Girl" after reading Chinese literature that he had got relevant information related to histories of Manchu Qing Dynasty, as well interactive bills or accounts.

In the 1920's, "Orogsodiin Yeruul" was translated from Chinese by Temget, the Scholar on Mongolian.

Lived during 1888-1939, known as Temget (Wang Rui Chang), the scientist from City Ulaankhad of Kharchgan Hosigun (now), Inner Mongolia, he founded the Board of Mongolian Scripture in Beijing in 1922 and bought a simple printing machine or typesetter and casting machine. Using brass imprint, he first made the lead type of Mongolian letter. As Temget noticed in his autobiography about written works such as "Four Letters", "History of the State Lyao", "History of the Golden Dynasty", ""History of the Yuan Dynasty", "History of the Three States","Recollection of Chinggis Bogd", and "Graph demonstrating Administration Divisions - '*Aimag' & 'Hosigun*' of either Outer or Inner Mongolia", the special one is "The Blessing of Participants", the source of which has not been finding yet and there is an appreciation for its translation quality and literary value by researchers.

No one, our researchers, has been saying anything yet about the book "Orogsodiin Yeruul" ("The Blessing of the Participants") republished in 1994 with the introduction by Khasbagna, the scientist, since that time as it was released by Temget.

Here we are going to make some commentary on "Orogsodiin Yeruul" in contrast with the novel "The Rejected Girl" by Ts. Damdinsuren, the great writer, who mentioned in his memo 'to write better one'.

First: Perhaps, its composition was made under the influence in contrast to the literary form or design, we would say.

The novel known as "Orogsodiin Yeruul" is four volume and twenty-four chapters. It is as same as an ancient Chinese classical written prose and has several small chapters, each one of which has a title. For the literary design, mixture of sudden, strange and unusual or unexpected adventures is described either at beginnings or the ends and related to each other.

By contrast with the novel above, "The Rejected Girl" has four chapters, each one of which describes sudden and strange adventures. Mongolian literary works in the early twentieth century was interacting with the Chinese literature. For example, "The Picturesque Story" by Bodoo was investigated by Khuvisgalt, the scholar, PRC, in contrast with other written works and considered to be a version of Chinese

literature, in which names or titles for roles, heroes, and places were changed or translated into Mongolian. As the influence of these advances continues to deepen, Ts. Damdinsuren had written in order to describe Mongolian habitation, getting an idea only, instead of borrowing names or titles and reproducing of a given fiction. For composition form, Ts. Damdinsuren writes as same as Chinese writings which have been developed and inherited further in the works of other writers. The renowned Mongolist L.K. Gerasimovich, Russia, emphasized how was developed and inherited this kind of writings by other authors, while he was saying about the story "The Shepherd Naidan" written by D.Tsevegmed, who learned with "The Rejected Girl".

Second: In the words of "Orogsodiin Yeruul", the main hero of the novel Yun Chen and his wife, Shi Yi Syan were in conflict with Lin Yuan Wai and his wife and daughter Lin Ai Jue, who humiliated and ignored the poor and desperate. Describing their life as flattering, cruel, cunning and rakehell action, Yun Chen illustrated properly the degradation of the society. Thus, he showed the eternal truth of life, describing that ultimately, the holy ones conquered. Probably, this manner of description deeply impressed Ts. Damdinsuren, the writer, and gave a clear idea of his novel "The Rejected Girl" to write. The main hero of the novel "The rejected Girl", a poor man Dolingor, with his wife Myadag and daughter Tseren, stood up against the rich Bold or the official Na and his wife who cruel, greedy, cunning and flattering. Describing how they're persecuted and suffered parting or separating and ultimately, they are enjoying a good life, the author illustrated a true historical picture of the Mongolian social life at that time. Thereby, the writer demonstrated real situation of that time or the truth of life, and in other hand, he got motivation for the writing through the basic line of utterance in the "Orogsodiin Yuruul".

There are many elements that may have similar ideas for storytelling. In the "Orogsodiin Yuruul", the literary hero - Yan Anii's family had been prospered, but after a while the family suddenly collapsed or destroyed, was afflicted with thief on way to the official office, and was divorced, so that they decided to climb a mountain and were about to die, when they met Te Fu Peny and talked about their suffering life and by the end of story they are coming up to rise. In addition, the main hero Yan Anii's boy, Jian Yu, is suffering from malaria as he travels to his home country and gets better by good people. Similarly, in the novel 'The Rejected Girl', the main hero who escaped from the prison, changed his name as Doloodoi, afflicted with misfortune, Dolingor is suffering from a disease as he travels to his country and gets better by two elders. Chased from the elders' family by a master, he finally comes across his old friend Bat, who was in military service, celebrates discuss past events and comes to Bat's ger* - a felt dwelling of Mongols - (house), lives in peace as his home for a while, too.

Another line of these two prose books that makes them similar is an episode where a main hero, the Yan Anii's boy called as Jin Yuei surmounts hardship, difficulties and anguish, gets known to the Emperor and later succeeds in eliminating the great enemy of the nation by the royal decree, as well as eventually has found his parents and is happy and full of joy. In the same way, a main hero in the novel "The Rejected Girl" is Tseren, who was separated from her parents, forced to be married, oppressed or suffered from parting and hardship. As she arrives to Khuree with a help of friendly one, studies and becomes educated, takes part in government activities and gets on official service, Tseren eventually has meet her father, so is happy and joyful.

Similarly, there is an episode which is describing the religion belief and the lamas, to illustrate the composition of the story and to demonstrate the truthfulness of society. Khasbagana estimated that " In the novel "Orogsodiin Yeruul" more clearly shown the religious figures such as Te Zui and Phen Phe, which is aimed at the development of the composition design, but not promote reverence or blind faith. Therefore, in "The Rejected Girl", Myadag sent his elder son Danzang to geleng* Luvsan to be his disciple and study at a monastery in hope that he would become a good lama with mush knowledge, but instead of it, his son didn't do well, suffered from hardship, became absolutely sick boy. Myadag prayed, believing that the benevolent lama would cure and heal her son. She offered the prayers from 2-3 days and offered him several sheep and a cow. How could cure illness? The boy's condition became worse and died. The poor immature boy had given to Luvsan as a disciple. But indeed it was a pitiful incident that 13 year old boy died who had but received the consecration of suffering.

Such as this, we have briefly described the economic, political and cultural relations between the three neighbor countries, Russia, China and Mongolia during the long historical period, which have been called as the Silk Road, the Tea Route and the Worship Path by researchers. Although, by the 20th century Mongolian nations or Mongols who had commonly one valuable heritage, a custom and a culture, have been living in countries with different ideologies and different social institutions by the force of historical revolt. However, following the socio-economic ties, cultures, including literary relationships, have contributed to the advancement of the intellectual development. One of the most prominent examples of historical period of cultural and literature's communications is proses, including "Dulguun Don" ("The Calm Rivers of Don") by M. Sholokhov, "Tungalag Tamir" ("The Clear Water of Tamir") by Ch.Lodoyamba and "Delgerkhangai" by Burentugs . There is a notice by the Mongolian writer Ch.Lodoidamba who mentioned that he was about to write the prose "Tungalag Tamir", when he took the "Dulguun Don" and used it as desktop book in which describes the October Revolution taken place in Russia after the World War-I and its reflection in Kazakh communities along the Don, how it was accepted around there, so that involved part of that history. Thus, the "Tungalag Tamir" can be Mongolian great fiction in 20th century, that has not been duplicated in anything of literature of other nations, as their national history has been adapted similarly. Demonstrating the 1921 People's Revolution, the author properly describes how

it was accepted by people of various conditions in Mongolia and how they got into the socio-economic and political changes. The impact of the "Tungalag Tamir" is reflected in the fiction "Delgerkhangai" written by Inner-Mongolian writer Burentugs. Talking with a reporter on the Inner-Mongolian "Odon" TV, he remarked, ""At that time, we did not have a great prose like this one. In Mongolia, their herders knew that there is a good fiction titled as "Tungalag Tamir". Then there was nothing in our country. So I got an idea to write one like that. Unless I had read the book "Tungalag Tamir", probably my novel could not be realized. I will be glad, if someone thinks that imitation of "Tungalag Tamir" has been written by me. I'll be glad because I wrote my novel on the same level as a good one, I think." [33] This talk remained as the fact of interaction with the literature.

Likewise, there are many interaction facts of literary culture among the Mongolian nations in the 20th century. And to determine and analyze them is the priority background of the cultural history. Particularly, can be noticed more things such as facts on Chinese drama plays and prose affect in Mongolia, Russian literary methods affect, and the facts on Mongolian literature, specially, the opera "Eternal triangle" by D. Natsagdorj performed in the Inner-Mongolia, as well as put on the opera as their pageant in Beijing, China.

The cultural relations of these three countries are closely linked to the Silk Road that had been for centuries, and expanded with routes which are branched along the paths of tea and worship, reaching the present 21st century. What we're doing and talking about here today is the issue of literary and cultural relations in 20th century between the three neighbor countries, and we have begun this together and the results are very successful.

Bibliography

1. N.Urtnasan. Relying on culture and cultural relations' factors with the development of the "Economic Corridors of the Three countries, RF, PRC and Mongolia. Presentation. UB. 2017. International scientific conference held at the "Tink Tanc" program.

2. N.Urtnasan. Relying on culture and cultural relations' factors with the development of the "Economic Corridors of the Three countries, RF, PRC and Mongolia. Presentation. UB. 2017. International scientific conference held at the "Tink Tanc" program.

3. B. Gerelt. "The Review article of Mongolian writers" UB. 2008.Cuyegee. "History of Mongolian national literature of the central region in the 20th century" UB. 2012.

4. A. Erdenebayar. Studies of "Naiman toin Jambaldorj's Biography" UB. 2016

5. Jagar "History of Mongolian nomadic civilization" UB. 2006.

6. Bo. Tsetsen. "Tendency of Mongolian literature during the social transient stage" UB. 2017

7. D. Bat. "Notices about Mongolian literature" UB. 2017.

8. D. Bat. "A story teller and etiquette to inherit tales" UB. 2010

9. S. Tsetsenmunkh, U. Sarantuya. "Introduction to Studies of the Mongolian Folklore style" UB. 2015

10. Dulaan "The Study of Heroic poem performed by Pajei Muu-Okhin" UB. 2008

11. Ban Manduga. "Brief collection of Mongolian modern literature Studies and Criticisms" UB. 2005

12. B. Tsogt. "Studies of tales for Khuur" UB. 2011

13. B. Sarangerel. "The Basics of Mongolian Culture and Traditions" UB. 2012

14. B.Tsogjin. "Mongolian Oral Poetry" UB. 2010

15. Юй Лань. "Zeb and Dictionary" UB. 2015

16. D. Bat "The Oral History of Mongolian and Tibetan Buddhism, spoken by the sir Agvaanchoidor" UB. 2012

17. Ch. Khishigtogtokh. "New study of Mongolian ancient Literature" UB. 2008

18. Khairhan. "General History of Mongolian Poetry" UB. 2015 year

19. D. Bolormaa. "The method of *tsokhorborlon bintlekh* in Mongolian literature" UB. 2012

20. Jagger, S.Baigsaikhan. 'Mongolian writers' biographic profile' is being in transcript of Mongolian scrip.

21. Norjin. "Main etiquette for Mongolian Language" UB. 2017

22. Bo.Tsetsen. "Black sides of Criticism" UB. 2009

23. A. Munkh-Orgil, Sh. Battur, E. Batjavkhlan. "Mongolian literature in the 20th century" UB. 2017

24. " Service agreement" Ulaan-Ude City. 2017.08.09. translated from Russian.

25. O. Nyamdavaa. "The Ancient & nowadays' Mongolian-Indian partners" UB. 2010. p.8

26. M. Saran-Erdene. www.mongol.com. Mongolian fairy tale-Sulharnai's story about Alexander Macedon

27. D. Tserensodnom. "The Mongolian traditional translations from ancient Indian literatures" This entry was posted in СОЁЛ on 2014.10.29 by subud.

28. Sh. Egshig, D. Gereltub, O. Sukhbaatar. "Tea road" UB. 2016 pp., 13-14

29. Sh. Egshig, D. Gereltub, O. Sukhbaatar. "Tea road" UB. 2016 p., 81

30. Sh. Egshig, D. Gereltub, O. Sukhbaatar. "Tea road" UB. 2016 p., 73

31. D. Dashdorj "To remember the master Da" UB. 1988

32. S. Baigalsaikhan "The Literary Writing of Mongolian Stories in the 20th century" UB. 2012

33. The Interview by Burentugs, the renowned writer of Inner Mongolia, on 'Odon' TV.

Алия Елеусизовна Кулумбетова,
доктор филологических наук,
профессор литературоведения кафедры русского языка и литературы ЮКГУ
им. М. Ауэзова
(г. Шымкент, Казахстан)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В СИСТЕМЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И.А. БУНИНА "СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ"

Aliya Kulumbetova,
Doctor of philological sciences,
professor in literary studies of the department of Russian language and literature
of M. Auezov South Kazakhstan State University
(Shymkent, Kazakhstan)

EXISTENTIAL EXPERIENCES OF A LYRIC CHARACTER IN THE SYSTEM OF THE POEM “SVET NEZAKATNYY” BY I.A. BUNIN

Аннотация. в статье впервые представлен системный анализ содержания и формы стихотворения "Свет незакатный" И.А. Бунина в свете концепции автора как диалога писателя и читателя. "Свет незакатный" означает надежду, которая умирает последней. Незакатный свет – это выражение нашей тоски о прошлом, об ушедших, которых не вернуть, которым безразличны наши переживания. Мы испытываем радость, погружаясь в воспоминания о прошлом и одновременно тоскуем при мысли о безвозвратности былого. Мы не осознаем своего конца, но в моменты редкого прозрения впадаем в тоску от неминуемости смерти.

Summary. A system analysis of the content and the form of the poem “Svet nezakatnyy” by I.A. Bunin in the light of the concept of the author as a dialogue between a writer and a reader is for the first time presented in the article. “Svet nezakatnyy” symbolizes the hope that dies last. Svet nezakatnyy or a nonsetting light is an expression of nostalgia for the past, for those who passed away and cannot be returned, who are indifferent to our emotional experiences. We experience joy, immersing in memories of the past, but at the same time feel sad of its irrevocability. We are not aware of our end, but in the moments of rare insight feel grief for the inevitability of death.

Ключевые слова: содержание и форма, объектная тема и инвариантная тема, род и стиль, методы изображения, жанровая форма, жанр и жанровая разновидность, прогностический смысл, графический анализ и графический символизм.

Keywords: content and form, object theme and invariant theme, gender and style, methods of representation, genre form, genre and genre variety, prognostic sense, graphic analysis and graphic symbolism.

Там, в полях, на погосте,	т-2	о-3	а-2	с-1	е-1
В роще старых берёз,	т-1	о-1	а-1	с-1	е-1
Не могила, не кости –	т-1	о-2	а-1	с-1	е-2
Царство радостных грёз.	т-2	о-2	а-2	с-2	е-1
Летний ветер мотает	и-2	л-4	т-3	е-4	
Зелень длинных ветвей –	и-2	л-4	т-1	е-4	
И ко мне долетает	и-1	л-3	т-1	е-3	
Свет улыбки твоей.	и-1	л-2	т-2	е-2	
Не плита, не распятье –	и-1	с-1			
Предо мной до сих пор	и-1	с-1			
Институтское платье	и-2	с-2			
И сияющий взор.	и-4	с-1			
Разве ты одинока?	е-1	н-1	о-3		
Разве ты не со мной?	е-2	н-2	о-1		
В нашем прошлом, далёком,	е-2	н-1	о-2		
Где и я был иной?	е-1	н-1	о-2		
В мире круга земного,	о-2				
Настоящего дня,	о-1				
Молодого, былого	о-6				
Нет давно и меня!	о-1				
(1917)					

Впервые это произведение [1, с. 197-198] поэта исследуется в свете методологии и методики комплексного изучения 4-уровневой системы содержания и формы художественного текста [2].

Первый этап.Анализ названияс целью поиска в нем примет *содержательных* (ИТУ, РИУ) и *формальных*(ЗУ,СКУ) *подуровней* горизонтального уровня художественного произведения [3, с. 62-69] (Здесь и далее курсив наш. – А.К.)для определения *системных признаков содержания* (фабулу), *содержания и формы* (знаковый смысл – ЗС) и *формы* (характер изображения и жанровую разновидность). Главенствует в заголовке стихотворения "Свет незакатный"Бунина ЗУ (*уровень художественного языка*), а *"язык"* – основное орудие и – вместе с фактами, явлениями жизни – материал литературы (*первоэлемент литературы*) [4, с. 356-378]. Потому обращаемся к *словарному* значению названия (*"*Свет – 2.Место, откуда исходит освещение, освещенное место, пространство, где светло"; *"*Закат – 1. Заход за линию горизонта*"*) [5, с. 325, 1157]. Далее, выявляем читательский *знаковый смысл* словарного значения заглавия текста. Он – в *надежде* на нескончаемость света. Антоним – *отчаяние* от осознания неисполнимости надежды. В этом *конфликте надежды и отчаяния* выражается *фабула*.*Нереалистический характер изображения* связан с конфликтом заглавия и его *контекстуальным антонимом* ("Свет незакатный" – "могила"): память человека об ушедших исчезает вместе с его смертью. Последний признак формы – *жанровая разновидность* обусловлена *конфликтом и типом образности* в СКУ (*психологический*, так как очевидна скрытая смысловая противоречивость в названии). Помимо СКУ проявляется и значимость РИУ из-за роли заключающего текст *восклицательного* знака (*лирического аспекта изображения*): передается*слияние* переживаний *автора и читателя* с чувствами *лирического героя*. Потому отмечаем *лирико-психологическую жанровую разновидность* на первом этапе анализа текста.

В мире круга земного,	о-2
Настоящего дня,	о-1
Молодого, былого	о-6
Нет давно и меня!	о-1

Доминирует *лирический род* в развязке "Света незакатного" Бунина, выражаясь в э*моциональной лексике* ("молодого, былого", "нет давно") и *приемом повтора* (нет).*Эпический род* раскрывается через *повествование* о настоящем дне жизни лирического героя и о печали по своей ушедшей молодости. *Драматический род* связывается М. Бахтиным с "событием самого рассказывания"[7, с. 403].*Объем* (1 строфа из 1 предложения), *количество ситуаций* (1), *количество персонажей* (1 - лирический герой) – показатели *малой жанровой формы* развязки стихотворения поэта.*Тип начальной синтагмы (ТНС)* АЦ "Света незакатного" ("В мире…!") – *психологический* и *философский* согласно *хронотопу места* (где?) и *лирический* (функция

Второй этап. Анализ верхней (завязки) и нижней(развязки) границ хронотопа настоящего времени (НВ).Завязка совпадает с началом текста (*"*Там, в полях,на погосте…*"*) [1, с. 197]по *второму*из восьми *критериев определения хронотопа НВ* ("с последним событием, или переживанием в жизни героя, близких к нам, читателям, по времени*"*) [2, с. 9].*Критерием по разграничению* стихотворения Бунина на смысловые части являются*сквозные буквы, т.е. графический анализ* [2, с. 16, 21].Они подразделяют текст стихотворения И.А. Бунина на 5 строф. *"*Строфа (от греч. *поворот*) – в стихосложении группа стихов, объединенных каким-либо формальным признаком, периодически повторяющимся из строфы в строфу*"* [6, стб. 1041.].Понятие М. Гаспарова мы дополняем замечанием, что строфа объединяется не только *формальным*, но и содержательным признаком – *смыслом*. Нижняя граница хронотопа НВ, *развязка*, т.е. *активный центр, (АЦ)*, или *последний миг* хронотопа НВ– заключительная пятая строфа (*"*В мире круга земного…*"*) [1, с. 198].*Функция* анализа границ НВ – раскрыть *ОТ, т.е. конфликт в личности* между *надеждой и отчаянием.* Этот *психологический конфликт* неразрешим, что формирует как *психологическую жанровую разновидность*, так и *нереалистический характер изображения. Жанровая форма* стихотворения Бунина "Свет незакатный" *малая*. Хотя отсутствие *экспозиции* – примета *средней и большой* жанровых форм. Особенность *жанровой формы* лирического произведения в том, что она определяется по *объему* (5 строф) и *количеству кульминаций* (у Бунина – одна). Системный *изоморфизм (соответствие)* между первым и вторым этапом анализа очевиден в *психологической жанровой разновидности* и *нереалистическом характере изображения.* На *третьем этапе* анализа конкретизируется *тип и содержание ОТ*.

Третий этап. Анализ АЦ. Тема АЦ – чувство *печали*.

восклицательного знака, указывающего на *сопереживание* автора и читателя лирическому герою). Это обусловливает *лирико-психологическую* и *философскую* жанровую разновидность АЦ изучаемого текста. В развязке есть *авторские детали* ("настоящий"–"молодой, былой"). Его *читательский потенциальный смысл (ПС)*– чувство *печали*. Антоним – *радость*. Этот конфликт *определяет тип и содержание ОТ – лирико-психологический и философский конфликт печали* и *радости.* Так, память о прошлом, когда он был молодым, доставляет лирическому герою радость, тогда как "В мире круга земного, Настоящего дня" он, переступивший порог старости, погружается в печаль от близящегося завершения жизни. Антонимичные *авторские*

детали в АЦ обозначают *"порядок"*[8, с. 55, 57], *исключающий подтекст* в развязке, характерный для *жанра* [9, с. 12] *элегии* [6, с. 1228].Она наполнена печальным переживанием лирического героя о давно прошедшей юности и первой любви в воспоминании об этом прошлом. Лирический герой ведет *доверительную беседу* с читателем, что лишает элегию скрытого смысла. *Преобладание* цифры 1 в развязке "Света незакатного" – показатель *новаторства* И.А. Бунина в изображении *смирения с печальной мыслью* о промелькнувшей жизни. Отсюда *первичное читательское восприятие (ПЧВ)* ПС АЦ (*"*печаль*"*) будет заключаться *в сочувствии* лирическому герою. *Грустная интонация* смысла эмоциональной лексики, восклицательный знак – показатели *метода экспрессионизма* [6, с. 1222-1225]. Резкий, несовместимый конфликт («настоящего и былого, печали и радости) соотносится с *методом романтизма* [6, с. 893-901].Черты *экзистенциализма* проявляются в АЦ Бунина в *чувстве одиночества и страдания*, а также в *выборе* печали, а не радости в связи с *темой смерти* возлюбленной в прошлом [6, с. 1218-1221].

Четвертый этап. Анализ в стихотворения И. Бунина МФ (микрофокуса, или темы) и *Ф (фокуса, или проблемы, т.е. кульминации) в обратном движении от АЦ (развязки) к началу текста*

Первые три строфы объединяются *сквозными буквами* (1 и 2- буквой *"*т*"* и *"*е*"*, 2 и 3 – буквой *"*и*"*, 1 и 3- буквой *"*с*"*), а также *читательским ПС* (чувством *убежденности,уверенности*). Это и будет *темой МФ*

Там, в полях, на погосте,	т-2	о-3	а-2	с-1	е-1
В роще старых берёз,	т-1	о-1	а-1	с-1	е-1
Не могила, не кости –	т-1	о-2	а-1	с-1	е-2
Царство радостных грёз.	т-2	о-2	а-2	с-2	е-1
Летний ветер мотает	и-2	л-4	т-3	е-4	
Зелень длинных ветвей –	и-2	л-4	т-1	е-4	
И ко мне долетает	и-1	л-3	т-1	е-3	
Свет улыбки твоей.	и-1	л-2	т-2	е-2	
Не плита, не распятье –	и-1	с-1			
Предо мной до сих пор	и-1	с-1			
Институтское платье	и-2	с-2			
И сияющий взор.	и-4	с-1			

1. *Лирический род* в МФ раскрывается *эмоциональной лексикой* ("погост", "старых", "кости", "царство радостных грез", "летний", "мотает", "зелень", "свет улыбки твоей", "плита", "распятье", "институтское платье", "и сияющий взор") и *приемом повтора* (и-2, в-2, не-2, мне, мной-2) с преобладанием *символа тревоги и беспокойства* цифры 2.Функция графического символизма – использовать символические значения количественного показателя сквозных букв в каждой СЧ стихотворения для раскрытия *характера переживаний* лирического героя [2, с. 16]. Он в МФ "Света незакатного" *со всколыхнувшимся волнением* вспоминает прошлое. *Эпический род* в МФ связан с *повествованием* о кладбище, где покоится очень рано ушедшая любимая, иоб убежденности, что она навсегда останется его душе молодой и бессмертной. *Драматический род* проявляется в МФ в "событии самого рассказывания". *Жанровая форма (ЖФ)* МФ текста поэта – *малая* по *объему* (три строфы из трех предложений), количеству *ситуаций* (1), количеству *персонажей* (3 - лирический герой и его любимая).*ТНС* МФ ("Там… ") – *психологический* и *философский* (хронотоп места), формируя *философско-психологическую жанровую разновидность.* В *ПП* ("Не плита, не распятье…") МФ *нет антонимов.* Его *ПС – убежденность*, антоним – *сомнение.* В *содержании МФ есть авторские антонимы* ("могила" – "радостные грезы"), которые изображают *философско-психологический конфликт убежденности и сомнения*, потому что *очевидность* могил *исключает сомнение* в потустороннем рае. *«Следы»* ОТ (конфликт печали и радости) отражаются в конфликте МФ (убежденности и сомнения): печаль связана с убежденностью лирического героя в реальности, которая исключает фантазию, но его сомнения уступают чувству радости при воспоминании о любимой, остающейся в его памяти живой и осязаемой. *Основной метод изображения* в МФ – *постмодернизм с* его *неоднозначностью*, *текучестью* переживаний лирического героя между печалью и радостью, убежденностью и сомнением. Соседствующий с ним *реализм* изображения выражается в осознании лирическим героем безвозвратности любимой, своей молодости, воскрешающего любимую и былое только в памяти, как бы отрицая прошлое, приближая его к настоящему, сегодняшнему. *Признаки экзистенциализма* проявляются в *теме смерти* и *одиночества* (лексика в МФ "Света незакатного" связана со *смертью*: погост, могила, кости). И также с *проблемой выбора* лирическим героем памяти о давно ушедшей подруги, сохранившейся молодой. Черты *экспрессионизма* связаны с эмоциональной лексикой и приемом повтора. В лирическом герое И.А. Бунина *чувство печали* (развязка) преодолевается в МФ *неуемным жизнелюбием,* чтовоссоздается *доминированием* в сквозных буквах МФ *цифры 1* (20 раз). В этом *новаторство* поэта, утверждающего *ценность*

жизни и ее динамику ("Летний ветер *мотает* Зелень длинных ветвей" *"старых берез" на "погосте"*), *молодости* и *памяти о любви* (царство радостных грез, летний, зелень, свет улыбки твоей, институтское платье, сияющий взор), которые могут заглушить мысль о *конце* (смерть, погост, кости, плита, распятье). Причем это *очевидное желаемое* подспудно содержит *реальное*, связанное с цифрой 2 (15 раз) чувство *тревоги и беспокойства*, которое всплывет на поверхность*в кульминационной смысловой части*.

Поскольку *завязка* "Света незакатного" *совпадает* с началом текста, то МФ из трех строф является *прогностической смысловой частью*. И ее ПС имеет *содержательные* и *формальные* функции. Так, *содержательные функции* ПС МФ: 1) *ПС* МФ (*убежденность*) определяет *замысел, предмет* последующего изображения – убежденности лирического героя, что память о любимой – лишь грезы, а на самом деле он одинок давно, и жизнь прожита; 2) ПС МФ (*убежденность*) при *сопоставлении* со знаковым смыслом (ЗС) названия (*надежда*) *не противоречат* друг другу по смыслу. Системно это подтверждается и *"порядком" в АЦ*. Лирический герой стихотворения *убежден*, что прошлое и настоящее связаны памятью – единственной *надежды* на бессмертие ушедших; 3) ПС МФ (*убежденность*) указывает на *просветительский мировоззренческий принцип эстетического идеала* ЭИ) [3, с. 56]. Ему контрастнот *естественное чувство* колебания (*сомнение*), т.е. *антропологический мировоззренческий принцип ЭИ*, что обусловливает *романтическое содержание*эстетического идеала И.А. Бунина в процессе создания произведения.*Формальные функции ПС МФ*: 1) замысел и предмет изображения в стихотворении (*убежденность*) подтверждают *верность определения нами* места *завязки*;2) отсутствие смыслового контраста между ПС МФ и ЗС названия говорит, что в этом тексте *нет подтекста*. Системно это проявилось в *"порядке"* в АЦ, характерном *для жанра элегии;* 3) в МФ как прогностическом СЧ и его потенциальном смысле переживания лирического героя, изображались методами *постмодернизма и реализма, экзистенциализма, экспрессионизма.*

*Фокус (фокус, проблема, или кульминация).Тема*Ф"Света незакатного" И.А. Бунина – *чувство тоски.*

Разве ты одинока?	е-1	н-1	о-3
Разве ты не со мной?	е-2	н-2	о-1
В нашем прошлом, далёком,	е-2	н-1	о-2
Где и я был иной?	е-1	н-1	о-2

Лирический род проявляется в Ф через *эмоциональную лексику* ("одинока", "не со мной", "прошлом, далеком", "был иной") и *прием повтора* («разве -2 , ты-2), где преобладает *символ тревоги и беспокойства* цифры 2. *Повествуется* о тоске лирического героя по любимой и своей молодости.*Драматический род* выражен "событием «самого рассказывания". *Жанровая форма* Ф стихотворения – *малая*: одна строфа из одного предложения, одна ситуация, два персонажа (лирический герой и любимая). *ТНС* («Разве…?») – *философско-психологический* в силу функции *вопросительного знака*, который передает *размышление* лирического героя. В *ПП Ф* нет антонимов автора, как и в *содержании кульминации*, что указывает на *"хаос"*. Соотношение "порядка" в АЦ и *"хаоса"* в Ф стихотворения Бунина *соответствует критерию художественности* в плане *жанра элегии.* Поскольку в Ф нет авторских антонимов, то его *читательский ПС* – в *чувстве тоски*. *Антоним – безразличие*. Следовательно, в кульминации раскрывается *философско-психологический конфликт тоски и безразличия*. Тоска лирического героя закономерно контрастирует безразличию покойной возлюбленной его переживаниям: чувствуют живые. *"Следы"* ОТ (печаль и радость) в конфликте Ф (тоски и безразличия) сказываются в печали лирического героя оттого, что его давно умершая подруга не может ответить ему тем же чувством, так как мертвые ничего не чувствуют, а тоска его по давно ушедшей радости и молодости. В Ф "Света незакатного" Бунина доминирует *метод экзистенциализма* в связи с изображением *одиночества*. В *сквозных буквах* Ф цифра 1 повторяется 6 раз, а цифра 2 –5 раз, указывая, *во-первых*, на *новаторство* Бунина в изображении *темы тоски* от неминуемости смерти, которая сама по себе, *во-вторых*, основана на *тревоге и беспокойстве*. Очевидны и элементы экспрессионизма в *эмоциональной лексике* и *приеме повтора*, а также в *трагической интонации*.

Выводы по системному анализу содержания и формы стихотворения И.А. Бунина "Свет незакатный".

В стихотворении три смысловые части (МФ, Ф, АЦ), что указывают, как и объем каждой смысловой части, на малую лирическую форму. Так, в МФ три строфы из трех предложений, одна ситуация, два персонажа (лирический герой и его любимая). В Ф одна строфа из одного предложения, одной ситуации, двух персонажей (лирический герой и его любимая). В АЦ одна строфа из одного предложения, одной ситуации и одного персонажа (лирического героя). По жанру "Свет незакатный" И. Бунина – элегия. Между ТНС АЦ, МФ, Ф стихотворения наблюдается изоморфизм в плане лирико-психологической и философской жанровой разновидности. Это разнообразие типов оценки поэтом изображаемого соответствует *критерию художественности*. Изоморфны и родовые признаки АЦ, МФ, Ф, являющие синтез признаков лирики, эпоса и драмы.Отмечаем разнообразие методов изображения в системе стихотворения поэта. Однако в АЦ доминирует экспрессионизм в сочетании с чертами романтизма и

экзистенциализма, в фокусе – метод экзистенциализма с чертами экспрессионизма, в МФ – метод постмодернизма и реализма с признаками экзистенциализма и экспрессионизма. Очевиден изоморфизм во трех СЧ экспрессионизма и экзистенциализма, объясняющийся элегическими размышлениями человека преклонных лет о безвозвратном, нагнетающими тоску одиночества без согревающего тепла любви. Отсюда резкий контраст между настоящим и былом, текучесть переживаний печали и радости. В АЦ ("настоящее" - "былое"), в МФ ("могила" - "грёзы", "плита", "распятье" - "сияющий взор") *авторские* знаки и *читательские* в Ф (тоска-безразличие) поднимают *конкретно-историческую проблему* современника И.А. Бунина до *общечеловеческого, вневременного аспекта восприятия*. ЧитателюXXIстолетия не чужды переживания, понятные читателю XIX века. Конфликт фокуса стихотворения Бунина (тоска и безразличие) подготавливает борьбу в объектной теме (печаль и радость). А в свою очередь, конфликт ОТ (утверждение-сомнение) в «следах» отражается в оппозициях Ф и МФ. Рассмотрим ПС Ф (тоска), ПС МФ (убежденность), ПС АЦ, т.е. объектной темы (печаль), которые в сочетании отражают неразрывную связь *разума и естественных чувств* (просветительского и антропологического принципа ЭИ), их *гармонию*. Так формируется *инвариантная тема (ИТ),* т.е. *идея* текста "Света незакатного" И. Бунина как *утверждение в качестве прекрасного сочетание разума и чувства*. Лишь *их связь* в личности *помогает ему ориентироваться* в сложных проблемах существования. В свете *идеи о прекрасном* возможно более глубокое осмысление названия стихотворения и его ситуации. "Свет незакатный" означает надежду, которая умирает последней. Незакатный свет – это выражение нашей тоски о прошлом, об ушедших, которых не вернуть, которым безразличны наши переживания. Мы испытываем радость, погружаясь в воспоминания о прошлом и одновременно тоскуем при мысли о безвозвратности былого. Мы не осознаем своего конца, но в моменты редкого прозрения впадаем в тоску от неминуемости смерти. ПЧВ (сочувствие) совпадает со *вторичным читательским восприятием (ВЧВ)*, т.е. идеей *как утверждения прекрасного*, что указывает на отсутствие подтекста в этом стихотворении. Доказывается это "порядком" в АЦ и "хаосом" в Ф, а также при сопоставлении ПС прогностического МФ с ЗС названия – примет *жанра элегии*. *Объектная тема* (ОТ) (борьба утверждения и сомнения) дополняется ИТ: Бунин считает прекрасными чувстваи разум в их сочетании. Это отсутствие противоречия между ОТ и ИТ говорит *о реалистическом стиле мышления поэта*.Но: а) романтическое содержание эстетического идеала Бунина; б) антонимы в АЦ и его "порядок"; в) трагическая интонация в развязке говорят о *романтическо-реалистической двупланности стиля мышления Бунина*. При двупланности стиля СЧ стихотворения Бунина подразделяются на романтические (МФ и Ф) и реалистическую (АЦ). Отсюда, согласно концепции А.А. Гаджиева, в микротеме и проблеме (кульминации) И.А. Бунин изображает *поэтические* образы а в развязке – *психологический тип образности* [10, с. 69, 175]. Поэт *индивидуализировал*, вложил личное восприятие в образы в МФ и Ф и АЦ, связанные с его биографией.

2. Итак, стихотворение И.А. Бунина "Свет незакатный" синтезирует признаки трех родов литературы – лирики, эпоса и драмы. Оно малое по жанровой форме, по жанру – элегия и лирико-психологическое и философское по жанровой разновидности. Относится к романтико-реалистической стилевой двупланности с поэтическим и психологическим типом образности. По методам изображения – постмодернистское, реалистическое, экзистенциональное, экспрессионистское и романтическое.

Литература

1 Бунин И.А. Свет незакатный//И.А. Бунин. Свет незакатный. Стихотворения. М.: Детская литература. – 1981. – 238 с.

2 Кулумбетова А.Е., Джунисова А.А., Садуакас Г.К., Мырзабекова А.К. Система содержания и формы лирического, эпического и драматического художественного текста. Учебное пособие. Алматы: TechSmith. – 2019. –164 с.

3Нигматуллина Ю.Г. Системно-комплексное исследование художественного творчества: История научного направления в Казанском университете. Казань: Фэн. – 2004. –251 с.

4 Горький М. Беседа с молодыми // М. Горький. Беседа с молодыми. М.: Изд-во "Современник". – 1982. – 414 с.

5 Большой толковый словарь русского языка/ Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Изд-во "НОРИНТ". – 2000. – 1536 с.

6 Гаспаров М.Л. Строфа// Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин// Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН.М.: "НПК "Интелвак". – 2001. –1600 стб.

7 Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М.: ХЛ. – 1975. –504 с.

8 Пригожин Илья, Стенгерс Изабелла. Порядок и беспорядок//Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Прогресс. – 1994. – 272 с.

9 См.: Кулумбетова А.Е. Система малой и средней эпической формы: Аспекты исследования. Научное издание. Алматы: TechSmith. – 2019. –380 с. (концепция жанра Бахтина-Медведева: "Каждый жанр – особый тип строить и завершать целое, притом, повторяю, существенно, тематически завершать, а не условно-композиционно кончить").

10 См.: Гаджиев А.А. Романтизм и реализм. Баку: Элм. – 1972. – 349 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Kulyk Oleksandr
Oles Honchar Dnipro National University, Dnipro, Ukraine
Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor

THE IMPACT OF HEINRICH RICKERT'S IDEAS ABOUT CHAOS ON *RUDOLF CARNAP*

Abstract. This research aims to address the hypothesis of the possible influence of Rickert's ideas about chaos on the philosophy of Rudolf Carnap. This paper considers arguments in favor of the hypothesis and those against it. I show that pieces of evidence exist, proving that Rickert's interpretation of chaos influenced Rudolf Carnap when he was working on Der logische Aufbau der Welt. I argue that Carnap's pre-Aufbau unpublished manuscript Vom Chaos zur Wirklichkeit demonstrates this influence. This study opens new vistas in exploring the genesis of Carnap's ideas.

Key words: Heinrich Rickert, Rudolf Carnap, chaos, history of philosophy, neo-Kantianism, epistemology

The issue of the impact *of Rickert's ideas on* Rudolf Carnap is interesting and fruitful in the framework of the history of philosophy. It can provide important information about the genesis of Carnap's philosophical views. The influence of *Rickert's thoughts about chaos on* Carnap has not been studied yet. Thus, research regarding this issue can reveal new aspects of connections between neo-Kantianism and logical positivism.

*In my paper "*Chaos in Heinrich Rickert's Philosophy" *(Kulyk, 2019), I analyzed Rickert's understanding of the term "chaos." However, I did not consider the issue of the influence of his ideas about chaos on other philosophers. Other researchers also do not address this question. Historians of philosophy usually explain the appearance of the term "chaos" in* Carnap's *Vom Chaos zur Wirklichkeit by the impact of such thinkers as F.* Nietzsche and H. Vaihinger. For example, Thomas Mormann (Mormann, 2016) and Mikko Leinonen (Leinonen, 2016) are proponents of this position. Thus, I have not only provided arguments in favor of my hypothesis of the influence *of Rickert's ideas about chaos on the philosophy of Rudolf Carnap, but also attempted to answer to possible objections from proponents of the thought about* Nietzsche and Vaihinger's impact on Carnap's use of the term "chaos."

My research question is as follows: does my hypothesis relating to the impact of Rickert's ideas about chaos on Rudolf Carnap's philosophy have evidence, or does it not? It is necessary to stress that I focus on the early period of Carnap's philosophizing, when he was elaborating theories of *Der logische Aufbau der Welt* ("The Logical Structure of the World").

In 1922, Carnap wrote the paper *Vom Chaos zur Wirklichkeit* ("From Chaos to Reality"). This paper was not published by the author; however, its manuscript is preserved in the philosopher's archives (Carnap, 1970). In this manuscript, Carnap widely uses the term "chaos" in Rickert's style. Both philosophers discuss ideas of the "chaos of experiences" and rational construction. Carnap's manuscript specifically discusses the issue of the possibility of organizing (*gegliedert*) chaos with an ordering scheme (*Ordnungsschema*) and, thus, to transform it into an orderly area (Carnap, 1970, p. 11).

Carnap's biography facts do not contradict my hypothesis about the influence of Rickert's ideas about chaos. According to Carnap's "Intellectual Autobiography," theory of knowledge had been one of his main interests since 1911. It was natural that in the beginning of the second decade of the twentieth century, young Carnap attended Rickert's lectures in Freiburg, as Rickert was one of the leading German specialists in theory of knowledge at the time. Bruno Bauch, with whom Carnap studied Kant's philosophy in Jena, was also a former student of Rickert's.

Of course, the influence of G. Frege and B. Russell on the young Carnap was much stronger than Rickert's; however, this fact does not contradict the possibility that Carnap knew and used some of Rickert's ideas. Carnap wrote *Vom Chaos zur Wirklichkeit* in 1922, two years after the first publication of *Die Philosophie des Lebens* in 1920. Thus, one cannot say that it was impossible for Carnap to have discovered Rickert's ideas about chaos.

Among possible objections to my hypothesis could be opinions that the term "chaos" that appeared in Carnap's *Vom Chaos zur Wirklichkeit* is a result of other philosophers' influence on Carnap. For example, Thomas Mormann writes that in Carnap's philosophy, "The Nietzsche/Vaihinger 'fictitious constitution of an ordered world out of Chaos' (*Vom Chaos zur Wirklichkeit*, 1) became in the Aufbau: a 'rational reconstruction of reality . . .' (*Aufbau*, §100)" (Mormann, 2016, p. 133). When analyzing the use of the term "chaos" in Carnap's *Vom Chaos zur Wirklichkeit*, in H. Vaihinger's *Die Philosophie des Als Ob* ("The Philosophy of As If"), and in Rickert's *System der Philosophie*, Mikko Leinonen writes, "In any case, this setting an the use of the term 'Chaos' can be traced to both mentioned works and further back to Nietzsche's writings" (Leinonen, 2016, p. 215). I shall start with considering the issue of Nietzsche's influence and then discuss Vaihinger's.

In my paper "Chaos in Heinrich Rickert's Philosophy," I have shown that Nietzsche and Rickert have different understandings of chaos. In *Vom Chaos zur Wirklichkeit,* Carnap uses the term "chaos" in the framework of Rickert's ideas on concept formation, but not Nietzsche's ideas about the "dancing star" or the development of culture. Considering the early Carnap's interest in Kant's philosophy, it seems natural that

Carnap uses Rickert's version of the notion of "chaos" interpretation. I have argued in the paper "Chaos in Heinrich Rickert's Philosophy" that Rickert had developed his interpretation of chaos on the basis of Kant's concepts of "chaos" and "cosmos." Thus, Rickert's neo-Kantian interpretation of the notion of "chaos" is closer to Carnap's philosophical position than to Nietzsche's.

I do not object to T. Mormann's arguments about the influence of *Lebensphilosophie* on Carnap in general; nevertheless, I think that Rickert's influence is a nearer explanation than Nietzsche's for the use of the term "chaos" in *Vom Chaos zur Wirklichkeit*. In his paper, Mormann himself provided many sound arguments supporting Rickert's philosophical influence on the early Carnap; however, when it comes to the term "chaos," Mormann points to Nietzsche's influence. I hope that my exploration of Rickert's use of the term "chaos" will provide researchers additional information that can clear up this confusion. Using the term "chaos" was not Nietzsche's monopoly in the early Carnap's time; other influential philosophers also used this term before Carnap.

As for the issue of Hans Vaihinger's influence on the early Carnap, T. Mormann and M. Leinonen, of course, have reasons to suggest such an existence. First published in 1911, Vaihinger's work *Die Philosophie des Als Ob* was popular in the first decades of the twentieth century. In this book, Vaihinger uses the term "*Chaos*" 13 times (Vaihinger, 1922, pp. 107, 140, 235, 286, 298, 372, 373, 400). He also uses the words "*chaotisch*" [chaotic] 7 times (Vaihinger, 1922, pp. 69, 75, 99, 108, 298, 323, 328), "*chaosartige*" [chaos-like] once, and "*Empfindungschaos*" [sensation chaos] once (Vaihinger, 1922, pp. 146, 297).

However, I cannot agree with M. Leinonen that both Rickert's and Vaihinger's interpretations of the term "chaos" go further back, to Nietzsche's philosophy. Nietzsche's influence was important for Vaihinger because of his interest in this philosopher's ideas. Vaihinger was a member of the committee of seven, constituted in 1909 to research and publish Nietzsche's works (Diethe, 2003, p. 109). Nine years before his famous *Die Philosophie des Als Ob*, in which he uses the term "chaos," Vaihinger wrote *Nietzsche Als Philosoph* ("Nietzsche as Philosopher") in which he argued for the importance of Nietzsche's philosophy. In his *Die Philosophie des Als Ob*, Vaihinger frequently cites Nietzsche. Rickert's *Die Philosophie des Lebens*, on the contrary, criticizes Nietzsche's concepts. Thus, I cannot support M. Leinonen's idea that Rickert's and Vaihinger's interpretations of chaos are rooted in Nietzsche's. This is true for the second one, but false for the first. Nietzsche's ideas on chaos were only an impulse for Rickert to elaborate his own interpretation of chaos against Nietzsche's understanding of chaos.

It is also important to notice that Carnap uses the term "chaos" as an element of the binary system of the notions of "chaos" and "reality." This system is similar to Rickert's binary system of "chaos" and "cosmos." Actually, whether Carnap criticizes or agrees with the idea of chaos is not that important. Carnap, as well as Rickert, demonstrates the intention to construct a rational order of reality. In this part of his reasoning, he philosophizes in Rickert's manner. If Vaihinger writes in his *Die Philosophie des Als Ob* about the "fictions" of all, Rickert writes about attempts to construct a picture of the real world. It is significant that Carnap titled his manuscript "From Chaos to Reality," not "From Chaos to Dancing Star," as Nietzsche could have titled a similar paper, and not "From Chaos to Fiction of Reality," as Vaihinger could have.

I want to analyze the role of the idea of "chaos" in Carnap's philosophy. If one compares cases of using the term "chaos" by the philosophers mentioned above, they can see the following: In his 14-page-manuscript *Vom Chaos zur Wirklichkeit*, Carnap uses the term "chaos" at least 10 times (some pieces of the manuscript are currently illegible) and puts it in the title of this paper. In the 196 pages of his *Die Philosophie des Lebens*, Rickert uses the term "chaos" and similar words ("*chaotisch*," "*Weltchaos*," etc.) 21 times (Rickert, 1922). In the 790 pages of the text of *Die Philosophie des Als Ob*, Vaihinger uses the term "chaos" and similar words 22 times. Nietzsche uses the term "chaos" 2 times in the 238 pages of *Also Sprach Zarathustra* (Nietzsche, 1954a, p. 258), 3 times in the 168 pages of *Jenseits von Gut und Böse* (Nietzsche, 1954b, pp. 686, 688, 709), and 7 times in the 78 pages of *Historie für das Leben* (Nietzsche, 1954c, pp. 231, 266, 272, 283). When analyzing the frequency of the term "chaos" (considering the lengths of the texts), one can see not only that Carnap's index is closer to Rickert's, but also that Carnap had the greatest concern with using this term among Rickert, Vaihinger, and Nietzsche. Thus, the data support my conclusion that the term "chaos" has significance for the author of *Vom Chaos zur Wirklichkeit*. Carnap's using this term in the title of the paper is an additional argument for the conclusion.

As Carnap says in his "Intellectual Autobiography," from 1922 to 1925, he elaborated theories out of which his famous book *Der logische Aufbau der Welt* grew (Carnap, 1997, p. 15). In 1922, when writing *Vom Chaos zur Wirklichkeit*, Carnap reflected on some main ideas of *Der logische Aufbau der Welt*. In the margins of the first page of his manuscript, Carnap's later remark can be found: "This is the germ of the constitution theory of Log. Aufbau" (Carnap, 1970, p. 1). Thus, identifying examples of Rickert's influence on Carnap in his manuscript can provide researchers with new information to understand the evolution of the philosopher's views. Although Carnap does not actively use the term "chaos" in his works anymore, he continues to use the idea of converting human experiences into an order of concepts. This idea is similar to many authors, including Rickert, who expresses it when he discusses "chaos" in *Die Philosophie des Lebens*. Hence, I believe that using the term "chaos" by Carnap can show that he was influenced by Rickert's version of the idea of converting human experiences into an order of concepts.

Conclusion

I have argued that R. Carnap in *Vom Chaos zur Wirklichkeit* uses the term *"*chaos*"* in the context of epistemological theories and that this approach to the interpretation of this term is similar to H. Rickert's in

Die Philosophie des Lebens. These philosophers both interpret chaos as "chaos of experiences" and seek ways to order it by mind. Moreover, I have shown that Carnap's biography does not contradict the possibility for the philosopher to be influenced by Rickert's ideas about chaos.

I have also argued that the ideas about Nietzsche's or Vaihinger's impact on Carnap's usage of the term "chaos" are not so obvious as the thought about Rickert's influence. First, Carnap uses the term "chaos" not in Nietzsche's spirit of thoughts about cultural development or the "dancing star" idea. Arguably, Carnap uses the term "chaos" in Rickert's framework of ideas about concept formation. Second, both Rickert and Carnap use the term "chaos" as an element of their binary systems of the notions: Rickert writes about "chaos" and "cosmos," and Carnap writes about "chaos" and "reality."

Considering the abovementioned details, I can state that there are pieces of evidence to support the hypothesis of the influence *of Rickert's ideas about chaos on the philosophy of Rudolf Carnap.* The impact of Rickert's theories on R. Carnap is a prospective area for further research that can particularly show new aspects of connections between neo-Kantianism and logical positivism.

References

Carnap, R. (1997). Intellectual Autobiography. In: Paul Schilp (Ed.). The Philosophy of Rudolf Carnap (pp. 3–86). La Salle, Illinois: Open Court.

Carnap, R. (1970). Vom Chaos zur Wirklichkeit. Unpublished Ms. Rudolf Carnap Papers, 1905–1970, ASP.1974.01, Archives of Scientific Philosophy, Archives & Special Collections, University of Pittsburgh Library System. Identifier 31735061814202. Accessed 18 August 2018. http://digital2.library.pitt.edu/islandora/object/pitt%3A31735061814202/viewer#page/1/mode/2up

Diethe, C. (2003). Nietzsche's Sister and the Will to Power: A Biography of Elisabeth Förster-Nietzsche. University of Illinois Press.

Kulyk, O. (2019). Chaos in Heinrich Rickert's Philosophy. Grani, 22 (8), pp. 37–46.

Leinonen, M. (2016). Assessing Rickert's Influences on Carnap. In: C. Damböck (Ed.). Influences on the Aufbau. Vienna Circle Institute Yearbook. Vol. 18 (pp. 213–232). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-21876-2_11.

Mormann, T. (2016). Carnap's Aufbau in the Weimar Context. In: C. Damböck (Ed.) Influences on the Aufbau. Vienna Circle Institute Yearbook. Vol. 18. (pp. 115–136). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-21876-2_7.

Nietzsche, F. (1954a). Also Sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen. Vol. 2 of Friedrich Nietzsche: Werke in drei Bänden. München: Hanser.

Nietzsche, F. (1954b). Jenseits von Gut und Böse: Vorspiel einer Philosophie der

Zukunft. Vol. 2 of Friedrich Nietzsche: Werke in drei Bänden. München:

Hanser.

Nietzsche, F. (1954c). Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben. Vol. 1 of Friedrich Nietzsche: Werke in drei Bänden. München: Hanser.

Oliva, L. (2006). La Validità Come Funzione dell'oggetto: Uno Studio sul Neokantismo di Heinrich Rickert. Milano: Franco Angeli.

Rickert, H. (1922). Die Philosophie des Lebens: Darstellung und Kritik der

Philosophischen Modeströmungen unserer Zeit. Tübingen: J. C. B. Mohr.

Vaihinger, H. (1922). Die Philosophie des Als Ob. Leipzig: Verlag von Felix Meiner. Accessed 18 August 2018.

https://archive.org/details/DiePhilosophieDesAlsOb

Vaihinger, H. (1902). Nietzsche als philosoph. Berlin: Reuther & Reichard.

Accessed 18 August 2018.

https://archive.org/details/nietzschealsphi00unknoog

Nabatov S.
PhD student at Kyiv International University,
Assistant Professor at the Brooklyn College
Of the City University of New York, USA

AXIOLOGICAL APPROACH TO THE PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE THEATER ARTISTS: THE ESSENCE AND APPLICABILITY OF THE APPLICATION

Набатов Сергій Миколайович
аспірант Київського міжнародного університету,
провідний співробітник Бруклінського інституту
Нью-Йоркского університету, США

АКСІОЛОГІЧНИЙ ПІДХІД У ПРОФЕСІЙНІЙ ПІДГОТОВЦІ МАЙБУТНІХ ФАХІВЦІВ ТЕАТРАЛЬНОГО МИСТЕЦТВА У США: СУТНІСТЬ ТА ДОЦІЛЬНІСТЬ ЗАСТОСУВАННЯ

Summary. The author made a theoretical analysis of the peculiarities and essence of the axiological approach as a whole and outlined the expediency of its application in the process of professional training of future specialists in the theater arts. The article determines that the essence of the axiological approach is to define the material, cultural, spiritual, moral, and psychological values of the individual, society, and their interaction with the world in the process of historical development. The author also determined that the value priorities of the future specialist

of theatrical art are an internal component of his consciousness and self-consciousness, which form the perspective of the professional activity and the model of behavior his chief characteristics. The author proved the expediency of applying an axiological approach in the professional training of future specialists in the theater arts, as it is a necessary condition for the formation of the personality of the actors and other employees of the theater industry.

Анотація. Автором здійснено теоретичний аналіз особливостей та сутності аксіологічного підходу в цілому та окреслено доцільність його застосування у процесі професійної підготовки майбутніх фахівців театрального мистецтва. У статті визначено, що сутність аксіологічного підходу полягає у визначенні матеріальних, культурних, духовних, моральних, психологічних цінностей особистості, колективу, суспільства, їх взаємодія зі світом реальності, зміна ціннісно-нормативної системи в процесі історичного розвитку. Автором також визначено, що ціннісні орієнтації майбутнього фахівця театрального мистецтва – це внутрішній компонент його свідомості й самосвідомості, які формують перспективу професійної діяльності та модель його поведінки. Автором доведено доцільність застосування аксіологічного підходу в професійні підготовці майбутніх фахівців театрального мистецтва оскільки є необхідною умовою для формування цілісності особистості акторів та інших працівників театральної галузі.

Keywords: theater arts specialists, axiological approach, professional training.

Ключові слова: фахівці театрального мистецтва, аксіологічний підхід, професійна підготовка.

Постановка проблеми. Сучасна професійна підготовка фахівців різних галузей у вітчизняній системі вищої освіти визначається тенденціями гуманізації, демократизації та особистісно-орієнтованими пріоритетами у побудові освітнього процесу. Акцент зміщується зі знаннєвої компоненти на ціннісну. В контексті загальних тенденцій викристалізовується аксіологічний підхід, яким визначаються ціннісні орієнтації для фахівців різних спеціальностей. На окрему увагу заслуговують майбутні фахівці театрального мистецтва. Як такі, що є безпосередніми учасниками формування морально-етичних та естетичних домінант у суспільстві.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Питання ціннісно-орієнтованої освіти майбутніх фахівців в цілому актуалізувалась у працях С. Вітвицької [1], С. Гатальської [2], Б. Дагара [11], М. Дресинш [12], І. Зязюна [4], С. Амардіп [14], П. Стерна, Т. Дієтца, Т. Абеля, Дж. Гванано та Л. Калофа [15], Б. Томара [16] та ін.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Однак як свідчить аналіз представлених у переліку праць авторів не достатньо розкритим є питання застосування та теоретичного обґрунтування аксіологічного підходу у контексті професійної підготовки майбутніх театралів (акторів театру та кіно, режисерів-постановників, продюсерів кіно та виконавчих директорів).

Зазначене обґрунтовує доцільність здійснення теоретичного аналізу аксіологічного підходу у контексті професійної підготовки майбутніх фахівців театрального мистецтва, що ***становить мету даної статті***.

Сформульована мета визначає специфіку поетапної реалізації таких ***завдань*** аналітичного дослідження: по-перше – визначити сутність аксіологічного підходу; по-другу – окреслити основні його характеристики; по-третє – обґрунтувати доцільність застосування його у професійній підготовці майбутніх фахівців театрального мистецтва.

Виклад основного матеріалу. Оскільки об'єктом впливу майбутнього фахівця театрального мистецтва є глядач і одна із функцій театрального мистецтва є формування ціннісних ставлень до предметів, речей, суспільства та подій навколишньої дійсності одним із найбільш актуальним підходом професійної підготовки майбутнього актора є аксіологічний. ***Аксіологічний (ціннісний) підхід*** – це філософське вчення про матеріальні, культурні, духовні, моральні, психологічні цінності особистості, колективу, суспільства, їх взаємодія зі світом реальності, зміна ціннісно-нормативної системи в процесі історичного розвитку. У сучасній педагогіці аксіологія є методологічною основою, яка детермінує систему педагогічних поглядів, в основі якої лежить розуміння утвердження цінності людського життя, виховання й навчання, педагогічної діяльності та освіти [5, с. 12].

Аксіологічний підхід органічно притаманним сучасній вищій освіті, оскільки орієнтований на людину як найвищу цінність. Сутність аксіологічного підходу полягає у формуванні ціннісних орієнтацій майбутнього фахівця у процесі професійної підготовки; кожний учасник освітнього процесу є активним ціннісно-мотивованим суб'єктом діяльності. Зазначимо, що з філософського підходу аксіологію – це наука про цінності, в яких представлено систему значень, принципів, норм, канонів, ідеалів, що регулюють взаємодію в певній сфері й формують компонент відносин у структурі особистості [6]. У контексті нашого дослідження, з-поміж іншого, йдеться про ствердження цінності, які формуються у майбутніх фахівців театрального мистецтва у процесі професійної підготовки, які визначатимуть систему ціннісних переконань впродовж цього періоду професійної діяльності. Професійна підготовка майбутніх фахівців неможлива без звернення до загальнолюдських цінностей, до механізмів перетворення суспільних цінностей в особистісні, оскільки саме цінності визначають змістовий контент професійної освіти. Відмітимо, що загальнолюдські цінності і цінності професійної підготовки майбутніх фахівців театрального мистецтва завжди пов'язані із суспільство, залежать від політичних, економічних відносин у суспільстві. На думку Н. Свещинської, що обираючи певну цінність, особистість формує своєрідний довгостроковий план поведінки й визначає тривалу змістову перспективу своєї

професійної діяльності та особистісної взаємодії [7]. Сформовані у свідомості людини цінності визначають значущість явищ, предметів реальної дійсності й культури як самої особистості, так і суспільства в цілому, цінності формуються під впливом зовнішніх та внутрішніх факторів особистості. Цінності професійної підготовки майбутніх фахівців театрального мистецтва викристалізовуються із запитів суспільства, але водночас завжди потрібно пам'ятати, що вони (цінності) можуть формуватися шляхом масової культури, складником якої є театральне мистецтво.

Екстраполюючи аксіологічні орієнтири до професійної підготовки майбутніх фахівців театрального мистецтва американські експерти з підготовки персоналу зазначають, що особи, які безпосередньо здійснюють організацію професійної освіти мають з прогностичної точки зору, випереджувально підходити до визначення пріоритетних цінностей, обираючи ті, які будуть актуальними в майбутньому [13]. Водночас, В. Франкл зазначає, що цінності особистості не можна сформувати ані через зміст навчального предмета, ані через дидактичні методи, які використовуються у процесі професійної підготовки [8], адже ціннісні орієнтації — це відносно стійка система певних цінностей особи, що виражається у здатностіті суб'єкта до цілісного переживання, усвідомлення явища або предмета й здійснення вибіркової оцінної діяльності [7]. Цінності є однією з найважливіших смислових структур, які, що має найбільшу значущість для людини. В. Знаков розглядає цінності як усвідомлений зміст, здатний стати реальним мотивом життєдіяльності людини, що веде до саморозвитку [3]. Аналогічними судженнями оперують і сучасні американські дослідники професійної підготовки (Л. Алмейд, С. Браун, Р. Крейс) в рамках вивчення професійної підготовки та професійного розвитку. Так, відомий психолог, учений Д. Браун у своїх працях визначає цінності як когнітивні структури, які є основою для самооцінки та оцінки інших. Цінності також мають афективний вимір, є первинною основою цілеспрямованої поведінки і є стимулом для розвитку поведінки, пов'язаної з досягненням цілі. Цінності зображуються як більш фундаментальні риси, ніж інтереси, і було висловлено припущення, що турбота про цінності має бути головним фактором у професійному консультуванні, не виключаючи використання інших конструкцій. Підхід, заснований на цінностях, також ґрунтується на ідеї, що кар'єрне консультування в більшості випадків повинно бути життєво-рольовим консультуванням через взаємодію між життєвими ролями та малоймовірним результатом того, що професія може задовольнити всі цінності особистості [10]. Дослідження групи вчених дозволили їм виокремити три групи цінностей у моделі професійної підготовки майбутніх фахівців: культурні (суспільні відносини, час, відношення до природи, діяльності та самоконтролю); професійні (цінності, які людина реалізує в процесі виконання професійної діяльності, та ті, які вона отримує в процесі професійної підготовки, розуміння значення результатів професійної діяльності для суспільства); та життєві (цінності, яких людина дотримується та реалізує в повсякденному житті у сім'ї, на роботі, серед друзів, у взаємовідносинах з оточуючим соціумом тощо) [9]. Це означає, що ціннісні орієнтації майбутнього фахівця театрального мистецтва – це внутрішній компонент його свідомості й самосвідомості, які формують перспективу професійної діяльності та модель поведінки.

Отже, сукупність особистісних і професійних цінностей визначає процес саморозвитку особистості, впливаючи на динаміку його протікання, і є центральним механізмом, що детермінує саморозвиток на всіх етапах особистісного і професійного становлення людини. Особистісні та професійні цінності впливають на можливі шляхи і способи саморозвитку особистості, формуючи цілі та внутрішню програму реалізації людини у професії та міжособистісному спілкуванні. Таким чином, зазначене дає підстави підсумувати, що з точки зору аксіологічного підходу професійна підготовка майбутніх фахівців театрального мистецтва у США базується на таких принципах:

1) професійні цінності є основною вибору кар'єри; кожна професія відповідає певному кластеру цінностей, обмежується ним, розширюючи спектр особистісних цінностей людини;

2) цінності мають бути прогностичними і орієнтуватися на майбутнє, бути перспективними для професійної діяльності в межах тривалого періоду;

3) у процесі професійної підготовки майбутні фахівці мають набути кластер соціально орієнтованих цінностей, які спрямовані на прийняття індивідуалізму, різноманітності, плюралізму поглядів тощо; фахівці мають навчитися формувати об'єктивну оцінку щодо своїх особистих якостей та індивідуальних особливостей та професій, яку вони здобувають з метою самореалізації;

4) професійні цінності є узагальненими для професії, але задоволення професією та розуміння її соціальної цінності будуть різними для кожної особистості, оскільки цінності є індивідуальним і суб'єктивним утворенням;

5) якість професійної підготовки визначатиметься професіоналізмом майбутніх фахівців незалежно від кластеру цінностей сформованих у них в процесі навчання.

Здійснений аналіз дає можливість узагальнити, що застосування аксіологічного підходу у професійній підготовці майбутніх фахівців театрального мистецтва є необхідною умовою для формування цілісності особистості акторів та інших працівників театральної галузі, а відтак у контексті як компаративних так і прикладних досліджень є обов'язковим для дотримання.

Висновки і пропозиції. Отже, застосування аксіологічного підходу у професійній підготовці майбутніх фахівців театрального мистецтва

забезпечує формування їхніх ціннісних орієнтацій, спрямовує на вибудову моделі особистісної та професійної поведінки, професійного розвитку та саморозвитку, усвідомлення ними власної самоцінності як майбутнього фахівця в умовах сучасного суспільства, допомагає осмислити, як будувати свою професійну кар'єру, як досягати мети стосовно оволодіння професійних знань, умінь та навичок для успішної професійної діяльності та повноцінної самореалізації. Однак запропонований підхід не вичерпує всіх аспектів професійної підготовки майбутніх фахівців театрального мистецтва і не є єдиним методологічним складником означеної підготовки. Окрім аксіологічного підходу на увагу заслуговують особистісно-орієнтований, акмеологічний, культурологічний та інші, що становитиме основу для *подальших наукових розвідок* у даному напрямі.

Список літератури:

1. Вітвицька С. С. Аксіологічний підхід до виховання особистості майбутнього вчителя // Креативна педагогіка. Наук.-метод. журнал / Академія міжнародного співробітництва з креативної педагогіки. – Вінниця, 2015. – Вип. 10. – С. 63-67.

2. Гатальська С. М. Філософія культури / С.М. Гатальська. – К.: Либідь, 2005. – 328 с.

3. Знаков В. В. Психология понимания: проблемы и перспективы / В. В. Знаков. — М: Ин-т психологии РАН, 2005. — 448 с.

4. Зязюн І. А. Педагогіка добра: ідеали і реалії: наук.-метод. посібник / Іван Андрійович Зязюн. – К. : МАУП, 2000. – 312 с. Про державнунаціональну програму «Освіта» («Україна XXI століття») : Постанова КабінетуМіністрівУкраїнивід 3 листопада 1993 р. № 896 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/896-93-

5. Коджаспирова Г. М. Словарь по педагогике / Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. – Москва : ИКЦ «МарТ» ; Ростов-на-Дону : Издат. центр «МарТ», 2005. – 448 с.

6. Пелех Ю. В. Теоретико методичні засади ціннісно-смислової готовності майбутнього педагога до професійної діяльності: автореф. дис. ... д-ра пед. наук/ Ю. В. Пелех. — Київ: Б. в., 2010. — 36 с.

7. Свещинська Н. В. Формування ціннісних орієнтацій майбутніх учителів засобами сучасної фортепіанної музики: автореф....дис. канд. пед. наук: 13.00.04 / Н. В. Свещинська. — Кіровоград, 2005. — 20 с.

8. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник под ред. Л. Я. Гофмана, Д. А. Леонтьева; пер. англ. / В. Франкл. — М. : Прогресс. 1990. —368 с.

9. Brown, D., Crace, R. K., & Almeida, L. (2006). A culturally sensitive, values-based approach to career counseling. In A. J. Palmo, W. J. Weikel, & D. P. Borsos (Eds.), Foundations of mental health counseling (pp. 144-171). Springfield, IL: Charles C Thomas.

10. Crace, R. K., & Brown, D. (2002). Life Values Inventory. Williamsburg, VA: Applied Psychology Resources. Available from http://www.appliedpsychologyresources.com/

11. Dagar, B.S. &Dhull, A case for Value-Oriented Education. University News.

12. Dracinschi, M.C. (2012). Values and beliefs in social and emotional education. IJGE: International Journal of Global Education, 1 (3).

13. National Staff Development and Training Association (2004). The Code of Ethics for Training and Development Professionals in Human Services: Case Scenarios, and Training Implications. Washington, D.C.: National Staff Development and Training Association of the American Public Human Services Association

14. Singh Amardeep,(2011),Evaluating the Impacts of Value Education: Some Case Studies.International Journal of Educational Planning & Administration,Research India Publications

15. Stern, P. C., Dietz, T., Abel, T., Guagnano, G. A., & Kalof, L. (1999). A value-belief norm theory of support for social movements: The case of environmentalism. Human Ecology Review, 6(2), 81-95.

16. Tomar, B. (2014). Axiology in Teacher Education: Implementation and Challenges. IOSR Journal of Research & Method in Education (IOSR-JRME), 4 (2), 51-54.

UDC: 159.9.016.3

Oleg Maltsev
Ph.D (multiple), Academician of Ukrainian Academy of Sciences
Founder and Director of Memory Scientific Research Institute by G.Popov
ORCID 0000-0002-8589-6541

KEY SKILL OF AN ERA: HISTORIAN AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Мальцев О.В.
канд.псих.наук, канд.филос.наук, академік Української Академії Наук
засновник та керівник науково-дослідного Інституту Пам'яті ім.Г.С.Попова

КЛЮЧОВИЙ НАВИК ЕПОХИ: ІСТОРИКО-ПСИХОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ

Abstract. In the following, the article basing on the results of generalizing the fundamental criteria for determining the epoch, presents the author 's concept of the key skill of the epoch. According to the author, the key parameter of formation of a wide range of human skills and its functionality is formed in interaction with the world is the environment. Special attention is paid to the parameter of the key requirement of the environment as well as considering the formation of human skills and their interaction with the world.

The purpose of the article is to conceptualize the problem of the key skill of the era, in categorical demarcation with other criteria for defining the era and basic concepts of the approach to activity in considering the essence of man and his interaction with the world. The proposed article is based on a motor approach, particularly the research-oriented phenomenology of memory, its social significance determining the epochs. Moreover, as a result of the comparative analysis of the formation of society key requirements of different historical periods, the classification of key skills of the era is proposed: from the primitive system to the 21 century.

Антотація. В статті, за результатами узагальнення фундаментальних критеріїв визначення епохи, представлено авторську концепцію ключового навику епохи. На думку автора ключовим параметром формування широкого кола вмінь людини та її функціоналу у взаємодії зі світом виступає середовище. Особливу увагу звернено до параметру ключової вимоги середовища у розгляді формування вмінь людини та її взаємодії зі світом. Метою статті є концептуалізація проблеми ключового навику епохи, у категоріальній демаркації з іншими критеріями визначення епохи та основними концептами діяльнісного підходу у розгляді сутності людини та її взаємодії зі світом.

Запропонована стаття базується на діяльнісному підході, зокрема орієнтованого на дослідження феноменології пам'яті, її соціального значення, здатного визначати епохи. Також як результат порівняльного аналізу ключових вимог становлення суспільства різних історичних періодів запропонована класифікація ключових навичок епох від первісного ладу до 21 століття.

Keywords: key skills, skills of epoch, ability, capabilities of person, future of society.

Ключові слова: ключові навички, навички епохи, вміння, здібності людини, майбутнє суспільства.

Statement of a problem in a general view and its connection with significant scientific or practical tasks.

Relevance of the key skill research is defined by necessity of philosophy of the future formation within temporary dynamics unity, i.e. past and modern. This subject is being kept updated by loss of reference points of the modern person living in fragmented world, that is defined as informational, post-modern, post-human, new-technocratic and some other. In the modern world the various definitions of "essential" determine specifics of global pieces of social time - an era. For this reason there is an urgent need of identification of essential criterion in definition of modern and future eras, on the basis of the historian as well as psychological analysis of cultures and philosophies of the past. The problem of "phase" transition, defining basic change of the structure of the social world on cancellations from crisis transition, updates a subject.

Practical solution of such epistemological problems in favor of the person and human-orientated society provides relevance of the modern human potential and personal activity research, meanwhile focusing on the phenomenon known as "skill of an era" (term has been introduced by the academician G.S. Popov and is actively investigated by the author of this article), or by definition of professor M.A.Lepsky of "meta-skill" of the modern world, as meta-skills are required, for instance, in media [1, p. 17]. The relevance of the studied problem is explained by a possibility of specification of a numerous number of categories of philosophy of history, social philosophy, history of psychology and psychology of culture, in particular, concerning a problem of social time.

The article purpose is to conceptualize "Key skill of an era" within the other criteria of era definition category demarcations as well as within the main concepts of activity approach according to the essence of human and his interaction with the outer world.

The analysis of the last researches and publications in which the problem resolution has been initiated.

The most significant works directed by a problem of skills through a prism of learning and education were implemented at 1920-1930 by behaviorists D.B. Watson [2], E. Thorndike [3] who gave rise to the emergence of new forms of an organism behavior as the "an incentive – reaction relations; later this approach was developed by B. Skinner. In a Gestalt the problem of skills was connected with the K. Koffka's concept of learning [4], the skills were considered in the context of learning of the student as stimulations of complete structures changes and, first of all, motivation. J. Piaget researched automatisms and managed to determine the cognitive development age-based stages, starting with sensory and pre-operational stages (preschool age), through the stage of concrete operations (younger school age), coming up to a stage of formally logical operations (transitional age) and so forth [5]. The value of skills in the concept of motive acts and the structure of movements was empirically proved by N. Berenstein [6]. In the Soviet psychology the skills and value of orientation reflex in orientation-cognitive skilled activity were by P.Y. Galperin [7], A.B.Zaporozhets [8], etc.

Problems of skills of human activity were comprehensively investigated in paradigms of activity approach of S.L. Rubenstein [9] as well as A. N.Leontiev [10], later on - by A.V.Brushlinsky [11]. They provided the basis for a social and philosophical research of skills as foundations of human activity, towards its rational goal-setting character.

In contemporary literature the separate genre of council books for business and trainers focusing attention on skills has already emerged. It is relevant to define that the leading methodology of our research consists in accounting of basic provisions of activity approach and their implementation within conceptual

researches of memory, its culturally generative conditionality and social value. Such approach is seen to the author as most of all correct for the historian - psychological analysis to an "era" phenomenon. This approach was for the first time developed by the academician G.S. Popov, whose works for a long time were classified as "Confidentially" or "Special importance" documents. Today Popov's scientific inheritance as well as his studies are being kept and pursued in our Memory Research institute.

The Methodology of Research.

Methodological issues and approaches of a research of philosophy of history features as sociocultural behavior and activity development, defining an era, require the search of a concept dialectically combining behavior and activity, irrational and rational on the basis of development of humanity axiology, anthropological bases of the person in overcoming multidisciplinary and philosophical borders of understanding of the movement of social substance, of the era substance.

Therefore our scientific work is based on motor approach, the framework of which, as well as its applied value was identified by M.A. Berenstein, S.L. Rubenstein, A.N. Leontiev, A.V. Brushlinsky, and, first of all, G.S. Popov.

According to the academician G.S. Popov, irrespective of desires or beliefs of the certain person, there is always a key requirement of the environment to him, and therefore ability to work with his own memory at the scheduled time, to seize necessary skill - that is one of the main and prevailing problems of any era for the representative of any social class, the inhabitant and the citizen of any state.

Practical orientation of philosophizing is connected with the questions of societies' organization, their activity, goal-setting, thus providing the goal achievements of society and its main institute - the state. In our opinion, such organizing force uniting the knowledge and abilities in activity is skills. Following basic provisions of the theory of G.S. Popov, we consider it necessary to raise a question about justification a concept "key skill of an era" and possibilities of extrapolation of its contents on a wide range of concepts of the general psychology and history of psychology. The author's position in this aspect consists in establishment of certain "knot", "crossing" of the collection of activity as unities:

- *the past (memory)* - that is reflected in manifestations, phenomena;
- *the present* - that is possible to investigate empirically;
- *the future* - goal-setting on the basis of theoretical knowledge and answers to

perspective tasks of society.

The majority of knowledge and discoveries of the present belong to empirical approach. This approach is used in case from a complex practical viewpoint nothing is known about the phenomenon, however, there is some representation about its consequences (manifestations). Generalizing practical data, their functionality, renewal of a complete system is obviously possible. Special attention through empirical approach was paid in the 19th century, during blossoming of experimental psychology and empirical methods of a research. The outstanding psychiatrist and the physiologist V.M. Bekhterev, in particular, said that "...about hypnosis in practice it is known more, than in the theory". It is possible to illustrate with such example the attempts to pass from practical data into theoretical generalizations that take place in the present, in a rupture of the theory and practice, without their dialectic unities.

The variety of the Memory issues research requires the statements of a methodological existential problem of unity of life and death, the past, present and future. In our scientific investigation we shall stop on a perspective key skill of an era. The Lieutenant general, the academician Grigory (Semionovich) Popov paid close attention to this aspect in terms of the fundamental reason consideration of memory research, in the 1930th: "Only one thing is important for all of you - whether you are alive or you are dead. Nothing else exists". One of the most significant discoveries of the academician G.S. Popov (as well as unexpected) is the following: "T*he mankind of different eras has a concept of key skill. This skill is a key to life. If you have no such skill - you die, if you have it though - you live*» [12, page 23].

The key skill phenomenology as the issue also acts as an object of this scientific article research. It is also important to note that in 2018 the international scientific marathon (named "The Unknown Abyss") of Memory Scientific Research institute took place. The main ideas of the author underwent the corresponding approbation. They are systemically stated and presented in this article for the first time.

Discussions of a problem. Scientific novelty of a research.

The scientific novelty of approach to a solution is lying in the following: a concept "Key skill" as criterion of definition of an era is offered. Statement of activity criteria in a basis of a research of historical time is not new. Such approach exists in works underlining socially technological ways which are based on M.D. Kondratiev's works, in particular, his "big cycles of an economic environment" [13, p. 27]. J. Scott in the book "Good intentions of the state" (or why and how projects of improvement of human life failed) [14, p. 128] focuses attention to necessity of consideration of the essential state in reforming in the context of concrete knowledge - "Mattis". Our approach shares essential methodological distinctions. Firstly, we consider skills as unity for sociocultural behavior and activity, irrational and rational, technological and social in actions of people as the main criterion of change of time as changes of the hour relations are caused by development of the person. Secondly, development of skills removes contradictions between concrete (individual), special socially group (social groups, communities, institutes, layers of executions, institutes) and the general (society, mankind).

Thirdly, skills allow to define a role of Memory and Consciousnesses as dialectical interconnection of time dynamics of the past, present and future.

Directly the key the skill as a phenomenon, defines the person in its attitude towards memory. People investigate memory throughout many centuries. We

consider that the main issue mankind on the earth has ever faced, is a question of survival and development. The external environment pushes the person to confront the tasks demanding presence of one key, system-engineering skill of an era owing emerging properties that builds specifics of socially technological relations. Moreover, the mankind has really developed this way, passing or "stepping" from one key skills of an era to another; in particular, this course will be considered in article.

Understanding key skill of an era represents the practical value not only in terms of expansion of range of own opportunities, personal realization, but also from a position understanding of a general historical picture of development of the person, his sociocultural features. On the other hand, from the psychological point of view, the phenomenon key skill is an important starting point for understanding and development of methodology of training of the person and its transformation into a mature, capable, independent individual that, is indisputable, expedient in realities of requirements of the present and daily tasks.

It is offered to begin with overview of a perspective of foreign languages learning (that, certainly, is directly connected with memory and its mechanisms). For some people the task to learn at least one foreign language is not difficult, for others - it is excessive and unsolvable. Let's ask a question: "Do all people learn foreign languages, for example, English"? Of course, not all of them do. The reason is that knowing of a foreign language is not key skill for survival in the 21st century. In other words, ignorance of a foreign language is noncritical. **Key skill is the phenomenon which is always critical, critical up to such an extent, that human life depends on it.** In fact, key skill is a key to society living. If the person is lacking key skill in his arsenal, such person is doomed to be the "slave", "the tool, having ability to speak" (according to Aristotle). Let's guide also another example: earlier the ability to use a sword was that very key skill [19, p. 34]. The reason for that is obvious: sword allowed to live longer and not to fall the victim of violence.

The academician Popov claimed that the science of an era and knowledge of the person are concentrated around key skills [12, p. 44]. Science actually as the public phenomenon, emerged as the system of knowledge "how to obtain the key a skill". The science, in this context, comes from an existential perspective of development key skills like the answer to the question “To be or not be?”, “To live or not to live?” In addition, so far as we concern the reasons and necessity of memory research, they meet in the point "key skills". Moreover, training and acquisition of skills is a problem of memory (a consciousness problem comes second).

Therefore, the Key skill is the cause and a determinant of science development. Otherwise, the science does not interest people. For example, today while reading Aristotle or Platon's work, we may ask: why did they write books in such a peculiar way? Is there any significance of their works for the present? For instance, to a XX century philistine the works of Platon usually seem to be irrelevant and uninteresting. However, earlier the picture of the world as well as perception of the Greek philosophers and their works was absolutely another. The matter is that, during that era the skill (or the ability) to speak was the crucial one, as any management questions, any power issues were solved or on the agora in the "polis" (city in Greek) by "demos" (people) persuasion was key. The authorities it was re-elected - and so, the skill of public speaking was the key, the key to rule, to govern, to manage. For example, in the period of Pericles the power representatives were re-elected each 9 months. And the rhetoric as science, was designed to solve the key skill problem - the problem of "how to learn to speak". The rhetoric and the disciplines accompanying oratory were directed to persuading and forming opinions of the listening citizens by the speaker. At that time, in that place where there lived Aristotle, Platon, Heraclitus oratorical skill was mainly valuable [15, p. 7]. For this reason in ancient Greek "book" heritage one is not to find another key skills, except for oratorical skill (concerning the organization of the government as the central institute of society).

Speed of training is the following reason to investigate memory. For some person it takes just month to obtaining certain skills, for the other - approximately five years, - and that, figuratively speaking, is directly connected with understanding of mechanisms of memory functioning. The academician G.Popov claimed that the necessity of solving scientific tasks arises owing to need of key skills acquisition [12]. If we try to consider science history in a complex way, from various viewpoints, we may conclude, the science existed always, as long as there was a mankind. Even investigating an era of primitive ages (like the Stone age), today researchers show old drawings preserved on rocks. It is possible to assume that such drawings provide some visual aid. Let's pay attention to what we observe on these rock paintings. Scenes of hunting or battles - in fact, we see key skill of that time.

On the other hand, fundamental theoretical generalizations are extremely necessary and important during a certain era, too. In terms of studying key skill, theorizing was directed to identification of universal issues that reduce a way of a research of practice. Existence of theorizing certifies the corresponding requirement of society for it. If there is a theoretical science, with a lot of theoretical generalizations on a board and on paper, so it is necessary during a certain period according to public requirements and from the outside of certain inquiries. Let's consider, for example, medicine. The emergence of medicine refers to the period of Ancient Egypt. Strangely enough, defining the source "for whom it was necessary in Egypt and why", as well as "which was key skill" is relatively difficult task, for the reason before there was a clear split into ruling class (Pharaohs and priests) and into commoners (including, slaves), so, these classes had different key skills.

From above stated we come to such basic conclusion: in every era there can be not one key skill bur several, as in different social strata key skills differ. So, in particular, on the example of Ancient Egypt it is possible to draw a conclusion that the medicine is intended for Pharaohs who aspired to immortality and

adoration of, a sacralization of the power. "The one who will offer the Pharaoh the immortality will live better than anyone else". It is the reason of medicine blossoming in Egypt, during this period time.

Respectively, when people begin to be divided into layers, executions and classes, at each of them arises the key skills, providing survival and development. The military people share another key skill owing to that, the military science has developed. The peasants share their unique key skill and science corresponding to that skill, too. The governors also possess special key skill, and it thus a factor inducing emergence of science about the power. Each branch of sciences will develop around certain key skills of an era. At the same time, researching institute of the power and organization of society, in its qualitatively defining essential characteristics of an era, we will also define further formation of the state as key skill of an era.

Not casually classical for society development are the ideas of Niccolo Machiavelli who wrote about key skill of an era the following: "...the armed prophets won, the unarmed perished", "The sovereign should not have and other thoughts, and other cares, and another matter, except war, a military thought and military science because war is the only a duty the governor cannot impose on others" [16, p. 51].

Investigating approaches to studying of memory in the Middle Ages and the age of Enlightenment and comparing them to modern, it is also possible to note that in the ancient time requirements to scientific subject were absolutely different, respectively, absolutely different approaches and memory models were used. As an example we shall refer to the Theater of memory of Camillo and Giordano Bruno [17].

During the period from XVII to the XIX century the prevalence of empirical and experimental approach to a memory research is observed. After the XIX century the science about memory goes towards theorizing, neurophisiology and psychology more and more. Separately in the XIX-XX station it is necessary to mark out researches by S.Freud, K.G. Jung and L. Szondi who considered memory as unconscious [18, p. 49]. In this way L.Szondi succeeded to promote further than his colleagues as he managed to create the test that allows to investigate the block of memory of patrimonial unconscious (ancestral unconscious memory block). Furthermore, it is worth paying attention to solid Soviet school. The reason it is remarkable is as follows: so-called approach "authorized - non-authorized" (either one is allowed to face certain information or it is forbidden. We mean that access to defined levels of science was authorised for those who had to possess this key skill by service. The Soviet period ended, but this approach, "authorized - non-authorized" to some scientific data, somewhat remained today.

Understanding a modern classical discussion between civilization and format approaches that pretty often have a political color we will offer our own definition of eras, on the basis of key skill. In the European science it is accepted to define the periods of ancient history, the Middle Ages, Modern times, in the last sometimes allocate the industrial and information periods, etc. In Post-Soviet historical science it is accepted to define (in extension of Marxist tradition) originally communal system, the period of history of the old world (according to slaveholding formations), the Middle Ages (according to feudal formations), modern times (since times of bourgeois revolutions, formation of a capitalist formation), separate the stage is considered by a stage imperialistic (behind V. Lenin's works) and beginning since 1917 the latest stage of Recent History was considered. In our opinion, this classifications is outdated as it requires significant correction after disintegration of the Soviet Union. Besides discussions around it are updated in a modern Ukrainian historiography. On the basis of criterion **key skill of an era** we offer own classification of eras.

Zero period. Conditional name of this period is tightly connected with "Primitive society order". Considering this historical era from a position key skill, we have to note the following: the institute of the state is not created yet, there are only phenomena "Chief of the house" and "big-man", between primitive people basic exchange and the proto-state educations are formed. All this is formed around **key skill of the person to get food** to itself (if that did not happen the person died). Production of food consisted in **ability to hunt and collect, s**o those activities mirror the key skill of this era.

Antique period. In the antique period there are already certain classes and layers, outforming not only distribution of work, but also ability to organize people. On the basis of these facts, the layer of governors valued rhetoric as a key skill, as they had to speak faultlessly, especially in public. So, we outline the **oratorical skill**. Other social layers "fades into the background" in comparison with ruling class, by this we mean priests. Key skill of priests is **to foresee.**

The third society layer is soldiers. They have to win the battle knowing how **to use the arms (swords, shields, etc)**; therefore their key skill is an ability to use weapon.

The fourth class of people is occupied with agriculture, in fact, their key the skill is **hunting and agriculture**.

In this period blossoming of such sciences as rhetoric, oratorical skill, philosophy and some secret science (mysticism) of priests is observed [15, page 28].

As during this period there were various wars, the "Strategicon" of ancient Greeks and Romans reached our days as documental verification revealing military science of that time. Science of governors reached the present in some extent while the science of priests had oral or symbolical character.

Middle Ages and Renaissance. After Ancient Rome we pass to stages of the early Middle Ages. As since 11th century Europe is included into a stage of medieval blossoming, we shall say the apogee of this Epoch is unification of Europe lands by Charles the Great. Social system at the time of Charles the Great consisted of three classes: nobility, knights and commoners. Such class division remained till Renaissance and in general till bourgeois revolutions times. At the time of knights **the ability to fence was key skill**. For commoners the key skill was **agriculture and workmanship**. The nobility at that time of time,

including knights, first of all, required the knowledge of art of war and Science to win. It is known, they perfectly owned weapon.

During this period the vast majority of the written books and treatises concentrates around problems to fencing. In Europe a huge number of books about fencing that is not observed, in particular, in the field of agriculture, or other professional skills is written. We come to the following conclusion: the science was an element only essential to ruling class, for commoners the science was not something necessary or affordable.

In terms of consideration of a question about a ratio key skills and memory interrelation it is necessary to notify that mechanisms of key skills development contrasted through the different periods, also provide the description of memory creation mechanisms. Anyway, psychologically the person remembers only something vitally necessary to him, as well as he does not remember and does not transfer further knowledge concerning anything undue or unwanted, that is not connected with issues of power and survival, that does not allow to solve problems of a creation. On the basis of historical documents about key skill it is also possible to consider the way memory of the nobleman, soldier or governor was "designed or constructed.

Documents about key skill of an era represent the indisputable research proof about creation of memory of people of that period [17, page 107].

Therefore, logical is the following idea: if key skills are known and clear, therefore, the mechanisms of their acquiring are clear also. Respectively, if there are mechanisms of acquiring, there way the human memory is formed, is known, too. The possibility of acquisition of skills depends on such categories as, actually, knowledge, the scientific volume, a certain substance, and so forth. Therefore, if one knows the way to research, it is possible to draw conclusions concerning memory as system [12, p. 64].

Separately we focus attention on what huge number of books on fencing remains in the Madrid library, in library Heidelberg and other ancient libraries of Europe. Europe of the period till the 19th century was in a condition of almost unstoppable war at the level of kingdoms, certain lands - up to separately local cases of robbery and robbery on roads. Proceeding from such environmental conditions, duration and quality of life depended only on ability to fence, it is necessary to pay attention that before (in times about which here comes the speech) laws as regulators of human daily behavior did not exist. However, by time the laws and rules appeared, actually the ruling class established them, but not the commoners. Blasco Florio wrote the following on fencing in the treatise: "As soon as there were people who wanted "to be and to have", at once there were people who disturbed them". Key skill provides the good life conditions. Who fenced well, lived well, who fenced badly, lived badly and not too long. "Who is stronger, has the right", - that was the atmosphere of an era [16, p. 84].

Period of bourgeois revolutions. Since the period of bourgeois revolutions in Europe the new social class was established, raising bourgeois elements known as businessmentoday. The ruling class and nobles were forced to take into the consideration the interests of new class. They started production and manufacturing, got engaged in trade and even managed to apply for a leading role in society. However, in specific conditions it had been extremely difficult to get engaged in business and to establish own rules, as it was allowed to representatives of certain noble to carry their weapons free by the right of birth or in terms of criminal activity. "Why should we buy something if it is possible to take products and other items by force of arms" - that was the logic of so called transition period. And therefore subsequently the new "imposed" key skill was represented step by step - and we mean the key skill to earn money. In Europe the new trend took its place: "Arms Down! No one is allowed to use his weapons anymore more, now everything should be purchased with money».

That did not happen in one day; as it is said, the nobility put up the resistance to new trends and reserved the right of carrying weapon for quite long period of time. During this period two key skills co-exist in parallel: ability to fence and earn money. Subsequently only those on service were allowed to carry arms (like, the police bodies, the army, etc.) As a result eventually only one key skill got left - the skill to earn money [13, page 76].

Industrial era. All further scientific development steps focused on key skill of "earning money". Only those who are capable to earn good money lives good, whereas all other people are his subordinates, and they live not so good. Overall, the science was directed to construction of machines, factories, plants, development of production, trade and so on. All other skills were accompanying and defining only usefulness of the person for production. We definitely should pay attention to that fact, the skill itself IS NOT an independent ability to earn money, but IT IS an ability to earn them at the expense of someone, by using someone, like hired workers - that is the key [13, p. 77].

In 1917 the world is divided into two parts by socialism and capitalism. In the capitalist world it is necessary to earn money, that is the key skill; meanwhile, the socialism requires completely different skill: **to cope with the orders** set by command of the state. In the USSR such situations in which the "order from above" could be not implemented were excluded in advance. So, the country leaders understood that in general the science had to be directed to acquisition of skills, to help the person cope with any task, order or command. Owing to this fact secret research institutes are established, and the applied science starts living separately, providing multi-functionality and effectiveness.

The science, for sure, was divided by the level of access. Each resident of the country knew only the data (the scope of information) he was allowed to. During formation of the USSR, representatives of the top leading echelons realized making any people solve task without skills is simply impossible. Moreover, the price of a mistake of the military or intelligence agent, for example, was too big. Therefore the science was directed to full mastering the person his key skill, necessary for performance of the corresponding tasks.

At socialism making money was not the key skill as people got paid in the USSR. The fundamental issue

was to carry out a task of the top management and to survive (during war). The science had to provide multi-functionality of the person during that complicated period.

In capitalist society the principle functioned in the quite opposing way return: the science follows the path of the narrow specialization of the person. Back the Soviet experts were highly appreciated in the West. The American expert is tightly specialized, as, for example, the operator of the computer and that is the point. Having one skill seemed to be enough to survive in the American capitalist society. [13, page 58]. If one wanted some sort of promotion, he had to go to the university or college because these educational institutes provided necessary conditions to acquire one more skill.

Post-Soviet period. In the 90th years, after the collapse of the USSR, the independent states appear on the world map and the ability "to earn money" becomes the key skill again. However, this period did not last long. Let's note that daily routine is connected with some other skill for majority of people. Looking for the answer we should face the following questions, in particular: what is the key skill of present time? The key skill providing survival of millions of people?

In the XXI century defining the key skill does not seem to be an easy task comparing this to the Middle Ages, for example. Today the effectiveness, multi-functionality are not extremely necessary, it is possible to survive even lacking skills to earn money or to fence. In the former Soviet Union the key skill was veiled well, too. The key skill of the present is an ability to get a job, to enter area of labor, to organize relation of the employer and worker. Someone even considers what it is enough to marry someone to provide personal survival. However, this situation equals to employment status, just replayed in different format, as marriage is used essentially as an attempt to provide the survival. "Got a job - there is some money for life", these are the logic and requirements of an era. Any other skills are minor. Therefore usually plenty of people try to get a job in the prestigious large company. Such is the situation towards the European countries today: the crucial idea is to settle in "big company" or receive the social help somewhere. In the USA an ability to earn money is still the prerogative.

People get their jobs until they are dismissed. In the latter case, they just follow the common tendency to get a job again, fulfilling the key skill. Therefore the modern science goes to teaching the person to get a job, in a certain measure to get into some organization. On the other hand, it is relevant to mention also other direction of scientific focus, i.e. the science of employers, therefore not "everyone who wish" may get a job. The matter is in the fact, the employers share the other key skill: to hire the worker or to dismiss him. Therefore different methods of professional selection, testing, performance appraisal, the requirement are created, and so forth. Employers are assured it is possible not to teach people, but to collect "ready", well-trained highly-skilled people somehow. This is the reason the profession of "Headhunters" in human resources departments is considered to be the most complicated and prestigious. Americans consider it is necessary to seek and find people who already know everything and will work for the Head of the Company. In fact, modern trainings and courses are intended to help employees to get a job, as well as to help employers to create multiple obstacles on the course of the former.

We have to stress out that in the XXI century the science trains nobody through the education as nobody works with memory and its mechanisms. As we can see, introduction of a concept key skill allows us to investigate memory through eras.

Investigating books of different eras, it is possible to draw conclusions that are thematically devoted to key skills of different human society development stages, however, this is not a subject of the following article.

It is worth paying some specific attention to such phenomenon as "the European mysticism. Before acting so, we shall provide the answer to a question "What for do people fight throughout centuries?" The answer is "For the sake of power". To be the one with powers in his hands and mind. Since ancient times European mysticism acted as construction of knowledge or the science about the power: "How the power is won and kept" Key skill of science of the European mysticism - is to rule(to organize and command other people). It is the science of ruling class, however this science has gone a secret one. Therefore, it is about secret power, the criminal power. Moreover, it was put prerequisites for further emergence of the European criminal tradition, the key skill of which is secret power. And the secret power is stronger than the obvious one, as secret power defined who could be their obvious authorities in Europe. Overall, till present days there are two systems, for the “special”, “elite” people and for the rest ones. On the basis of this, a new social institute - crime institute - defined their own key skill - the skill **to organize the secret power**.

Machiavelli creates the Science about obvious power, that is the reason we did not mention Machiavelli accidentally [16, p. 59]. European mysticism gives rise to the science about secret the power. This is the way the criminal power, as opposed to that power which is established in the European states, was created. Today the Southern Italian Ndrangheta, existing for more than several centuries, remains the richest and the most powerful organization. Mafia subdued America in the XX century, and nothing could be done with this fact. In addition, the Russian criminal tradition did not disappear, as well. Criminal traditions continue to exist, too, in different formats, covered with various labels, changing its profile with the course of history. According to the criminal traditions there is a concept of key skill too. Representatives of this tradition should not get a job, in this environment there is a concept of craft: some are able to pull out purses, some other are good in robbery, or in card smuggling (so, there are various criminal «professions»). It is necessary to pay attention to the fact, in criminal tradition one cannot just claim he is "handyman" and deceive the rest of the gang; one definitely requires real skills. Deception always comes to an end, finishing up with imprisonment or even death.

Conclusions

As a result of the conducted research the following logical conclusion is represented: history of mankind complete mirrors a perspective key skill of an era around which numerous branches of sciences develop within centuries. The external environment causes key skills. *Key skill* acts as a cross-disciplinary scientific problem.

The concept "key skill of an era" is verified, as well as possibilities of extrapolation of its contents on a wide range of concepts of the general psychology and history of psychology, in particular concerning phenomenology of memory, as its structure acting in quality as content of a skill, and the mechanism, and, respectively, studying is the significant notion.

The variety of the Memory research requires the statement of a methodological existential problem of life and death, the past, present and future unity. Fundamental key skills of different eras are analyzed, considering a training speed problem. The relevance and importance of a phenomenon of theorizing around skills and knowledge is discussed, too.

The conducted research discloses the prospects of studies of the historian of the psychological analysis of social stratification in modern society as well as problems of psychological support of the individual at the stage of professional socialization.

References

1. Lepsky, M.A. Medijni sviti: sproba rekonstrukciї ta prognostichnih visnovkiv // Mediakul'tura v konteksti mizhdisciplinarnih doslidzhen: Monografiya; editors V. V. Berezenko, M. A. Lepskiy, O. O. Semenezc. [Media worlds: attempt of reconstruction and predictive conclusions // Monography]. Zaporizhia: Keramist, 2017. [in Ukrainian].

2. Watson, D.B. Psihologiya kak nauka o povedenii. [Psychology as the Science of Behavior] M.–L., 1926. [in Russian]

3. Thorndike, E. Osnovnye napravleniya psihologii v klassicheskih trudah. Biheviorizm. Process ucheniya u cheloveka. [Main directions of psychology in classical works. Behaviorism. Process of teaching for humans]. M.: "AST-LTD" edition, 1998. [in Russian]

4. Koffka, K. Osnovy psihicheskogo razvitiya / translated from German. [Bases of mental development]. M.–L., 1934. [in Russian]

5. Piaget, J. Teoriya, eksperimenty, diskussii / edited by. L. F. Obuhova, G.V. Burmenskiy. [Theories, experiments, discussions]. M.: Gardariki, 2001. [in Russian]

6. Bernshtein, N. A. O postroenii dvizhenij. [About motion forming]. M., 1947. [in Russian]

7. Galperin, P. Y. Razvitie issledovanij po formirovaniyu umstvennyh dejstvij. Psihologich. nauka v SSSR, vol. 1. [Development of research on the formation of mental action, in the collection “Psychological Science in USSR”]. M., 1959. [in Russian]

8. Zaporozhetc, A. V. Razvitie proizvol'nyh dvizhenij. [Development of any movements]. M.: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskih nauk RSFSR, 1960. [in Russian]

9. Rubinshtein, S. L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir / S. L. Rubinshtejn. [Being and Consciousness. Human and world]. SPb.: Piter, 2003. [in Russian]

10. Leontiev, A.A. Osnovy psiholingvistiki. [The basics of psycholinguistics]. M.: Smysl; SPb.: Lan, 2003. [in Russian]

11. Brushlinskiy, A.V. Psihologiya subyekta / editor prof. Znakov, V.V. [Psychology of subject]. M.: Institut psihologii RAN; SPb.: publ."Aleteya". 2003. [in Russian]

12. Popov, G.S. Fenomenologiya pamyati: osnovnye metodologicheskie podhody k issledovaniyu pamyati cheloveka. Rukopis'. [Memory phenomenology: basic methodological approaches to human memory research. Manuscript]. Arhiv NII Pamyati. 1951. [in Russian]

13. Kondratiev, N.D. Bolshie cikly konyunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy / Eds.: Abalkin, L.I., Yakovets, Y.V. [Large cycles of conjuncture and the theory of foresight. Selected Works]. M.: ZAO "Izdatelstvo "Ekonomika", 2002. [in Russian]

14. Skott J. Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovij chelovecheskoj zhizni. Translation by Gusinskiy, E.N., Turchaninova, Y.I.M. [By all good intentions of the state. Why and how projects for the conditions of human life improvement failed]. Universtetskaya kniga, 2005. [in Russian]

15. Aristotel. Ritorika. / Transl. by Platonova N. [Rhetoric]. M.: Antichnye ritoriki, 1978. [in Russian]

16. Machiavelli, N. Gosudar. [Sovereign] M.: Planeta, 1990. [in Russian]

17. Yeits, F. Iskusstvo pamyati. Eng. Transl. by Malyshkin, E. [The Art of Memory] SPb.: Universitetskaya kniga, 1997. [in Russian]

18. Szondi, L. Sudboanaliz / Lipot Sondi; translated from German by Tihomirov, A.V. [Fate-analysis] M.: Tri kvadrata, 2007. [in Russian]

19. Bernshtein, N.A. Nekotorye nazrevayushchie problemy regulyacii dvigatelnyh aktov. [Some growing problems within the regulation of motor acts]. Voprosy psihologii., 1957, No 6. [in Russian]

Маньковська О. Ю.
викладач кафедри сценічного мистецтва
Київського міжнародного університету, Київ

ХОРЕОГРАФІЧНІ ТЕХНІКИ ЯК ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ СЦЕНІЧНОЇ МАЙСТЕРНОСТІ МАЙБУТНІХ АКТОРІВ У ПРОЦЕСІ ФАХОВОЇ ПІДГОТОВКИ

Mankovska O. V.
Assistant of the Performing Arts Department
at Kyiv International University, Kyiv

CHOREOGRAPHIC TECHNIQUES AS MEANS OF FORMING THE STAGE SKILL OF FUTURE ACTORS IN THE PROFESSIONAL TRAINING PROCESS

Анотація. У статті представлено опис та характеристику окремих інноваційних та актуальних технік хореографічного мистецтва, як засобів формування сценічної майстерності майбутніх акторів у процесі фахової підготовки. Хореографічні техніки автором проаналізовано з урахуванням практичності та доцільності їх застосування для підвищення акторської майстерності акторів. Автором науково аргументовано та доведено необхідність застосування у процесі фахової підготовки акторів техніки Лабана, Станіславського та інших, оскільки вони сприяють розвитку складників акторської майстерності, пластичності, гнучкості, вміння передавати образи через рухи тощо. Автором запропоновано систематизацію запропонованих технік на традиційні та інноваційні, виокремлено перспективи подальших наукових та практичних розвідок з проблеми удосконалення фахової підготовки майбутніх акторів.

Summary. The article describes the description and characterization of some innovative and current techniques of choreographic art, as a means of forming the stage skills of future actors in the process of professional training. Choreographic techniques are analyzed by the author taking into account the practicality and expediency of their use for enhancing the acting skills of the actors. The author has scientifically substantiated and proved the necessity of application in the process of professional training of actors of technics Laban, Stanislavsky and others, as they contribute to the development of components of acting skills, plasticity, flexibility, ability to convey images through movements and so on. The author proposes systematization of the proposed techniques into traditional and innovative ones, outlines the prospects of further scientific and practical explorations on the problem of improving the professional training of future actors.

Ключові слова: фахова підготовка, майбутні актори, хореографічні техніки, засоби професійної підготовки, хореографічне мистецтво.

Key words: professional training, future actors, choreographic techniques, vocational training, choreographic art.

Постановка проблеми. Фахова підготовка майбутніх акторів у руслі сучасних тенденцій розвитку професійної освіти в Україні в цілому визначається різноманітністю підходів, форма, методів та засобів. У контексті наукових дискусій щодо фахової підготовки майбутніх акторів, то особливої уваги заслуговують засоби, які вирізняються специфічністю та, в окремих випадках, індивідуальністю, оскільки формування майстерності актора – процес довготривалий, комплексний, передбачає послідовність кількох функціональних аспектів та повинен будуватися на принципах інтердисциплінарності, інтегрованості та взаємопов'язаності тощо.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідження теоретичних аспектів хореографічної культури ХХст. Набуває актуальності, що зумовлено низкою причин: зростанням інтересу до цього напряму талановитої, непересічної інтелігенції, інтересу до нових культурних цінностей, поглибленим вивченням теоретичних аспектів хореографії. Її історія – витоки, розвиток, засновники шкіл і технік: модерн-танцю, джаз-танцю, експресивного танцю – Р. фонЛабана, М. Вігман; імпресіоністичного танцю – А. Дункан, Л. Фулер. Методика – М. Грехем, М. Каніннгема, Г. Джордано, Т. Браун, Д. Богуе. Балетні постановки – М. Фокіна, Дж. Баланчина, М. Бежара, Дж. Кранко, К. Макмілана, Ю. Григоровича, І. Кіліана, П.Бауш, У. Форсайта, М. Екка та інших [14, с. 262].

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Аналіз представлених робіт засвідчив, що питання фахової підготовки в українському науковому просторі досліджується досить вузько, в окремих випадках дотично до професійної підготовки інших фахівців, а отже залишається відкритою для дискусій прикладних, фундаментальних та аналітичних досліджень. Наш науковий інтерес зосереджено, зокрема, на виокремленні доцільних хореографічних технік, що сприятимуть підвищенню акторської майстерності майбутніх акторів у процесі фахової підготовки, що становить мету даної статті.

Сформульована мета визначає специфіку поетапної реалізації таких завдань аналітичного дослідження: по-перше – визначити сутність поняття засобу, в контексті освітнього процесу; по-друге – охарактеризувати окремі хореографічні техніки, описати їх практичну доцільність у застосуванні у процесі фахової підготовки акторів; по-третє – виокремити та систематизувати ефективні хореографічні техніки для підвищення акторської майстерності у процесі фахової підготовки.

Виклад основного матеріалу. Зазначимо, що акторська майстерність синтезує кілька видів мистецтва: танцю, музики, драматургії, літератури тощо. Це глибинна єдність мовлення, звуку, жесту, руху, сценічного образу, що безпосередньо розкриває мистецьку гру актора, його глибинну сутність та значення того, що він прагне передати через образ при створенні персонажу.

Акторська діяльність, в свою чергу виявляється в творчості, виконавстві, сприйманні, носить творчий характер: актор створює художньо-емоційний образ, активно відтворює його, глядач же більш або менш активно сприймає.

Оскільки одним складником процесу формування акторської майстерності є балетмейстерські (хореографічні) вміння, то хореографія та її техніки в цілому можуть слугувати ефективним засобом відтворення окремих образів, допомагаючи таким чином акторові розкутіше почувати себе на сцені, відтворювати роль чи персонаж тощо. Насамперед варто зауважити, що поняття «засіб» у загальному розумінні характеризується як «те, що служить знаряддям у якій-небудь дії, справі» [1]. У контексті потрактувань організації освітнього процесу у закладах вищої освіти, які готують майбутніх акторів загальноприйнятої класифікації дидактичних засобів не виокремлено якихось специфічних, тож у своїй роботі послуговуємося класифікацією запропонованої польським дидактом В.Оконем, в якій засоби навчання розташовані відповідно до наростання можливості замінювати дії педагога й автоматизувати дії особи, що здобуває освіту, а саме: прості засоби (словесні: підручники, навчальні посібники тощо; візуальні засоби: реальні предмети, моделі, картини тощо) та складні засоби (механічні візуальні пристрої: діаскоп, мікроскоп, кодоскоп та інші; аудіальні засоби: програвач, магнітофон, радіо; аудіовізуальні: звуковий фільм, телебачення, відео, демонстрація); засоби, які автоматизують процес навчання: лінгвістичні кабінети, комп'ютери, інформаційні системи, телекомунікаційні мережі тощо [9]. У контексті професійної освіти Вишнякова визначає «засіб» як матеріальні та природні об’єкти, що використовуються в освітньому процесі в якості пізнавальної активності студента, що сприяють оптимізації засвоєння студентом нових знань, технік чи технологій [5, с. 321]. Отже, в межах започаткованого аналізу інтерес становитимуть прості словесні засоби, що передбачають пояснення та інструктаж педагога, а також аудіовізуальні засоби, які передбачають безпосередню демонстрацію хореографічної техніки, оскільки практичний напрям започаткованого дослідження – вивчення хореографічної методики навчання й викладання (системи, техніки танцю), а саме: теорія й методика викладання класичного танцю (danse e’cole, ballet, pas de deux, hystorique danse), народно-сценічного чи характерного (danse de charactere), бального (ST, LA), сучасного (modern jazz dance, contemporary dance, improvisation, tep dance, hip-hop: disco, funk, R&B, new style, electric boogie, braick dance). Класифікація видів сучасного танцю в узагальненому вигляді містить у собі бальний (бально-спортивний), джазовий танець, модерн, contemporary, естрадний танець та ін., деякі менш стабільні напрямки й течії [3, с. 22]. Зазначене актуалізує необхідність опису ефективних хореографічних технік, як засобу фахової підготовки майбутніх акторів. Зупинимось на характеристиці окремих хореографічних технік, виокремлюючи їх практичність та доцільність застосування.

За твердженням В. Васланова знайомство з багатством танцювальної творчості народів і зараз служить дієвим засобом ідейно-естетичного виховання підростаючого покоління. Збереження багатств і традицій танцювального фольклору, органічне включення їх в сучасну хореографічну культуру є найважливішим практичним і теоретичним завданням для всіх працюючих у цій сфері фольклористів, балетмейстерів, мистецтвознавців. Особливості предмету «народно-сценічний танець» – в організації і методичному осмисленні найрізноманітніших елементів народних танців і в їх використанні в формуванні виконавця при навчанні. Цей предмет розкриває широкі можливості і для освоєння техніки, і для емоційного розвитку акторських даних, знайомлячи з національною пластичної та музичною культурою народів світу [3, с. 75]. Особливий внесок у розвиток і впровадження у фахову підготовку виконавців народно-сценічного танцю здійснила Т. Ткаченко, яка значно розширила і систематизувала вправи в заняттях з народного танцю, застосувала нові назви. На своїх заняттях Т. Ткаченко завжди прагнула досягти точності і чіткості кожного руху, поліпшити технічний бік танцю, вимагала від своїх учнів розуміння стилю, характеру кожного танцю. Вона підкреслювала, що вчитель повинен знайомити учнів з історією, побутом та національною культурою народу, що без інтересу до народної творчості учні не зможуть правильно передати характерні особливості досліджуваного танцю. Для Т. Ткаченко надважливим аспектом у підготовці та виконанні народного танцю було дотримання чистоти стилю, з огляду на це вона завжди застерігала своїх вихованців від змішування стилів, надуманих рухів, які не мають з танцем нічого спільного. Балетмейстер завжди підкреслювала, що танець є душею народу, а тому виконавцю народних танців необхідно власне ціннісне ставлення до нього, яскраве емоційне вираження [12, с. 66]. Запропонована Т. Ткаченко система навчання народно-сценічного танцю на сучасному етапі найбільш традиційна, і в такому напрямі працюють багато викладачів, приносячи в специфіку викладання свої риси, індивідуальність і бачення кінцевого результату [11, с. 4].

Незмінно актуальним хореографічним засобом у фаховій підготовці майбутніх акторів залишається теорія і техніка Н. Бернштейна, який не тільки теоретично обґрунтував, а й розробив для практиків рекомендації для спортивних тренерів і спортсменів, для музичного педагога і музиканта-

виконавця, для балетмейстера і артиста балету, для режисера і актора, для всіх тих професій, для яких важливим є точний за результатами виконаний рух [2].

За твердженням сучасника О. Чепалова, найнаближенішим до наукових вимог сьогодення та специфіки хореографічного мистецтва є аналіз за допомогою моделі комунікації Р. Якобсона, адаптований до танцю, оскільки в його хореологічний аналіз зважено на звук (музику), рухи виконавців, їхній просторовий зв'язок та вплив на аудиторію [13].

Серед сучасних напрямків хореографії такі, як модерн, джаз-модерн, контемпорарі та інші широко використовуються як у різних шоу-проектах, професійних театрах, так і в аматорських дитячих хореографічних колективах; тому загального знайомства з основами техніки танцю-модерн сучасному вчителю недостатньо, необхідне глибоке володіння теоретичною і практичною базою сучасної хореографії [8, с. 88]. Впровадження хореографічних технік у фахову підготовку майбутніх акторів сприяє розвитку їхніх фізіологічно-хореографічних здібностей, прищеплення необхідних гімнастичних умінь і навичок та теоретичних знань для методично-педагогічної діяльності. Зазначимо, що підготовка студентів до занять з модерн-джаз танцю, освоєння основних технічних принципів здійснюється для того, щоб на старших курсах на вже підготовленому ґрунті займатися розкриттям творчого потенціалу, пошуком власного стилю, створенням авторської форми для розкриття внутрішнього змісту (етюду, імпровізації, будь-якого творчого завдання). Модерн танець на відміну від народного або класичного створювався на підґрунті творчої діяльності якоїсь конкретної особистості танцюриста. За твердженням В. Нікітіна, у танці модерн істотним є спроба виконавця вибудувати зв'язок між формою танцю і своїм внутрішнім станом, більшість стилів танцю – модерн сформувалася під впливом якої-небудь чітко викладеної філософії чи визначеного бачення світу [10, с.12]. Доцільність впровадження технік модерну на заняттях гімнастики обумовлена спільністю історичних і методичних основ. Відомо, що експерименти в області руху і зокрема танцю почалися ще в середині 19 століття. Варто згадати теорію «тілесного вираження» Ф.Дельсарта й експерименти Ж.Далькроза в області створення рухового алфавіту для зорового втілення музики. Першими хореографами-модерністами були Рут Сен-Дені, Тед Шоун, Айседора Дункан. Великий вклад у розвиток методики, системи танцю модерн зробила Марта Грехем. З іншого боку, Лисицька Т.С. відзначає, що на розвиток гімнастики зробила великий вплив та ж сама система Ф.Дельсарта, який намагався установити визначений взаємозв'язок між емоційними переживаннями людини і його жестами, мімікою. Роботи Дельсарта лягли в основу теорії виразного руху, послуживши фундаментом для створення одного з напрямків гімнастики-ритмопластичного [6].

У характеристиці хореографічних технік як засобу формування сценічної майстреності майбутніх акторів можемо виокремити традиційні та інноваційні, до перших відносимо народний танець, історико-побутовий та класичний танець, до другої групи – модерн, контемпорарі, джаз тощо.

Висновки і пропозиції. Застосування хореографічних технік у фаховій підготовці майбутніх акторів позитивно відбиватиметься на формуванні їхньої сценічної майстерності, оскільки сприяють розвитку гнучкості, пластичності, рухової активності в цілому. Професійній підготовці майбутніх фахівців театрального мистецтва забезпечує майстерність через рух, музику, слово. Однак запропонована характеристика та опис хореографічних технік як одного із засобів підвищення акторської майстерності у фаховій підготовці не вичерпує всіх сучасних технік і потребує подальших розширених експериментів. З огляду на зазначене, перспективами подальшого розвитку проблеми удосконалення акторської майстерності засобами хореографічних технік є вивчення досвіду досліджень фахівців Трініти Лабан Консерваріі [7], та створення власної хореографічної школи та введення хореології (теорії хореографічного мистецтва) до кола фундаментальних дисциплін, які вивчаються у вищих навчальних закладах відповідного профілю, що власне становитиме основу для подальших наукових розвідок у даному напрямі.

Список літератури:

Академічний тлумачний словник (1970—1980) Режим доступу: http://sum.in.ua/s/zasib

Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии/ Н.А.Бернштейн –Москва : «Физкультура и спорт»,1991. –С. 7-10

Болдирьов А. Сучасні тенденції розвитку хореографічного мистецтва / Сучасні стратегії розвитку хореографічної освіти, м. Умань,

23-24 травня 2014року. Режим доступу: https://mpf.udpu.edu.ua/wp-content/zagruzka/%D0%97%D0%91%D0%86%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A.pdf

Ванслов В.В. Всебічний розвиток особистості і види мистецтва / В.В.Ванслов. –М. : Мистецтво, 1963. –С.75

Вишнякова С.М. Профессиональное образование: словарь. Ключевые понятия, терминыы, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО., 1999. – 538с.

Лисицкая Т.С. Ритм+пластика / Т.С. Лисицкая.–М.: Физкультура и спорт,1987–160 с

Тріниті Лабан Консерваторія, Лондон, Велика Британія. Режим доступу: https://www.trinitylaban.ac.uk/tags/dance-science

Мікулінська О. Удосконалення професіфної підготовки студентів-хореографів на основі провадження техніки сучасного танцю / Сучасні стратегії розвитку хореографічної освіти:матеріали всеукраїнської науково-практичної конференціїз міжнародною участю (Умань, 23-24 травня 2014р.)/

ред. кол. : О.В.Дудник, Л.М.Андрощук.–Умань : ФОПЖовтийО.О., 2014. –138с.

Мойсеюк Н.Є. Педагогіка: навчальний посібник [Електронний ресурс] / Н.Є. Мойсеюк. – к., 2007. – 608 с. - Режим доступу: http://pidruchniki.Ws/12570107/pedagogika/pedagogika_-_moyseyuk_nye

Никитин В.Ю. Модерн-джаз танец: Этапы развития. Метод. Техника/ В.Ю.Никитин. –М.:ИД «Один из лучних», 2004–414с

Сучасні стратегії розвитку хореографічної освіти:матеріали всеукраїнської науково-практичної конференціїз міжнародною участю(Умань, 23-24травня2014р.)/ ред. кол. : О.В.Дудник, Л.М.Андрощук.–Умань : ФОП Жовтий О.О., 2014. –138с

Ткаченко Т.С. Народный танец / Т.С.Ткаченко. – М., 1967. – Ч.1. – 654с.

Чепалов О. І. Хореологія як наукова дисципліна (Пролегомени) / Чепалов О. І. // Культура і сучастність: Альманах. – Київ, 2004. – С. 80–87

Шаріков Д. Теорія й історія хореографічної культури – «хореологія» як мистецтвознавча наука / Д. Шариков // Вісник Львівського університету. Серія : Мистецтвознавство. - 2012. - Вип. 11. - С. 261-266. - Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VLNU_Mistec_2012_11_31

Полякова О.О.
Аспирант кафедры философии
ФБГОУ ВО «Магнитогорский Государственный Технический Университет им. Г.И. Носова»

АРХЕОАСТРОНОМИЯ, КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО ПОЗНАНИЯ

Археоастроно́мия (др.-греч. ἀρχη — *начало*, αστρον — *звезда* и νόμος — *закон*) — наука, сформировавшаяся во второй половине XX века, предметом изучения которой служат астрономические представления людей древности. Она разделяется на ***астроархеологию***, изучающую археологические памятники и древние артефакты для поиска в них астрономического значения, ***этноастрономию***, раскрывающую космологические и космогонические представления древних по фольклорным и этнографическим данным, ***астропиктографию***, изучающую астрономическое значение древних рисунков (петроглифов), не всегда известное по этнической принадлежности, ***астромифологию***, изучающую астрономическое значение мифологических концепций разных народов, зависящих от места проживания, ***астротеологию***, изучающую изменение религиозных концепций в зависимости от временных изменений астрономических картин звездного неба, ***астрогносеологию***, изучающую изменение познания (гносео- греч. познание) и мировоззрения древних людей в зависимости от изменения астрономических картин звездного неба.

В свою очередь, **археоастрономия** является одним из разделов более широкой дисциплины **палеоастрономии**, изучающей древние астрономические события.

Как междисциплинарная наука, археоастрономия использует результаты, полученные археологией и астрономией, а также историей науки, историей религии, этнологией, лингвистикой, палеоклиматологией и т. д.

1. История археоастрономии

Рассмотрение астрономических представлений людей древности показывает несомненную познавательную ценность донаучного периода приращения знаний человечеством, которое не было записано научным языком, в отличие от астрономических знаний, появившихся позднее и известное нам по историческим записям научных исследований, начиная с древнегреческих ученых. Археоастрономия возникла как необходимый инструмент прочтения древних донаучных астрономических знаний, записанных символьным языком структуры архитектурных строений древних обсерваторий, рисунков на одежде и керамике, рисунков на скалах, мифологических сюжетов, религиозных и мировоззренческих концепций.

На способность анализировать звездное небо как на одну из неотъемлемых способностей человека, отличающих его от животных, обращали внимание мыслители с древности до наших дней. Космологические концепции древних мировоззрений, частично, явились основами будущих наук, зародившихся в Древней Греции в «осевое время» (по Ясперсу) в VI веке до н.э., т.к. известно, что все греческие мыслители, до того, как они стали известными древнегреческими учеными, подолгу путешествовали и жили в странах Ближнего Востока и Египта, постигая мудрость древних цивилизаций, записанную, позже, на греческом языке, на котором потомки смогли прочитать эти знания, благодаря повышенному вниманию к античным ценностям.

Ближе к нашему времени попытки научного астрономического объяснения древнего мировоззрения предпринимались Фридрихом Макс Мюллером с середины XIX века, немецким профессором философии с 1848 г., который занимался сравнительными языкознанием, мифологией, религиоведением, индологией и философией Востока. Он увидел тесную взаимосвязь между формированием языков и религий, обосновав это на историческом материале, и выделил солнечную гипотезу в основе различных религий [1, с. 26, 32, 34, 40, 44, 48, 51, 80, 88, 89, 100, 109, 112, 114, 118, 138, 141, 144, 156, 163, 164, 166, 172, 206, 207, 220, 224, 230, 237, 238, 249, 251, 252, 256].

Другими исследователями древних астрономических знаний на основе памятников культуры было замечено знание не только движения светил, но и знание положения полюсов Экваториальной и Эклиптической систем, и созвездий в околополюсной картине неба. Камиль Николя Фламмарион, французский астроном и писатель, известный популяризатор астрономии, написал в конце 19 века книгу «История неба», в которой попытался проследить становление астрономических знаний с древних времен по известным, к тому времени, историческим сведениям. Фламмарион, заметил некоторое несоответствие в древней символике звездного неба: «Звезда, самая близкая к полюсу экватора, должна была во всякое время привлекать к себе внимание; не могли не заметить, что она одна остается неподвижной, когда все Небо, по-видимому, кружится вокруг нее, и, поэтому, естественно было принять ее за центр всех движений звездного свода. Однако, обозначая созвездия, нисколько не позаботились обозначить место полярной звезды, между тем как полюс эклиптики с большой тщательностью обозначен изгибами Дракона» и вдруг делает предвзятый вывод, довольно обычный и для наших современников: «нельзя же предполагать, что в эпоху, когда астрономическая наука была еще в младенчестве, знали, что полярная звезда не остается на месте; такое открытие требует наблюдений в продолжении многих веков» и далее делает правильный вывод: «следовательно, можно предполагать, что желая обозначить годичный путь Солнца, сочли удобным наметить полюс эклиптики центром этого пути». [2: 143] То, что Камиль Фламмарион считал несоответствием в древней картине звездного неба, скорее всего, является нашей собственной недооценкой знаний древних людей и их умения видеть изменяющуюся околополюсную картину звездного неба, со сменяющимися со временем Полярными звездами в результате явления Прецессии земной оси с циклом около 26 тыс. лет, когда Полюс Мира (Экватора) движется по циклической кривой вокруг Полюса Эклиптики и, иногда, попадает на какие-либо звезды, которые в тот момент становятся неподвижными Полярными звездами, вокруг которых происходит видимое суточное вращение звездного неба. В то время, когда Полярных звезд не было видно в Полюсе Мира (Экватора), для календарных расчетов удобнее было использовать Полюс Эклиптики, в Северном полушарии Земли всегда находящийся в изгибе «шеи», рядом с «головой» созвездия Дракон, поэтому, во времена без Полярных звезд и не было у древних людей Северного полушария земли стабильного образа Полярной звезды, но был стабильный образ Полюса Эклиптики в образах Дракона или Змея, на котором держится мир, или Мирового Дерева и Мировой Горы, на котором жили Змей или Дракон. В те же времена, когда в Полюс Мира (Экватора) попадала какая-нибудь звезда, становившаяся на тот момент времени Полярной звездой, в мифологии и религиях жителей Северного полушария Земли появлялись образы Героев, победивших Змея-Дракона, новых Мировых Деревьев и Мировых Гор, уточнялись календарные системы благодаря наблюдению неподвижной точки в центре вращения неба в виде Полярной звезды, т.е. календарные наблюдения велись уже с помощью Полюса Мира (Экватора), и, т.к. они были более точными, Эклиптическая система расчетов уходила на второй план. Древние люди владели этими знаниями, передавая их в устной традиции через века и тысячелетия еще не научными понятиями, а в образах сказочных и мифических героев, символизировавших движения светил, планет и звезд, очевидно, рассказывая детям сказки на ночь, показывая на звездное небо, поэтому, эти знания можно сказать, «с молоком матери», передавались из уст в уста через поколения. В мифах разных народов мы можем найти довольно яркие описания околополюсной картины звездного неба, представленные в различных героических образах-символах Полюса Мира (Экватора), Полюса Эклиптики и созвездий рядом с ними [3, с. 7,8, 18-42]. При этом, надо заметить, что в Южном полушарии Земли наблюдались другие астрономические центры вращения неба, поэтому образы богов и героев там были другие. Южный Полюс Эклиптики находится в созвездии Золотая Рыба, а Полюс Мира попадал на разные Полярные звезды: около начала нашей Эры рядом со звездами созвездия Хамелеон, около 2000-3000 лет до н.э. рядом со звездами созвездия Киля, около 4000-5000-6000 лет до н.э. рядом со звездами созвездия Паруса, около 7000-8000-9000 лет до н.э. рядом со звездами созвездия Корма, около 11000 лет до н.э. рядом со звездой «эта» Голубя, около 14 лет до н.э. рядом со звездой «альфа» Резца, около 19000 лет до н.э. рядом со звездой «альфа» Южной Гидры, около 22000 лет до н.э. рядом со звездой «бета» Южной Гидры, около 23000 лет до н.э. рядом со звездой «бета» Октанта, около 24000 лет до н.э. и в наше время (через 26000 лет оборота Прецессии) Полюс Мира находится рядом с очень слабенькой звездочкой «дельта» Октанта. Через 26000 лет Полюс Мира попадает, примерно, на те же самые Полярные звезды. Можно изучать мифы и религии народов Южного полушария в соответствии появлением или исчезновением Полярных звезд в Южном полушарии Земли. Звезда выглядит Полярной, примерно, ± 600 лет, пока она вращается вокруг Полюса Мира еще на небольшом расстоянии.

О древних моделях мира в Экваториальной и Эклиптической системах координат, в зависимости от изменения направления земной оси в результате Прецессии, говорили в «Мельнице Гамлета» в 1969 г. [4] Джиорджио де Сантильяна, профессор истории науки Массачусетского технологического института и Герта фон Дехенд, историк науки университета Вольфганга Гете во Франкфурте. Гвоздем этой книги было утверждение, что миф представлял собой то, что авторы назвали «техническим языком», выработанным для записи и передачи астрономических наблюдений величайшей сложности, в частности связанных с

Прецессиями. На деле это исследование — названное авторами «первой разведкой» древней философской системы, основанной на особого рода астрономических знаниях, распространенных по всем районам «высокой культуры» на планете, — вроде бы описывает именно эти знания, утрату которых, примерно во времена Платона, оплакивал Аристотель. Открытия были сделаны Дехенд - будучи выпускницей Франкфуртского университета по специальности «история наук», она пожелала узнать побольше о боге-созидателе, присутствовавшем во многих культурах в качестве гения ремесел. В результате исследований, она обнаружила, что внимание многих мифов сосредоточено на Прецессии земной оси [5, с. 12-15], в частности, модель Мельницы Гамлета в древних германских мифах, есть иносказательная модель прецессионного движения оси Земли, как мы в наше время сравниваем это прецессионное движение с вращением юлы.

Примерно в это же время, в начале 60-х гг. прошлого века, еще один исследователь, американский научный обозреватель Александер Маршак, получил задание от НАСА описать историческое стремление людей что-то узнать о Луне и, в конце концов, полететь на Луну. Чем больше Маршак исследовал эту тему, тем больше он сталкивался со множеством «неожиданностей», связанных с появлением в археологических анналах информации по Шумеру, Египту и Индии о сложнейших солнечно-лунно-звездных календарях, имевших прямое отношение к сельскому хозяйству. По его разумению, их подготовка заняла тысячелетия. Также, ему попалась статья о находке у истоков Нила кости с насечками, датированной, примерно, серединой седьмого тысячелетия. Исследование насечек на кости помогло автору вычислить арифметический код, каким пользовались древние люди при наблюдении за лунными циклами. В результате многочисленных исследований, в 1972 г. он издал книгу «Корни цивилизации» [6], признание которой произошло только через 20 лет. В книге «Корни цивилизации», автор свидетельствует о том, что со времени возникновения нашего генотипа — Гомо сапиенс, около сорока тысячелетий назад, люди уделяли измерению временных периодов, обозначаемых движением небесных тел, не менее пристальное внимание, чем добыванию пропитания и изготовлению орудий труда. [5, с. 11-12]

В то же время, в начале 1960-х гг. Джеральд Хоккинс, английский профессор философии с 1952 г., профессор астрономии с 1957 г., изучал возможное использование древними людьми мегалитических сооружений в качестве астрономических приборов. Он ввёл в компьютер координаты плит и другие параметры Стоунхенджа, а также модель движения Солнца и Луны. В своей книге «Расшифрованный Стоунхендж» (Stonehenge Decoded, 1965) Хокинс приводит доказательства, что свойства Стоунхенджа позволяли предсказывать различные астрономические явления, а сам комплекс, таким образом, являлся древнейшей обсерваторией, а также календарём и вычислительной машиной. Эта теория идёт вразрез с традиционными представлениями о Стоунхендже как о примитивном святилище. Археологическое сообщество скептически отнеслось к этой и другим теориям Хокинса. В частности, известный историк Ричард Аткинсон отозвался о книге «Расшифрованный Стоунхендж», как о «тенденциозной, самонадеянной, небрежно написанной и неубедительной». Однако книга хорошо продавалась и стала очень популярной в 1960-е годы на волне энтузиазма от возникших перспектив развития вычислительной техники. В России эта книга впервые появилась под названием «Разгадка тайны Стоунхенджа» в 1973 г. [7]

В России первым исследователем астрономических значений в найденных артефактах стал советский и российский археолог-востоковед, антрополог, доктор исторических наук с 1971г. В. Е. Ларичев. Его поразили находки на Ачинской стоянке в Красноярском крае (1972 г.) и поселения Малая Сыя (1976–1979гг.) в Хакасии (Восточная Сибирь), где были найдены образцы палеолитического искусства, а именно, миниатюрный жезл, вырезанный из бивня мамонта. На его поверхности мастер эпохи палеолита с ювелирной точностью и тонким изяществом нанёс спиральный узор, составленный из 1065 различных по очертанию лунок, змеевидные полосы которого прерываются ниже средней части выпуклым пояском кольца, обычным атрибутом священных жезлов мудрецов Древнего Востока. Возраст находки составлял 18 тыс. лет. На основании кропотливых исследований учёным был сделан вывод о том, что наши предки, проживавшие на территории Сибири, уже 18 тысяч лет назад, т.е. задолго до образования шумерской, египетской, персидской, индусской, китайской и др. цивилизаций, имели совершеннейший лунно-солнечный календарь, впитавший в себя астрономические исследования не менее десяти предыдущих тысяч лет. Это определило для историка новую область исследований - космогония и космология в мировоззрении древнего общества как начала протонауки. Свои открытия исследователь опубликовал в 1986 г. в книге «Колесо времени: Солнце, Луна и древние камни» [8] и затем в 1989 г. в книге «Мудрость Змеи: первобытный человек, Луна и Солнце». [9]

Интересными оказались археоастрономические исследования комплекса древних пирамид Кочаски в Эквадоре в 1986 г. советского астронома к.ф.-м.н. В.А. Юревича, отправленного в эту страну в многолетнюю научную командировку. Восемь из 15 усеченных пирамид различных высот и площадей были снабжены лучами (пандусами) отходящими в юго-западном направлении от центра большей стороны. От конца пандуса отходят дуги, загибающиеся назад, к пирамиде, и образующие обширные, круглые и невысокие курганы на своих концах. Оказалось, что при наблюдениях от конца луча в течение нескольких веков можно было видеть

восход над центром пирамиды звезды Бенетнаш, расположенной на краю ковша созвездия Большой Медведицы. При этом эта звезда восходит последней из семи ярких звезд этого созвездия, и ее восход означает, что вся колесница Большой Медведицы красуется на небосклоне. В древности наблюдения этой звезды служили земледельцам сигналом для начала посевов [10].

Начиная с 1987 г., Саяно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа, возглавляемая к.и.н., в настоящее время доктором культурологии, академиком Л.С. Марсадоловым, проводила астроархеологические исследования. При участии астрономов Пулковской обсерватории, С.С. Смирнова и В.Л. Горшкова, Саяно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа в 1987 г. провела первые астроархеологические работы в Туве на кургане Аржан-1 [11], который был раскопан в 1971-1974 гг. археологической экспедицией под руководством М. Х. Маннай-оола и М. П. Грязнова и уже в конце 70-х гг. у Л.С. Марсадолова возникли предположения астрономического характера конструкции кургана, что удалось подтвердить с помощью астрономов С.С. Смирнова и В.Л. Горшкова - были выявлены солнечно-лунные направления. Затем стационарные пункты для астрономических наблюдений и мегалитические объекты та же экспедиция Государственного Эрмитажа проводила в полевых условиях с 1989 года на ритуальном центре Саглы в Туве, на мегалитических объектах, стационарных и временных астропунктах в Хакасии (Большой Салбыкский курган, Салбыкские «Врата», Туим) [12], на Алтае (на горе Очаровательной, в Семисарте, около Чуйского камня, на Юстыде, в Туру-Алты, Тархате) [13], а также, в Казахстане (грот Ак-Баур, Селеутас) [14].

В Курганской области (Западная Сибирь) в 1983-84 гг. сотрудником курганского областного краеведческого музея М.П. Вохменцевым и сотрудником Института археологии РАН, к.и.н. Т.М. Потемкиной было раскопано интереснейшее святилище Савин-1 - грунтово-столбовой памятник с двухкруговой планировкой. Ушло несколько лет для того, чтобы археологическое сообщество признало, что Савин-1 является святилищем с астрономическими функциями. Для этого Тамила Михайловна привлекла к работе специалистов-астрономов [15, с. 48], в результате которой астрономическая интерпретация памятника была дана российским астрономом к.ф.-м.н. В.А. Юревичем в 1996 г.[10]. В этом же году Тамила Михайловна организовала первую в России **астроархеологическую** конференцию, где научное сообщество было ознакомлено с результатами исследований памятника Савин-1.

Исследованиями **археоастрономических** символов в исторической литературе, в частности, в китайских хрониках, связанных с околополюсными созвездиями Дракон, Большой и Малой медведицами, занимался к.ф.-м.н. Э.Н. Кауров ГАИШ МГУ, который провел, одну из первых в России, археоастрономическую конференцию и по ее следам издал сборник статей «Дракон и зодиак» в 1997 г. [16]

Для российских археологов, исследующих астрономические аспекты в археологических памятниках, Институт археологии РАН в 1998 г. выпустил методическое пособие, разработанное к.и.н. Т.М. Потемкиной и к.ф.-м.н. В.А. Юревичем «Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект)», в котором даются астрономические формулы, способы расчета восходов-заходов светил над горизонтом и астрономические таблицы в помощь исследователям пригоризонтной археоастрономии [17].

Интересным оказалось исследование У. Салливана в 2000 г. о мифических предсказаниях инками на основе наблюдений пустот и облаков Млечного пути, когда по древней легенде должен был наступить потоп, когда Лисица, спасаясь от потопа вместе с Ламой и ее детенышем на горе, замочит свой хвост. Проанализировав звездное небо, У. Салливан обнаружил, что в Южном полушарии звездного неба в Млечном пути есть пустоты, которые у инков имеют названия Лама, Детеныш Ламы, Лиса, и что после 650 г. в зимнее солнцестояние Лиса уже не восходит полностью, ее хвост остается под линией горизонта [5].

В дополнение к пособию Т.М. Потемкиной и В.А. Юревича, аспирант кафедры философии Челябинского университета О.О. Полякова в 2003 г. выпустила методическое пособие «Типы астрономических планировок в археологических памятниках (методологические аспекты)» [18], в котором рассматриваются не только восходы-заходы светил над горизонтом, что общепринято в мировой практике археоастрономических исследований, как *пригоризонтные* исследования, но и более широко освещаются методы исследований во всех четырех системах астрономических небесных координат (горизонтальной, экваториальной, эклиптической, галактической), как в *пригоризонтном*, так и в *полярном* виде, знания о которых прослеживаются в структуре археологических памятников и строений древних обсерваторий, в рисунках на одежде и керамике, в рисунках на скалах, в мифологических сюжетах, в религиозных и мировоззренческих концепциях. Часто, исторические памятники содержат информацию о небе не только в *пригоризонтном* виде, но и *в полярном* виде всех четырех систем астрономических координат, но, как принято в общемировой практике, исследователи чаще обращают внимание только на *пригоризонтные* наблюдения древних людей за светилами, планетами и созвездиями, упуская и другую важную мировоззренческую составляющую знаний наших предков, связанную с наблюдением *полярных* зон всех четырех систем астрономических координат. Древние люди не только видели небо в целом, но и различали разные его части со своими центрами вращения, являющимися полюсами четырех систем астрономических координат.

По полноте астрономических исследований в археологических памятниках и древней символике в структуре всех четырех систем астрономических координат в полярном и пригоризонтном виде стоит отметить работу челябинского исследователя К.К. Быструшкина, который в 2003 г. издал книгу «Феномен Аркаима» [19] и во второй книге О.О. Поляковой «Археоастрономия в зеркале эволюционного познания», изданной в 2007 г. [3]

С 1992 года проводятся ежегодные международные археоастрономические конференций SEAC (Sociaty European for Astronomy in Culture), организуемые в разных странах, которыми руководили в разные годы К. Яшек (1992, Страсбург, Франция), В. Колева, Д. Колев (1993, София, Болгария), В. Шлоссер (1994, Бохум, Германия), Ф. Станеску (1995, Сибиу, Румыния), С. Яшек, Ф. Атрио Барандела Atrio Barandela (1996, Саламанка, Испания), Т. Микоцкий, М. Циолковский, А. Лебеф, А. Солтысик (1997, Гданьск, Польша), С. Ругглес (1998, Дублин, Ирландия), С. Эстебан, Х.А. Бельмонте (1999, Санта-Крус-де-Тенерифе, Испания), Т.М. Потемкина, В. Обридко (2000, Москва, Россия), М. Бломберг, П.Э. Бломберг, Й. Хенрикссон (2001, Уппсала, Швеция), М. Кыйва, И. Пустыльник, Л. Весик (2002, Тарту, Эстония), Э. Паштор (2004, Кечкемете, Венгрия), Х.А. Бельмонте (2005, Изили, Сардиния, Италия), И. Лирицис (2006, Родос, Греция), Дж. Вайкинас (2007, Клайпеда, Литва), Х.А. Рубиньо-Мартин, Х.А. Бельмонте, Ф. Прада, А. Альберди (2008, Гранада, Испания), М. Шалтоут и М.А. Раппенглюк (2009, Александрия, Египет), М.А. Раппенглюк, Б. Раппенглюк, Н. Кэмпион, Ф. Силва (2010, Гильхинг, Германия), Ф. Пимента, Н. Рибейро, Ф. Сильва, Н.Кампион, А. Хоакинито, Л. Тирапикос (2011, Эвора, Португалия), И. Шпрайц, П. Пехани (2012, Любляна, Словения), Дж.М. Мальвиль, М. Раппенглюк (2013, Афины, Греция), Ф. Сильва, К. Малвилл, Т. Ломсдален, Ф. Вентура (2014, Мальта), (2015, Рим, Италия), (2016, Бат, Великобритания), (2017, Сантьяго, Чили), М. Эликона (2018, Мессина, Сицилия, Италия).

В России инициатором и одним из организаторов первых научных мероприятий по археоастрономии являлась Т.М. Потемкина, в том числе двух международных конференций: "Археоастрономия: проблемы становления" (1996 г.), "Астрономия древних цивилизаций" (2000 г.) и трех всероссийских полевых семинаров: 1) Первого всероссийского полевого семинара "Астрономическое и мировоззренческое значение археологических памятников Южного Урала", который проходил 19-25 июня 2006 г. на базе археологического центра Аркаим (Челябинская область); 2) Второго всероссийского и первого в Сибири полевого семинара "Астроархеология – естественнонаучный инструмент познания древних культур Хакасии" состоявшегося в августе 2008 г. в столице Хакасии г. Абакан, на базе Хакасского научно-исследовательского института языка и литературы; 3) Третьего всероссийского полевого семинара "Астрономические методы исследований археоастрономических объектов горной гряды "Сундуки" и других исторических объектов" состоявшегося в сентябре 2016 г. на базе Новосибирского государственного университета [20].

С сентября 2013 года в России начинает издаваться ежеквартальный международный археоастрономический электронный журнал «Archaeoastronomy and Ancient Technologies» на русском и английском языках под редакцией, сначала д.и.н. В.Е. Ларичева, затем к.и.н. Т.М. Потемкиной, затем, астронома Л.Н. Водолажской. Журнал размещает свои статьи в e-library. Журнал пользуется популярностью у российских, болгарских, итальянских, американских и др. исследователей в области археоастрономии.

2. Методы археоастрономии

2.1. Метод пригоризонтной археоастрономии

В *пригоризонтной* археоастрономии принято рассматривать на древних памятниках-обсерваториях восходы-заходы светил и планет, и звездных объектов относительно линии горизонта по азимуту, отсчитываемому от 0° точно на севере. Но здесь требуется разделение наблюдений для светил и планет с одной стороны, и звездных объектов с другой стороны, т.к. движения их происходят по разным небесным законам.

2.1.1. Расчет азимутов восходов-заходов светил – Солнца, Луны, планет

Движение Солнца, Луны и планет мы наблюдаем вдоль линии Эклиптики (линия видимого пути Солнца), наклон плоскости которой к экватору меняется в пределах от 21,5° до 26,5° примерно, за 40 тысяч лет и обратно с 26,5° до 21,5° за такое же время относительно линии Экватора, когда угол оси вращения Земли к плоскости солнечной эклиптики изменяется в пределах 63,5-68,5-63,5 градусов с циклом около 80 000 лет [21, с. 21], отклоняясь в 1 год, примерно, на 0,000125°, за 100 лет – примерно, на 0,0125°, за 1000 лет – примерно, на 0,125°, в наше время, примерно, 47″ в сто лет [22, с. 355]. На 1 января 2000 года, угол наклона Эклиптики к Экватору ε составляет 23°26′21,448″. Относительно плоскости Эклиптики смотрят переменные значения отклонений Луны в пределах, примерно, ±5,5°, и планет, отклонения для которых относительно плоскости Эклиптики даются в астрономических таблицах и календарях. Важно понимать, что, когда мы рассматриваем восходы-заходы Светил и планет относительно плоскости Эклиптики, мы должны учитывать, в какое время года происходит это событие. Например, восход Солнца в летнее Солнцестояние в 2000 году происходил с максимальным удалением Земли на Эклиптике со склонением Солнца = ε = 23°26′21,448″ = 23,4393°, а в древности, например, 5 тысяч лет назад, это событие происходило со склонением на 5 х 0,125° больше, т.е. в 3000 г. до н.э. склонение Солнца в летнее солнцестояние было 24,0643°. Точно такие же значения но, со знаком минус, имело склонение Солнца в зимнее солнцестояние, когда Земля на Эклиптике уходила в максимально

противоположное положение. Но, в равноденствие, весеннее или осеннее, во все времена, линии Экватора и Эклиптики пересекаются, т.е. склонение Солнца равно 0°, день равен ночи, и в случаях равноденствия нет смысла рассматривать датировку объекта, т.к. угол наклона Эклиптики к Экватору ε в равноденствие не фиксируется. И, в то же время, в равноденствие мы сталкиваемся с другой особенностью видимого движения Солнца, такой как, на восходе-заходе в равноденствие Солнце за день смещается на максимально большее расстояние на линии горизонта, чем в солнцестояния, когда Земля находится в дальних точках эклиптики и восходит и заходит по три дня в одном и том же месте, в одно и тоже время, почему эти дни и получили название солнцестояний. В равноденствие же, восходы-заходы Солнца смещаются за день на линии горизонта, примерно, на 0,63° [23, с. 109], что чуть больше диаметра Солнца, примерно, в полградуса. Поэтому, археоастрономические реперы, указывающие на восходы-заходы Солнца в равноденствия, могут представлять собой или два объекта на линии горизонта на некотором расстоянии друг от друга, или протяженную площадку, которые вписываются в 0,63° при наблюдении из определенной точки памятника. И такие наблюдения будут соответствовать и древнему, и нашему времени, поэтому нет смысла датировать памятники по точкам восхода-захода Солнца в равноденствие. Но в равноденствия можно было уточнить продолжительность года таким образом: если по прошествии 365 дней восход Солнца происходил не между двумя реперами, то возникала необходимость добавлять один день в високосном году. Другое дело, наблюдения за восходами-заходами в дни солнцестояний, когда кажется, что Солнце три дня восходит или заходит в районе одной точки на горизонте, т.к. в солнцестояния Солнце на восходе-заходе смещается за сутки вдоль линии горизонта на минимальное расстояние, около, 0,007°, что позволяет датировать памятник с точностью до 50 лет (0,007°:0,000125°=56 лет).

Расчеты азимутов восходов-заходов светил относительно линии горизонта ведутся по формуле:

$$CosA = (Sin\delta - (Sin\varphi \times Sinh)) / (Cos\varphi \times Cosh) \quad (1)$$

где δ – склонение восходящего объекта на линии астрономического горизонта,

h – высота восходящего-заходящего светила на линии астрономического горизонта,

φ – широта точки наблюдения.

Для расчета азимутов восхода-захода Солнца на линии астрономического горизонта 0° (на уровне глаз наблюдателя), с учетом поправок на рефракцию, равную – 0,6° для высоты 0° и на величину радиуса диска Солнца для верхнего края восходящего светила – 0,25°, т.е. h = 0°– 0,6° – 0,25° = - 0,85°.

Для расчета азимутов восхода-захода Луны на линии астрономического горизонта 0° (на уровне глаз наблюдателя), с учетом поправок на рефракцию, равную – 0,6° для высоты 0°, на величину радиуса диска Луны -0,25° для верхнего края восходящего светила, и параллакс + 0, 95°, т.е. h = 0°– 0,6° – 0,25° + 0,95° = 0,1°. Но т.к. не всегда ясно, как древние люди наблюдали Луну, по верхнему краю диска или по нижнему краю диска, или по центру диска, надо внести соответствующие коррективы в формулу для Луны. Например, для расчета азимута по центру диска, формула не будет содержать размер радиуса диска Луны 0, 25° и h = 0°– 0,6° + 0,95° = 0,35° [17, с. 18-19].

Для расчета азимутов планет учитываем только рефракцию, т.к. радиусом планеты можно пренебречь, и параллакс действует только для тел, близких к Земле (Луна).

Размер рефракции светила на горизонте зависит от высоты, на которой восходит светило. Для расчета рефракции можно привести данные из таблицы Аллена [24, с. 182]

2.1.2.Расчет азимутов восхода-захода звездных объектов

Для **астроархеологических** расчетов азимуты восходов-заходов звезд над линией горизонта при исследовании древних памятников (обсерваторий) определяются по той же формуле (1), что и для светил и планет, только не нужны будут поправки на радиус звезды и параллакс. Но закон изменения положения звезд с течением времени будет другой, отличающийся от расчета положения восходов-заходов светил на Эклиптике – Солнца, Луны и планет.

При прогнозировании положений звезд в древности, надо знать, что звездные объекты со временем меняют свое положение относительно линии горизонта по прецессионному закону вращения Полюса Мира (центра Экваториальных координат) вокруг Полюса Эклиптики (центра Эклиптических координат) с циклом около 25765 лет со скоростью 50,3″ в год [22, с. 355]. Соответственно, точка равноденствия движется с той же скоростью вдоль неравномерных по длине Эклиптических зодиакальных созвездий. Собравшийся в середине 2 века до н.э. совет древнегреческих философов-астрономов под управлением Гиппарха, который к тому времени сделал математический расчет скорости Прецессии на основе сравнения астрономических данных, записанных в предыдущие эпохи, обсудил явление Прецессии точки весеннего равноденствия (предварения равноденствия) и решил пропорционально разделить Небесный Экватор на 12 Экваториальных знаков Зодиака, с названиями, соответствующими тем же Эклиптическим зодиакальным созвездиям, в зоне которых находились Экваториальные знаки в тот период времени, и тогда греческие астрономы приняли точку весеннего равноденствия в 0° Овна на тот момент, т.е. около 150 г. до н.э. и после времени созыва древних астрономов началась эпоха Рыб длинною в 2147 лет. Но, надо заметить, что вновь принятые греческими учеными Экваториальные знаки Зодиака, начинающиеся с точки весеннего равноденствия, соответствовали временам года – четыре времени года по три месяца в каждом, и в принципе, Экваториальный Зодиак – это вечно повторяющийся сезонный цикл года,

смещающийся вдоль Эклиптических созвездий вследствие явления Прецессии (предварения равноденствий). Но древние люди и ранее знали такой сезонный календарь и каждый Экваториальный знак у них назывался соответственно времени года, например, у славян, начиная с первого месяца весны – протальник, березень, травень, цветень, липец, серпень, вересень, листопад, грудень, студень, просинец, зимобор. Греческие ученые внесли некоторую путаницу в астрономические понятия Эклиптических и Экваториальных знаков, назвав их одними и теми же названиями. Возможно поэтому, современные люди путаются и не совсем понимают суть движения Экваториальных знаков относительно Эклиптических созвездий.

Смещение точки равноденствия вдоль Эклиптики отражалось на древних представлениях о мировом порядке, выражавшихся, в том числе, и в смене религиозных концепций и, в этом случае, мы можем говорить об ***астротеологии***. Так, например, в эпоху Тельца, когда весеннее равноденствие наступало, примерно, в 4450-2300 гг. до н.э., во многих мировых религиях превозносились быки и коровы, и жертвоприношения тоже осуществлялись этими животными. Через какое-то время, жрецы заметили, что весеннее равноденствие перешло в знак Овна, и возникла необходимость отказа от жертвоприношений коровами, тогда в жертву стали приноситься бараны. В результате, в частности, евреям потребовалось создать Новый Завет, в котором Моисей вывел евреев из Египта, запретил им поклоняться ненавистному Золотому Тельцу, и заново учил соплеменников совершать жертвоприношения баранами [25, Исх 32:1-30]. А в Авесте упоминается то время, когда Йима был царем «Золотого века», но настало время, когда Йима потерял свою праведность именно из-за того, что употреблял в пищу мясо рогатого скота [26, с. 75]. Время весеннего равноденствия в Овне подходило к концу, поэтому ждали нового мессию, Христа, который должен был отучить от животных жертвоприношений и накормить всех Рыбой, т.е. знали, что равноденствие будет происходить в созвездии Рыб. Но начало созвездия Рыб считалось не там, где греки в середине 1 века до н.э. приняли условный 0° Овна между крайними звездами созвездий Овна и Рыб, а с наступлением весеннего равноденствия наравне с первой, после созвездия Овен, самой яркой звездой созвездия Рыб - «эта» Рыб, которую, примерно в начале эры, было видно на востоке в дни весеннего равноденствия при гелиакическом восходе, т.е. перед восходом Солнца, когда она стала наблюдаться, освещенная еще не взошедшим Солнцем, перед его восходом, в то время, как ранее, в ожидаемом месте восхода Солнца в равноденствие, не было видно звезд в промежутке между созвездиями Овен и Рыбы. То, есть, по расчетам волхвов, ребенок, зачатый в весеннее равноденствие начавшейся эпохи Рыб, судя по гелиакическому восходу «эта» Рыб, должен был родиться через 9 месяцев в зимнее солнцестояние на той территории, где после захода Солнца в зените над головой после сумерек должна была появиться на небе первая звезда «эта» Рыбы. Такой местностью оказалась широта Иерусалима и Вифлеема. На других широтах звезда после сумерек не была в зените, т.к. в более северных широтах сумерки наступают позднее и звезда уходила дальше зенита, а в более южных широтах сумерки наступают раньше, поэтому звезда появлялась раньше зенита. Волхвы шли за звездой, пока не увидели, что в местности Иерусалим и Вифлеем после захода Солнца в дни зимнего солнцестояния, «эта» Рыб появилась в зените над головой, а ведь именно положение значимой звезды над головой при рождении ребенка давало ему указание на царственное положение.

Приведем дословное повествование в Евангелии от Матфея:

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему. Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним. И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка: "и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля." Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему. Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как, наконец, пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну. И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» [25, Мф 2:1-13].

Есть и другие примеры наблюдения древними людьми гелиакических восходов звезд. Например, всем известный факт, что египтяне внимательно следили за важнейшим событием – появлением на небе Сириуса перед восходом Солнца, совпадавшим с ежегодным разливом Нила [22, с. 22].

Выше приведен пример археоастрономических исследований комплекса древних пирамид Кочаски в Эквадоре в 1986 г. советским астрономом В.А. Юревичем, который определил, что когда-то, над центром пирамиды, можно было видеть гелиакический восход звезды Бенетнаш, крайней в созвездии Большая Медведица. В древности наблюдения за этой звездой служили земледельцам сигналом для начала посевов [10].

В умеренных широтах Северного полушария Земли большое значение для людей бронзового века имел восход звездного скопления Плеяды, возможно, из-за того, что оно хорошо было видно на этих территориях с марта по октябрь, и поэтому являлось хорошим индикатором для начала и конца сельскохозяйственных работ [27, с. 25].

3. Метод полярной археоастрономии

Полярная археоастрономия уводит наше внимание с линии горизонта, где обычно проводят *пригоризонтные* археоастрономические наблюдения за светилами, планетами и звездами, и, напротив, обращает наш взор к полюсам – центрам вращения четырех астрономических систем координат, которые древние люди различали на небе, судя по оставленным следам в культурах разных народов. В древних памятниках прослеживаются *полярные* картины в Горизонтальных, Экваториальных, Эклиптических и Галактических астрономических координатах.

Каждая из систем астрономических координат это теоретическая сфера, имеющая опорную плоскость системы (экватор сферы), перпендикулярно которой расположена ось вращения системы, где на концах фиксируются полюса системы.

3.1.Горизонтальная система координат

Горизонтальная система координат имеет плоскость Горизонта, полюсами горизонтальной системы являются Зенит (точка над головой) и Надир (точка под ногами). Горизонтальная система координат привязана к месту наблюдения и меняется с перемещением по местности. За точку отсчета в Горизонтальной системе координат принята точка севера N, и координаты системы определяются азимутом по часовой стрелке. В семиотической традиции к Горизонтальной системе относятся знаки креста, показывающего стороны света, а также, знаки шестиконечных и восьмиконечных звезд, которые тоже есть модификации изображения символов сторон света. Также, метафорический символ «лестница в небо», это, скорее всего символ направления к точке над головой – зениту, который, также, был идеологически усилен поэтажным распределением богов вдоль этой небесной лестницы. Примером изображений в горизонтальной системе координат являются бубны селькупов, которые можно было использовать как дневной компас: вертикальная стрела показывала направление север-юг, с востока и запада символично были показаны восход и заход Солнца [28, с. 71, Рис. 56; 31, с. 245, Рис. 7], а ночные бубны показывали деление неба на этажи с определенными созвездиями, в т. ч. в Зените и Надире. [39, с. 246, Рис. 8, по материалам Pantikainen, 1984, S. 144].

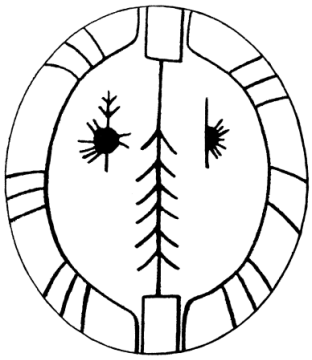

Рис. 1. Шаманский бубен селькупов
[28, с. 71, Рис. 56; 32, с. 245, Рис. 7]

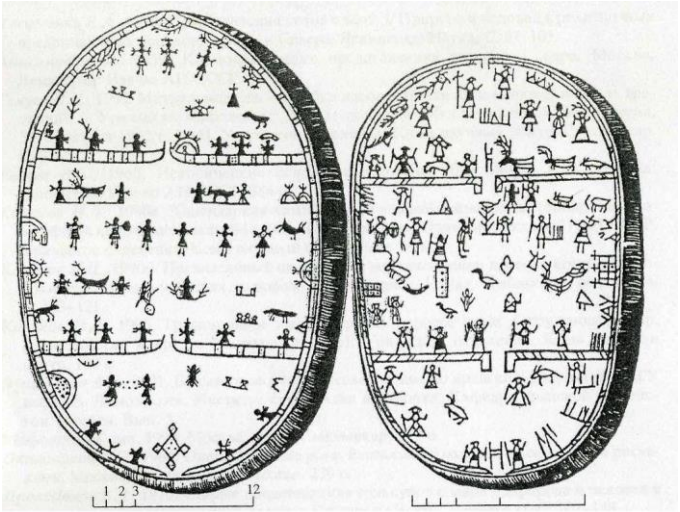

Рис. 2. Два саамских бубна
[29, с. 246, Рис. 8, по материалам Pantikainen, 1984, S. 144]

Примеры с селькуповским и саамскими бубнами относятся к ***этноастрономии***, т.к. являются предметами недавней истории, относящимися к традиционной передаче древних знаний у определенных народов.

3.2. Экваториальная система координат

Экваториальная система координат имеет опорную плоскость Небесного экватора, перпендикулярно которому расположена ось вращения Земли и Полюса Мира: Северный Полюс Мира и Южный Полюс Мира. За начало отсчета в Экваториальной системе координат принято считать точку весеннего равноденствия в 0° Овна. Полюс Мира с течением времени меняет свое расположение среди звезд в зависимости от явления Прецессии, в результате которого он описывает круги со скоростью 50,3 секунд в год, т.е. 1° за 71,57 лет и полный оборот в 360° за 25765 лет. В настоящее время Северный Полюс Мира находится рядом с Полярной звездой альфа Малой Медведицы. Самое близкое положение рядом с этой звездой будет в 2100 годах, но еще около 1500 гг., во времена Великих географических открытий, звезду альфа Малой Медведицы мореплаватели уже использовали в качестве Полярной звезды для определения направления на север. Значит, на основе исторически зафиксированных фактов, можно предположить, что звезда рядом с Полюсом Мира может восприниматься людьми в качестве Полярной звезды, примерно, за 600 лет до и после, относительно точного стояния звезды в Полюсе Мира. За полный оборот Прецессии около 26 тысяч лет Северный Полюс Мира шесть раз приближался к крупным Полярным звездам в созвездиях: Малая Медведица, Центавр, Лебедь, Лира, Геркулес, Дракон, и снова Малая Медведица и т.д. Появление Полярных звезд в Полюсе Мира создавало видимость центра вращения неба и это развивало у древних людей радиантно-ассоциативное мышление, что помогало им уточнять положения сторон света и календарь. В результате проявления радиантно-ассоциативного мышления в материальной культуре появлялись символы круга, спирали, колеса, креста, Мирового Дерева, Мировой Горы и другие космогонические символы с характеристиками идеальных божеств, как идеальна может быть неподвижная точка на фоне остального вращающегося неба. Отход Полярной звезды от Полюса Мира на несколько тысячелетий мог способствовать забвению приобретенных знаний, тем более, если последующие религиозные идеологии пытались уничтожить предшествующее знание, уже не подтверждающееся точным стоянием Полярной звезды в Полюсе Мира. С точки зрения ***астротеологии***, мы имеем такой пример с Ригведой, своде ведических знаний древних индийцев. В Ригведе описывается новая когорта солнечных богов асуров под управлением молодого солнечного бога Индры, который расколол древнюю Мировую гору на две горы – Мандару и Меру, поселился на Мировой Горе Меру вместе с другими солнечными богами асурами [30, с. 77-79], победил Мирового Змея Вритру и старых богов дэвов, ударив дубиной по тайному месту Вритры, откуда потекли новые воды, как спицы колеса [31, РВ, I. 32. 1-3, 7, 8, 10, 11, 15]. Символическим тайным местом Вритры является, скорее всего, звезда альфа Дракона, находящаяся в созвездии Дракон пониже «спины». Около 2800 гг. до н.э. альфа Дракона стала Полярной звездой, и вероятно, предки индийцев создали новую сетку астрономических координат с центром в Полюсе Мира (символические новые воды и спицы колеса), снарядив эту систему солнечными характеристиками под управлением солнечных богов, вероятно потому, что вокруг Полюса Мира происходит вращение неба в течение суток, когда Солнце днем идет над горизонтом, а ночью – под горизонтом. Археологические находки гномонов в виде фаллосов относятся, скорее всего, к этому времени, когда суточное вращение Солнца отслеживали по тени гномона, символизировавшего Полюс Мира с Полярной звездой альфа Дракона. Но, со временем, альфа Дракона ушла из Полюса Мира, произошла переоценка ценностей, древние иранцы отошли от индоиранцев, возможно, по идеологическим религиозным причинам, и древние иранцы создали Авесту, где Индра и асуры стали злыми демонами, а дэвы, символизировавшие старую астрономическую систему, основанную на наблюдении звезд и светил вдоль эклиптики, снова стали добрыми богами. В Южном полушарии Земли Южный Полюс Мира в наше время находится в созвездии Октант без Полярной звезды. Возможно, поэтому, некоторые народы, населяющие Южную Америку, например, инки, для символизации космогонических воззрений выбирали не созвездия, а яркие конфигурации пустот в Млечном Пути, используя их для предсказаний, как, например, выше видно из исследованиий У. Салливана [5]. Но за оборот Прецессии Южный Полюс Мира тоже проходил вблизи Полярных звезд в созвездии Хамелеон около 4000 лет назад, и еще раньше в созвездиях Киль, Паруса, Корма, Голубь, Южная Гидра – возможно, тогда в южноамериканских мировоззрениях появлялись символы креста и небесного центра, которые присутствуют в мировоззрениях почти всех народов.

3.3. Эклиптическая система координат

Эклиптическая система координат имеет опорную плоскость Эклиптики - орбиты Земли, по которой она вращается вокруг Солнца. На Эклиптике проецируется видимое движение Солнца, а также, Луны и планет с небольшими отклонениями. Северный Полюс Эклиптики находится в созвездии Дракон, рядом с его «головой», Южный Полюс Эклиптики находится в созвездии Золотая рыба. В древности люди чаще пользовались Эклиптической системой координат, т.к. с помощью ее символических знаков, а именно, эклиптических созвездий, наблюдали Солнце, Луну, планеты, т.к. Полярные звезды в Полюсе Мира не всегда были видны. За начало отсчета в Эклиптической системе координат принято считать точку весеннего равноденствия в 0° Овна. Точки весеннего и осеннего равноденствия являются

узлами пересечения плоскостей Экваториальной и Эклиптической систем. У многих народов эти точки равноденствия были приняты за начало отсчета Нового Года, весной или осенью. Также, Новый год отмечался и в зимнее или летнее солнцестояние, когда Солнце на горизонте при восходе-заходе достигало своего максимального положения на горизонте: зимой – южного, летом – северного. В ***астроархеологии*** примером Эклиптической системы координат являются те памятники, где отмечены 28 или 27 лунных стоянок, т.к. Луна в течение месяца обходит Эклиптику за 27,3 дня. Например, 56 лунок Обри в первой очереди Стоунхенджа, показывали положение Луны вдоль Эклиптики в 28 лунных стоянках – в начальным положением в новолуние и срединным положением в полнолуние. Изначально линия Эклиптики измерялась положениями Луны, и только со временем, древние люди догадались, что Солнце днем идет, примерно, по тому же пути, что и Луна ночью. Поэтому, изначально, Эклиптическая система координат была наделена лунными материнскими характеристиками в образе Матери Мира.

Также при ***астроархеологических*** исследованиях на археологических памятниках бывают отмечены обе системы координат, ***Экваториальная*** и ***Эклиптическая***. Тогда памятник имеет два круга, солнечный и лунный, например, святилище Савин-1 в курганской области (Россия) [17, с. 29-41].

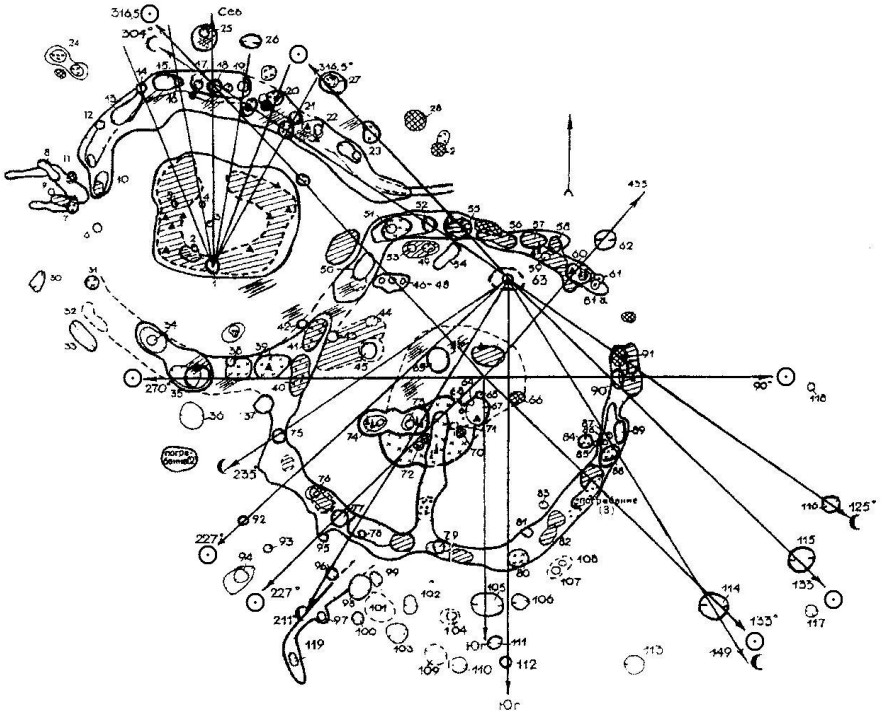

Рис. 3. Археоастрономическое исследование памятника Савин (Сибирь, Россия) По материалам Т.М. Потемкиной, В.А. Юревича [17, с. 30-31].

Также, археологический памятник может иметь два центра наблюдения, один из которых призван отвечать за наблюдения восходов-заходов светил вдоль линии Эклиптики, а другой центр имеет гномон, призванный отвечать за суточными наблюдениями времени, днем по солнечной тени, ночью – по вращению созвездий относительно вершины гномона, как, например, на Ревова3 в Одесской области (Украина) [32, 33].

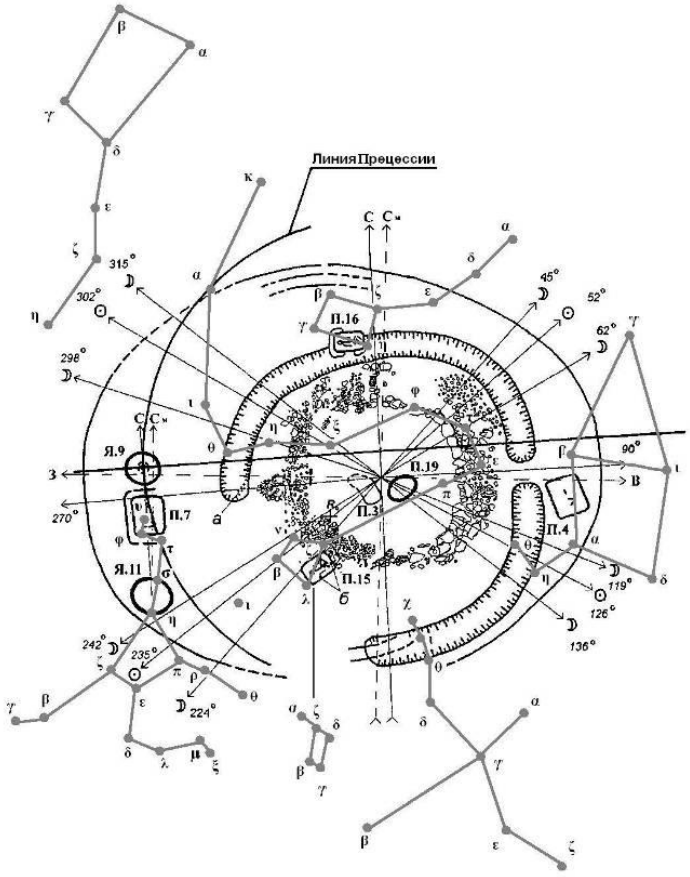

Рис. 4. Совмещенное изображение планировки Кургана 3 у села Ревова , где справа курган в виде Черепахи служил центром Эклиптической системы координат и был предназначен для наблюдений восходов-заходов светил на Эклиптике по астроархеологическим исследованиям Т.М. Потемкиной [32], а слева ямка 9 для столба и погребение 7 служили центром Экваториальной системы координат, когда рядом с Полюсом Мира находилась Полярная звезда тау Геркулеса по астроархеологическим исследованиям О.О. Поляковой [33].

В ***астропиктографии*** тоже есть примеры наскальных изображений с двумя полюсами – с Экваториальным Полюсом Мира и Эклиптическим Полюсом Эклиптики, например, в гроте Ак-Баур (Западный Алтай) [34, Рис. 4, 5; 36, с. 197-203, Рис. 1].

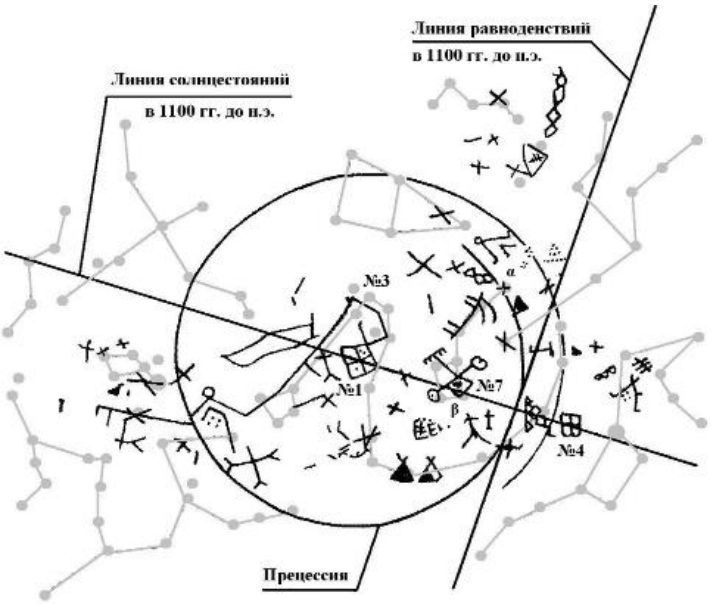

Рис. 5. Символическая картина звездного неба из грота Акбаур на Западном Алтае. Наскальные рисунки по материалам Л.С. Марсадолова, З.С. Самашева [34, Рис. 4, 5]. Наложение околополюсных созвездий с полюсами по материалам О.О. Поляковой [35, с. 197-2-3, Рис. 1].

При наложении околополюсных созвездий на рисунок в гроте Акбаур, видно, что Полюс Эклиптики попадает на «крест в квадрате с точками», символ засеянного поля, и рядом с ним - символ человечка, очевидно, божества, отвечающего за Полюс Эклиптики, а Полюс Мира попадает на «крест в квадрате без точек», причем, линия, соединяющая оба полюса проходит через символ «двухколесная колесница», на которую попадает «ковш» Малой Медведицы, символизировавшийся у шумеров Небесной колесницей по исследованиям Куртика [36, с. 301-303]. Пониже «креста в квадрате без точек» видно, что линия Прецессии пересекает созвездие Дракон рядом с альфа Дракона, бывшей ранее Полярной Звездой, и древние люди, нанося этот рисунок, знали об этом, потому что рядом со звездой альфа Дракона нарисованы два человечка, мужской и женский символы, вероятно потому, что рядом со звездой альфа Дракона есть маленькая звездочка CU Дракона, что могло явиться причиной появления близнечных символов во время стояния Полярной звезды альфа Дракона: Яма и его сестра-близнец Ями [], Йима, и его сестра-близнец Йими [] и т.д.

3.4. Галактическая система координат

Галактическая система координат имеет плоскость Галактики (Млечный путь) и полюса: Северный Полюс Галактики проецируется в созвездие Волосы Вероники, Южный Полюс Галактики проецируется в созвездие Скульптор. За точку отсчета в Галактической системе принято считать проекцию Центра галактики на плоскость Эклиптики в созвездии Стрельца. Узлы пересечения плоскости Галактики с плоскостью Эклиптики находятся в созвездиях Телец и Скорпион. О том, что места пересечения плоскости Галактики с плоскостью Эклиптики были известны древним людям, мы можем судить по некоторым символическим концепциям в культуре. Например, пифагорейцы распространяли доктрину метемпсихоза (переселения душ), по которой «духовная природа человека нисходит в материальное существование через Млечный путь – семена душ – через одни из двенадцати ворот великой зодиакальной ленты» [37, с. 184]. В галактической системе координат, в том смысле, что на объектах Млечного пути, проводит свои ***археоастрономические***, по сути, ***астромифологические***, исследования У. Салливан, исследуя легенду древних инков о потопе, где Лиса замочила свой хвост после 650 г.

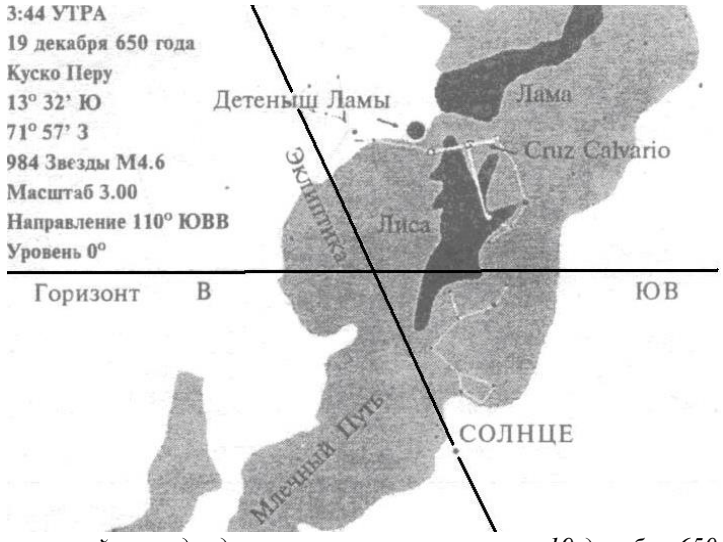

Рис. 6. Гелиакический восход в день зимнего солнцестояния 19 декабря 650 г. [5, с. 432].

4. Единовременные астрономические матрицы познания

Знание о свойствах всех четырех систем астрономических координат необходимо, для понимания изменений, происходящих с течением времени на звездном небе, что, соответственно, отражалось в мировоззрении древних людей. Совокупность всех четырех астрономических систем в определенный исторический момент представляет собой единовременную астрономическую матрицу, наблюдаемую всеми жителями Земного шара, с некоторой разницей в северном или южном полушариях Земли, т.к. в разных полушариях земли в разное время на Полюс Мира попадали Полярные звезды, и Полюса Эклиптики находятся в разных созвездиях: в Северном полушарии Земли Полюс Эклиптики находится в созвездии Дракон, в Южном полушарии земли – в созвездии Золотая Рыба. Видимые картины звездного неба отражались в космогонических представлениях и реализовывались в виде символов на керамике, одежде, наскальных рисунках, в структурах святилищ, поселений и погребальных сооружений, в мифологических и религиозных концепциях. Но единовременные астрономические матрицы наблюдаемых картин звездного неба с течением времени менялись, менялись и созданные людьми космогонические концепции, что отражалось на Картине мира соответствующей эпохи и, как правило, смене идеологических и религиозных концепций.

Исследуя символику мировоззрений наших предков с помощью знания свойств изменения астрономической матрицы, мы можем проследить эволюцию свойств символов, связанных с

космогоническими представлениями людей в различные исторические эпохи и этот анализ будет относиться к ***астрогносеологии***, т.е. гносеологии, как теории познания, рассмотренная в астрономическом ракурсе. Космос для древних людей был неотъемлемой частью природы, и необходимость осознания его для разумного человека была столь же насущна, как и познание осязаемой природы, в отличие от животных, которым для выживания хватало познания только осязаемой природы. Осознание Космоса отличалось от осознания осязаемой природы тем, что космические явления нельзя было потрогать руками и просто обозначить явление словом как предмет, поэтому возникала необходимость изобретать образы, сначала похожие на знакомые объекты и сущности, а потом уже, с перенасыщением различных образов и познанием структуры соответствующего знания, изобретать знаки, соответствующие структуре явления.

По классификации Пирса знаки делятся на три категории: знаки-индексы (признаки), иконические знаки и знаки-символы.

Знаки-индексы косвенно указывают на признаки предметов или явлений – след от ноги, дым от костра, чихание от простуды и пр. В процессе археоастрономического исследования знаки-индексы вряд ли смогут сыграть решающую роль. В астрономическом смысле больше заслуживают внимания иконические знаки.

Иконические знаки - это знаки, которые обладают рядом свойств, присущих обозначаемому им объекту. Отношения между иконическим знаком и объектом - это отношения подобия; иконический знак оказывается знаком в силу того, что ему «случилось быть похожим» на свой объект. Пирс выделял несколько разновидностей иконического знака:

1) образы или непосредственные изображения (в картинах, скульптуре, фотографии, в музыкально-шумовом подобии);

2) метафоры по принципу параллелизма между знаком и объектом (в театре и литературе);

3) диаграммы, схемы, чертежи и другие виды «нефигуративных» изображений, которые Пирс называл «логическими иконическими знаками» (этому виду иконических знаков не обязательно иметь чувственное сходство с объектом, достаточно аналогии между отношениями частей в самом объекте и в его знаке).

По поводу иконических знаков надо заметить, что история развития знаковых систем в человеческом обществе идет именно в том порядке, в каком Пирс дает описание разновидностей иконических знаков:

1) Реалистичные образы или непосредственные изображения проявились в самых древних изображениях на стенах пещер или в статуэтках, иногда удивляя нас совершенством изображений коней, бизонов, мамонтов и пр.;

2) Метафора развивается, когда развивается мифология, в которой в знакомых реалистичных образах метафорически передаются знания об окружающем мире в виде действий божественных сил соответственно действиям сил природы. Так, например, в древнегреческой мифологии « В начале существовала Мгла (Скотос), из неё возник Хаос, от Мглы и Хаоса родились Никта/Нюкта/Никата (Ночь), Эреб (Мрак) и Эрос (Любовь), Гея (Земля), Тартар (Бездна) и Уран (Небо), дети Никты и Эреба – Эфир (Воздух) и Гемера (День); братья-близнецы Гипнос (Сон) и Танатос (Смерть)...» [38, с. 17]. Здесь мы видим, что основные качества окружающего мира были облечены в понятные природные явления, или в мифические человеческие образы, или в религиозные божественные образы, наделенные определенными поступками, соответствующими действиям сил природы, видимо потому, что изначально иконические метафорические знаки были представлены реалистичными образами, и должен был быть перекинут какой-то уже знакомый и понятный мостик между образами реально существующих явлений и объектов к образам понятий, не имеющих зрительной объективации. То есть, метафоры на первых порах имели образ реальных объектов. Очень важно, что в метафоре сохранялась всеобъемлющая структура образа.

3) Диаграммы, схемы, чертежи, т.е. «логические иконические знаки», в которых достаточно аналогии между отношениями частей в самом объекте и в его знаке, стали появляться гораздо позднее, когда уже неоспоримо ясна была структура образа и самих образов становилось так много, что для усвоения информации требовалось упрощение передачи образов через наиболее общий и важный для понимания вид их структуры, как например, черта – один, две черты – 2 и т.д., круг – циклическое круговращение неба, круг с точкой – Солнце в его видимым вращением вокруг Земли, полумесяц – Луна, крест в круге – земля с четырьмя кардинальными сторонами света внутри круговращающегося неба, спираль – цикличность и т.д., а также, первые иероглифы по структуре еще были похожи на изображаемый объект.

Знаки-символы по классификации Пирса характеризуются отсутствием какой-либо внешней связи между знаком и объектом, где символ является знаком только потому, что люди считают его таковым: они знают, что он обозначает что-то. В таком случае можно сказать, что появление букв уже относится к появлению знаково-символьных характеристик по Пирсу, т.к. буквы уже не похожи на изображаемые объекты, и, чаще всего, буквами являются звуки или слоги, которые не имеют самостоятельной зрительной объективации.

В отношении понятия «символ» Соссюр высказал противоположное мнение, как отметил Ю.М. Лотман «…Соссюр противопоставил символы конвенциональным знакам, подчеркнув в первых иконический элемент» [39, с. 191]. То есть то, что Пирс называл знаком-символом, Соссюр назвал конвенциональным знаком.

По мысли Соссюра конвенциональные знаки устанавливаются в конкретном обществе по договору, как, например, в современном обществе, зебра на пешеходном перекрестке, указывает

водителям и пешеходам место безопасного перехода пешеходов, где водитель обязан притормозить движение или остановиться. Такими же конвенциональными знаками являются буквы и слова в различных языках, которые по Пирсу являются знаками-символами.

Основатель марбургской неокантианской школы Герман Коген занимался филологией, математикой, естествознанием и философией математики. Как представитель естественно-научных и математических направлений в науке, Коген выделял логическую составляющую в философских исследованиях Канта, чем задал целое направление научной философской мысли неокантианского толка. Одним из наиболее значимых последователей Когена в области логики был Пауль Герхард Наторп, который обосновывал свои исследования на учении Декарта. Для астрономического исследования знаков-символов логическая составляющая очень близка по сути, но, надо заметить, что ученые неокантианского направления брали за основу исследований понятные им категории математики и естествознания, но среди них не оказалось астрономов, поэтому астрономической части исследований не хватает в логической составляющей представителей неокантианства из числа последователей Когена. Но, надо заметить, что сам Кант, на основе учения которого развивалась неокантианское философско-логическое исследование, изначально был хорошим астрономом и эта часть его логики, в то время, не нашла своих последователей среди философов.

Кассирер, ученик Когена, «выходит за рамки характерных для марбургской школы неокантианства представлений, согласно которым естественно-научное (подразумевается, прежде всего, математическое) познание является прототипом и образцом для всех форм познания и культуры, а логическая форма понятия – их высшим универсальным критерием. Истоки такого представления Кассирер усматривает в философии Декарта. Между тем, согласно Кассиреру, наука является лишь одной из автономных форм культуры, «особой формой выражения творческой энергии духа», наряду с другими – языком, мифом, религией, искусством. Традиционный кантианский вопрос «как возможно познание?» Кассирер трансформирует в вопрос «как возможна культура?». Исходным понятием для него становится уже не «познание», а «дух», отождествляемый с «духовной культурой» и «культурой» в целом в противоположность «природе». Так как логическая форма теряет статус высшего универсального критерия, возникает необходимость в новом всеобщем принципе, который объединял бы все культурные формы. Такой принцип Кассирер находит в «символической функции», которая представлена во всех формах духа – в словах и выражениях языка, в конструкциях мифического мышления, в притчах и аллегориях религии, в образах и метафорах искусства, в понятиях и формулах науки. При этом, будучи всеобщей «средой»… она не устраняет специфического своеобразия и автономии каждой сферы духа в отдельности» [40, с. 117].

Вероятно, познание структуры символизма всегда нуждается в глубоких исследованиях, как со стороны логики, так и со стороны духовной культуры, поэтому перекос исследований в одну сторону приводит впоследствии к перекосу исследований в другую сторону и это естественный диалектический процесс развития познания. В глубоко раскрытой логической форме знака представителями марбургской школы неокантианства, но заметим, без астрономических форм логики, обнаружилась пустота, которую надо было заполнить более детально изученным содержанием, найденным Кассирером в культурном выражении «символической функции».

В то же время, Юнг, продолжая исследование в культурном выражении символизма, выделяет архетипы – «класс психических содержаний, события которого не имеют своего источника в отдельном индивиде. Специфика этих содержаний заключается в их принадлежности к типу несущему в себе свойства всего человечества как некоего целого. Эти типы, или «архаические остатки», Юнг назвал архетипами, используя выражение Блаженного Августина. Архетип происходит от латинского «типос» (печать, отпечаток) и означает определенное образование архаического характера, включающее мифологический мотив. Юнг указывает: «Человеческое тело представляет собой целый музей органов, каждый из которых имеет за плечами длительную историю эволюции, - нечто подобное следует ожидать и от устроения разума… Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума точно так же, как и строение нашего тела восходит к общей анатомической структуре млекопитающих… Архетип же является тенденцией к образованию представлений такого мотива – представлений, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы» [41, с. 69-70].

С обнаружением астрономической логической составляющей символов, мы видим, что, так называемые Юнгом архетипы, в большинстве своем имеют астрономическую структуру, как непреложную основу движений в физической природе мироздания в неосязаемой части мировосприятия, выражаемую сначала в образах сказочных и мифических героев, затем в религиозных символах.

Основываясь на предшествующих исследованиях философов-символистов, более широкую картину символических значений, наиболее полно подходящую для ***астрогносеологического*** исследования в сфере культурного прошлого, дает Лотман: «…символ определяется как знак, значением которого является некоторый знак другого ряда или другого языка. Этому определению противостоит традиция истолкования символа как некоторого знакового выражения высшей и абсолютной незнаковой

сущности. В первом случае символическое значение приобретает подчеркнуто рациональный характер и истолковывается как средство адекватного перевода плана выражения в план содержания. Во втором - содержание иррационально мерцает сквозь выражение и играет роль как бы моста из рационального мира в мир мистический. Достаточно будет отметить, что любая, как реально данная в истории культуры, так и описывающая какой-либо значительный объект лингво-семиотическая система ощущает свою неполноту, если не дает своего определения символа. Речь идет не о том, чтобы наиболее точным и полным образом описать некоторый единый во всех случаях объект, а о наличии в каждой семиотической системе структурной позиции, без которой система не оказывается полной…Таким образом, можно сказать, что, даже если мы не знаем, что такое символ, каждая система знает, что такое "ее символ", и нуждается в нем для работы ее семиотической структуры… В символе всегда есть что-то архаическое… Такое восприятие символов не случайно: стержневая группа их действительно имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе, когда определенные (и, как правило, элементарные в начертательном отношении) знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива. Способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты сохранилась за символами. Но еще более интересна для нас другая, также архаическая, черта: символ, представляя собой законченный текст, может не включаться в какой-либо синтагматический ряд, а если и включается в него, то сохраняет при этом смысловую и структурную самостоятельность. Он легко вычленяется из семиотического окружения и столь же легко входит в новое текстовое окружение. С этим связана его существенная черта: символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры - он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения… Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой… показательно, что элементарные по своему выражению символы обладают большей культурно-смысловой емкостью, чем сложные. Крест, круг, пентаграмма обладают значительно большими смысловыми потенциями, чем "Аполлон, сдирающий кожу с Марсия"…Именно "простые" символы образуют символическое ядро культуры» [39, с. 191-193].

Для ***астрогносеологического*** исследования особенно важно подчеркнуть, что:

1) символ имеет архаическое содержание и что каждая лингво-семиотическая система видит в символе свою структуру, как, например, представитель Марбургской школы неокантианства, Наторп, видел в символе логико-математическую структуру Декарта, а другой последователь этой же школы, Кассирер, видел в символе культурное выражение «символической функции»;

2) символ не принадлежит какому-либо одному срезу культуры - он пронзает этот срез, приходя из прошлого и уходя в будущее, т.к. астрономическая основа остается.

От того, что логико-математических доказательств структурности знака не хватает для полного символического осмысления, потребовалось поднять культурные пласты архаической памяти, в которой «содержание иррационально мерцает сквозь выражение». Мы же, с логико-астрономической точки зрения, с астрогносеологических позиций, пытаемся дополнить уже известные архаические символы астрономическим содержанием там, где оно «рационально мерцает сквозь выражение».

Заключение

Знаковый символизм культурных явлений может быть связан не только с непосредственно социально-бытовой деятельностью наших предков, но и с их космогоническими воззрениями, необходимыми как для ведения бытового сезонного календаря, с целью успешного планирования всех основ жизнедеятельности, так и для действенной идеологической надстройки общества в социальном плане. Наблюдая за изменениями положений светил и звезд на небе, древние люди замечали повторяемость и цикличность явлений, которые становились стержнем таких наблюдений, выводящих структурные закономерности окружающего мира, проверяемых годами, столетиями, тысячелетиями и передаваемые потомкам, сначала, в устной традиции определенными словами-символами, а потом и графическими символическими значениями, наиболее точно отображающими природу определенных закономерностей явления: круг – круговорот светил и звезд; крест – стороны света, относительно которых происходит круговорот и т.д.. Эти неизменно повторяющиеся закономерности закреплялись в сознании как структурные основы познания окружающего мира, со временем становясь архаичной формой в виде архетипов, уже не требующих доказательств. При этом, имеет значение, в какой местности люди наблюдали астрономические явления и изобретали соответственно этому символы. На территориях умеренных широт, где наблюдалось полное вращение некоторых околополюсных созвездий – таких как, Большая Медведица, Малая Медведица, Дракон – календарные схемы (в т.ч. астрологические) и архитектурные композиции древних обсерваторий-храмов выполнялись в круговой интерпретации. На территориях ближе к экватору, где вращение околополюсных созвездий не наблюдалось полностью и частично уходило под горизонт, за основу календарных (астрологических) схем и обсерваторий-храмов принимался квадрат, как символ сторон света. Люди, проживавшие в лесах, за высшие божественные символы Полюса Мира (Экватор) и

Полюса Эклиптики принимали Мировые Деревья. Люди, проживавшие в горах, за высшие божественные символы принимали Мировые Горы. Когда в Полюсе Мира (Экватора) наблюдалась Полярная звезда, примерно через 5±1 тыс. лет, появлялись моно-религии с одним верховным властителем Мира и преобладали идеалистические концепции в мировоззрении, как идеальна неподвижная точка в центре неба, никогда не заходящая под горизонт, на фоне остального вращающегося неба с заходящими под горизонт светилами, планетами и созвездиями. Когда в Полюсе Мира (Экватора) не наблюдалось полярных звезд, удобнее было наблюдать за объектами на Эклиптике, восходящими-заходящими относительно горизонта, поэтому главными символами тех эпох становились двойственные по смыслу символы: верх-низ, свет-темнота, жизнь-смерть, добро-зло, многобожие, дуальные религии (Дао, Зороастризм), материалистические дуальные концепции – объясняющие неидеальность, бренность мира во всем его единстве противоположностей.

Одним из аспектов рационально-культурного исследования древних мировоззрений в области космогонических представлений может явиться ***археоастрономический*** семиотический метод, основанный на структуре общепринятых сегодня научных представлениях о небесной механике. ***Археоастрономический*** семиотический метод позволяет по косвенным признакам определять соответствие символики некоторых культурных феноменов различным астрономическим структурам, принятым современной наукой. Использование астрономических программ в наше время упрощает исследования для непрофессионального астронома.

Литература

1. Мюллер, Ф.М. Введение в науку о религии: Четыре лекции, прочитанные в Лондонском Королевском институте в феврале - марте 1870 года. / Пер. с англ., предисловие и комментарии Е. С. Элбакян. Под общей редакцией А. Н. Красникова. — М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. — 264 с.

2. Фламмарион, К.Н. История неба. – М.: Золотой век, 1994. – 450 с.

3. Полякова, О.О. Археоастрономия в зеркале эволюционного познания. — М.: "Компания Спутник+", 2007. — 159 с. — ISBN 978-5-364-00592-2.

4. Santillana, G. de, Dechend, H. von. Hamlet's Mill: an Essay on Myth and the Frame of Time. Boston: Godine, 1983. 505 p.

5. Салливан, У. Тайны инков.- М.: Вече, 2000. - 512 с.

6. Marshack, A. The roots of civilization: the cognitive beginnings of man's first art, symbol, and notation. - McGraw-Hill, 1971 – 413 p.

7. Хокинс, Дж, Уайт, Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа / Пер. с англ. П.С. Гурова, под ред. А.А. Гурштейна. М.: Изд-во Мир, 1973. – 256 с.

8. Ларичев, В.Е. Колесо времени: Солнце, Луна и древние люди. Новосибирск: Наука. 1986. 175 стр.

9. Ларичев, В.Е. Мудрость змеи: первобытный человек, Луна и Солнце. - Новосибирск: Наука, 1989. 270 стр.

10. Юревич, В.А. Астрономические мемуары (Записки несостоявшегося астронома). http://www.sai.msu.su/EAAS/rus/doc/MEM-12.htm

11. Марсадолов, Л.С. К вопросу о семантике кургана Аржан // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы всесоюзной археологической конференции. Часть 2. Кемерово, 1989. С. 33-35.

12. Марсадолов, Л.С. Астрономическая обсерватория в Горном Алтае // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. Краткие тезисы докладов научной конференции, посвященной 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири. 4-5 декабря 1991 г. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1991. — С. 27-29.

13. Марсадолов, Л.С. Исследования на Западном Алтае (около посёлка Колывань). Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. — СПб.: Изд-во «Эльбрус», 1998. — Вып. 2.

14. Марсадолов, Л.С. Астрономический аспект грота Акбаур на Западном Алтае // Астрономия древних обществ. М., 2002. С. 228-233.

15. Вохменцев, М.П. Тамила Михайловна Потемкина в археологии Зауралья // Archaeoastronomy and Ancient Technologies 2017, 5(1), 40-52.

16. Кауров, Э.Н. Созвездие Дракона: архаическая система астрономических наблюдений // Дракон и Зодиак. - М.: Кудесники; Человек К, 1997. С. 5-50.

17. Потемкина, Т.М., Юревич, В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М.: ИА РАН, 1998. 52 с.

18. Полякова, О.О. Типы астрономических планировок в археологических памятниках (методологические аспекты). - Челябинск: АТОКСО, 2003. – 25 с.

19. Быструшкин, К.К. Феномен Аркаима: Космологическая структура и историческая геодезия. - М.: Белые альвы, 2003. – 271 с.

20. Гиенко, Е.Г. Тамила Михайловна Потемкина и полевые археоастрономические семинары в России // Archaeoastronomy and Ancient Technologies 2017, 5(1), 53-62; http://aaatec.org/art/a_ge8.

21. Васильев, Ю.М., Мильничук, В.С., Арабаджи, М.С. Общая и историческая геология. М.: «Недра», 1977. – 472 с.

22. Жаров, В.Е. Сферическая астрономия. – Фрязино, 2006. – 480 с.

23. Полякова, О.О., Голев, О.А., Голева Л.П., Голева, М.О. Усть-Ташлинский курган с "усами" в Оренбургской области // Archaeoastronomy and Ancient Technologies 2019, 7(1). С. 89-147; http://aaatec.org/vol7n1.

24. Аллен, К.У. Астрофизические величины. – М.: "Мир", 1977. – 279 с.

25. Библия. МРО ЕХБ «Библейская лига», 2005. – 1220 с.

26. Видевдат // Авеста в русских переводах. СПб.: Журнал Нева, Летний сад, 1998. – 480 с.

27. Ван-Дер-Варден, Б.Л. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1991. – 384 с.

28. Иванов, С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX-начала XX в. Сборник Музея антропологии и этнографии; Т. 22. Ленинград, 1954. – 838 с.

29. Франк, Р. Охота на европейских небесных медведей: следы небесной системы координат в славянской и угро-финской фольклорной традиции // Астрономия древних обществ. – М.: Наука, 2002. – 334 с.

30. Махабхарата. Адипарва. Книга первая / Пер. с санскрита и ком. В.И. Кальянова. – М.: Наука,1992. – 736 с.

31. Ригведа. Мандалы I-IV. Под ред. Т.Я. Елизаренковой. – М., 1989. – 768 с.

32. Потемкина, Т.М. Потемкина Т.М. Археоастрономический аспект исследований ранних сооружений кургана 3 у села Ревова // Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра.– Одесса, 2005. – Приложение 1.

33. Полякова, О.О. Археоастрономический аспект исследования кургана 3 у села Ревова в Полярных координатах // Discource of civilizations, Stratum+, 2003-2004, №2. – Saint-Petersburg-Kishinev-Odessa-Bucharest: Изд-во университета Высшая антропологическая школа в Кишиневе. 2005. P. 163-170.

34. Марсадолов, Л.С., Самашев, З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. СПб, 2000.

35. Полякова, О.О. Типы астрономических планировок в археологических памятниках (методологические аспекты) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2004. С. 197-203.

36. Куртик, Г.Е. Звездное небо древней Месопотамии: шумеро-аккадские названия созвездий и других светил. СПб,: Алетейя, 2007. – 744 с.

37. Холл, М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. СПб: СПИКС, 1994. – 800 с.

38. Кун, Н.А. Легенды и мифы древней Греции. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1955. – 452.

39. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. 1. – Таллин, 1992. – С. 191-199.

40. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. – М.; СПб.: Ун. книга, 2002. – 272 с

41. Юнг, К.Г. Архетип и символ. (https://avidreaders.ru/book/arhetip-i-simvol.html).

#12 (52), 2019 część 8
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.
Częstotliwość: 12 wydań rocznie.
Format - A4, kolorowy druk
Wszystkie artykuły są recenzowane
Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.
Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood(University College London)

#12 (52), 2019 part 8
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland.
The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Each author receives one free printed copy of the journal
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood(University College London)

Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

http://eesa-journal.com/

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

http://eesa-journal.com